

Макс Фрай

Ворона на мосту

История, рассказанная сэром Шурфом Локши-Локши



Амфора

ХРОНИКИ ВХО 4

Annotation

Делая собственную историю чужим достоянием, рассказчик не просто воскрешает её в памяти, но и в некотором роде заново овеществляет. Она, конечно, и так не выдумка, и все же прежде, до слов, ей недоставало подлинности. В результате совместных усилий рассказчика и слушателя, или читателя на перилах невообразимого Моста Времени одна за другой появляются зримые и осязаемые зарубки.

Поэтому вот вам история о Рыбнике, рыбаке и рыбке, и ещё о мокрой вороне, и о конце света заодно, и, если уж на то пошло, — о начале света, и как же хорошо, что у этого слова так много смыслов, как ни поверни, все — правда. Рассказать об этом было почти невозможно, но если не совершать невозможное хотя бы иногда, жизнь человеческая утрачивает сокровенный смысл.

- [Макс Фрай](#)
 -
 - [Ворона на мосту](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Макс Фрай

Ворона на мосту. История, рассказанная сэром Шурфом Лонли-Локли

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

— В результате вашей вчерашней прогулки, господа, — говорит Франк, — в городе появился новый мост из совершенно прозрачного стекла. Можно идти и глядеть, как под ногами течёт вода, весьма поучительное зрелище, ничего не скажешь. Вы, вероятно, решили, что он всегда тут был, — ну вот, это не так... А в Утином парке повесили качели. Вчера их ещё не было, а сегодня с утра уже есть и выглядят, словно им лет десять, не меньше. Это ведь ты любишь качаться на качелях, сэр Шурф? Можешь не отвечать, я помню, что любишь. Твой бывший начальник тебя заложил, всего-то два дня и, скажем так, полторы вечности назад.

— То есть качели появились только потому, что я люблю на них качаться? — уточняет гость. — Любопытные тут у вас причинно-следственные связи, ничего не скажешь.

— Они, будешь смеяться, везде примерно одинаковые, просто здесь все происходит более явно, бросается в глаза. Мир-то новенький, сырой ещё, лепи из него что хочешь и пожинай плоды — не через тысячи лет, сегодня же. А хороший гость, куда бы ни пришёл, всегда немного демиург. Ходит, глазеет по сторонам, любуется окрестностями и сам не замечает, как преображается под его взглядом реальность. Одно досадно: он не знает, как тут все было устроено прежде, до его визита, а потому не ведает, что творит, и упускает добрую половину удовольствия. Мой долг, как местного старожилы, сообщить гостю, что можно начинать удивляться. И объяснить почему. И попросить продолжать в том же духе.

— Хорошо, спасибо, я непременно удивлюсь. Но, если можно, не сейчас, а ближе к вечеру. Сперва мне нужно спокойно обдумать все, что вы мне рассказали, а удивление обычно мешает размышлять.

— К вечеру так к вечеру, — миролюбиво соглашается Франк. — Но смотри, не забудь.

— Ну что ты. Не в моих обычаях забывать обещания. Я тебя не

подведу.

Шурф Лонли-Локли и сейчас качается — в садовом гамаке. Меламори забралась на дерево и висит на ветке, вниз головой, — ни дать ни взять огромная летучая мышь. Франк восседает на пне, в правой руке у него Тришины садовые ножницы, в левой — стакан с птичьей кровью. Вообще-то он редко при гостях обедает, чтобы не задеть ничьих чувств, но этих-то, ясное дело, не проймёшь, так что можно ни в чем себе не отказывать.

— Ставь поднос сюда, — говорит Триша Макс, который вызвался ей помогать. — Да-да-да, вот прямо на траву, ничего ему не сделается. Спасибо тебе.

— Сухое спасибо на хлеб не положишь, — ухмыляется он. — Чур, самый большой бутерброд мой. Нет, два самых больших бутерброда. Или даже три. Эй, почему я не слышу возражений? Никто не собирается воевать со мной за бутерброды?! Ну нет, так не интересно... Франк, ты говоришь чрезвычайно дельные вещи. То есть ты вообще всегда говоришь дельные вещи, по вот сейчас — особенно. Я всегда подозревал что-то а таком роде, но так и не сумел сформулировать.

— Ещё бы ты не подозревал, — кивает Франк.

— И вот, оказывается, почему ты позволил нам взгромоздиться тебе на шею, — торжественно заключает Макс. — А если бы не захотели, нашёл бы способ уговорить. Знаю я тебя.

— Ну да. А как ещё? Все дела лучше бы доводить до конца, а уж такое великое дело, как этот город, и вовсе нехорошо бросать на полдороге. Ты бы, кстати, дал все-таки имя бедняге. А то Город — и все. Непорядок.

— Не умею я городам имена придумывать. И вообще никому, даже кошкам и собакам. Сколько раз приходилось — непременно получалась какая-то глупость, а бедные животные страдали потом. Имена — моё слабое место. Может быть, оно как-нибудь само скажется? Рано или поздно...

— ...так или иначе, ага, — подхватывает Франк. — Как же, как же, знакомая песня. Ладно, имя пока не к спеху, но ты уж, будь добр, если оно действительно когда-нибудь «само скажется», ушами не прохлопай.

— Хлоп, — тут же говорит Макс. — Хлоп-хлоп. Вид у него при этом вовсе не насмешливый, а очень, очень серьёзный.

— Если мечты и желания гостей здесь сами собой сбываются, а воспоминания овеществляются, значит, в окрестных садах уже шастают лисы, — неожиданно объявляет Лонли-Локли. — Кто сочтёт это плохой новостью, извините. Вчера меня никто не предупредил, что здесь нужно контролировать свои желания.

— Потому что тебе в кои-то веки не нужно ничего контролировать. И не вздумай. Лисы — это прекрасно, — говорит Франк. — Только они и прежде здесь жили. Рыжие. Я же сам их и развёл. А теперь, по твоей милости, ещё и серебристые появились. Осталось дожидаться любителя чернобурок, и будет у нас полный комплект. Впрочем, я и от лиловых не откажусь.

— Если на то пошло, некоторых можно подкрасить, — предлагает Триша. — В цирюльне Йурри, например. Она всех желающих красит, хоть в лиловый, хоть в зелёный. А чем лисы хуже людей?

Но её, кажется, никто не слушает. Ну и ладно, как хотите, думает она, моё дело сторона. Раз так, живите теперь как дураки, без лиловых лисиц, сами виноваты.

— Вот это да! — Меламори подтягивается на ветке и наконец-то принимает обычное положение. — Сэр Шурф, так ты, оказывается, любишь лисиц?

— Это все равно что спросить, люблю ли я людей. Любовь не то чувство, которое можно испытывать к большому числу живых существ, принадлежащих к одному виду. Было бы странно, если бы я любил всех лисиц без разбора; другое дело, что они будят во мне сентиментальные воспоминания. Когда я был мальчишкой, у меня жил лис. Мы были большие друзья.

Вроде бы о хороших, приятных вещах говорит, а хмурится. Триша озадачена, но виду, конечно, не подаёт. Зато подаёт гостю чашку. Пусть пьёт ароматный чай, все лучше, чем грустить неведомо о чем.

Он поблагодарил Тришу церемонным кивком и вдруг, ни с того ни с сего, объявил:

— С вашего позволения, теперь я погуляю один. Это и в обычном-то городе, куда приезжаешь из любопытства и ради развлечения, очень важно, я имею в виду — побродить в одиночку, без спутников, сколь бы хороша ни была компания. А если вечером или завтра поутру ты, Франк, любезно расскажешь мне, какие ещё перемены произошли в Городе, я буду тебе чрезвычайно признателен. Кроме всего прочего, это весьма любопытный способ узнать о себе нечто новое.

— Скорее, вспомнить нечто давно забытое, — сочувственно улыбается Макс. — Впрочем, один черт.

— Вот именно.

— Я тебе все любезно расскажу, не сомневайся, — обещает Франк. — Мне, собственно, и самому занятно.

— Спасибо. Рад, что могу на тебя рассчитывать.

Выбравшись из гамака с грацией, достойной лучших представителей кошачьего племени, — уж кто-кто, а Триша в этом вопросе авторитетный эксперт и готова выставить ему наивысший балл, — Лонли-Локли уходит столь поспешно, словно предстоящая прогулка — это деловая встреча и Город не простит ему опоздания. Впрочем, кто знает, какие у них сложились отношения. Всякое может быть.

— Библиотеки, — мрачно говорит Макс ему вслед.

— Что?

Они переспрашивают хором, все трое, — не то чтобы не расслышали, просто непонятно, о чем это он.

— Библиотеки, — повторяет Макс. И ещё раз, по слогам: — Биб-ли-о-те-ки! А ещё книжные лавки, букинистические развалы и книгопечатни... надеюсь, хоть не газетные киоски. На каждом углу — это если сэр Шурф все-таки будет держать себя в руках. А если нет, все вокруг станет библиотеками. Забудьте, что в этом городе когда-то были жилые дома, кондитерские лавки и сапожные мастерские. Попрощайтесь с ними прямо сейчас. Уж я этого парня знаю.

И совсем он не мрачный, а изо всех сил сдерживает смех.

— Поживём — увидим, — говорит Франк. — Но готов спорить на дюжину монет, что кондитерские все-таки выживут.

— Однако шило в заднице у твоего друга, пожалуй, даже длиннее, чем у тебя, — подумав, добавляет он. — Хотя на первый взгляд не скажешь.

— У меня-то в заднице, может быть, конечно, и шило, — ухмыляется Макс. — Зато у него — натуральная мизерикордия.

— Что?

— Мизерикордия. Переводится как «милосердие». Такой специальный полезный кинжал, чтобы добивать раненых, — скороговоркой отвечает он. — А то лежат, мучаются, стонут — бардак. Раздражает.

Ответом ему недоуменное молчание. «Эк его все-таки занесло, — думает Триша. — Раненые какие-то, и кто-то их добивает зачем-то, вместо того чтобы лечить, — ничего не понимаю».

И, кажется, не только она так думает.

— Ну что вы все на меня так смотрите? Ничего особенного я не сказал. Быть живым человеком в большинстве случаев очень больно, — почти сердито говорит Макс. — В каком-то смысле живой — это и есть раненый. Можно быть великим колдуном, а можно — невежественным фермером, один хрен, обоим примерно одинаково больно. Вопрос, строго говоря, только в том, кто чем себя глушит. Пребывать в шкуре сэра Шурфа — то ещё удовольствие, честно говоря, лито и наркоз он себе выбрал

достойный. Любопытство и жажда новых знаний делают совершенно восхитительной жизнь, которая, теоретически, должна бы стать невыносимой. Мне у него ещё учиться и учиться. С другой стороны, я даже в худшие свои дни куда меньше нуждался в обезболивании. Быть мной, по большей части, легко и приятно — насколько это вообще возможно.

— А. Вот теперь понятно, — кивает Меламори. — Наверное... Да нет, не наверное, а так оно и есть. Мизерикордия, ну и штука! Надо бы слово запомнить — красивое. Лучше любого ругательства.

— Только картину мира ты нарисовал очень уж мрачную, — улыбается Франк. — Отчасти ты, конечно, прав, но это далеко не вся правда про живых людей. Примерно одна тысячная часть правды, поверь мне.

Чего— чего, а времени для наблюдений и выводов у меня было предостаточно.

— Хорошо, если так, — соглашается Макс. — Моя позиция, как ты понимаешь, не из тех, что хочется отстаивать до последней капли крови. Если я дурак, тем лучше для всех.

— Ты не дурак. Просто живёшь не очень долго — по крайней мере, в этой шкуре. Но это, как ты понимаешь, поправимо. Уже завтра утром ты будешь гораздо старше, чем сегодня. На целый день, только подумай!

— Не могу представить, воображение отказывает.

Макс смеётся и кривляется — куда только подевалась давешняя мрачность! Вот и хорошо, не нужно ему мрачным быть. Триша — сторонница размеренной жизни. Ей совсем не скучно без землетрясений, наводнений и пыльных бурь.

Гость, о котором так много говорили, вернулся незадолго до начала сумерек, когда щенки тумана выбираются из-под кустов и ластиятся ко всем, кого застанут в саду, а изумрудно-зелёная крылатая мелочь слетается к незажженным ещё лампам. Эту мошкарку притягивает только обещание света; чем гуще сумерки, тем азартнее их копошение, а когда лампы наконец загорятся, они тут же разлетятся по тёмным комнатам и будут ждать света там. Зато в помещении, где лампу уже погасили, не задержатся и на секунду.

Франк как раз принялся колдовать над котлом, где парились розовые бутоны и тонкие ломти свежего имбирного корня. Объяснил Трише, что это — новый, неопробованный ещё рецепт. Если остудить цветочно-имбирное зелье на вечернем ветру, а потом сварить на нем кофе, добавив одиннадцать крупиц белого перца, получится настоящий волшебный эликсир, после кружки которого можно плясать, не останавливаясь, до рассвета, да ещё по ходу дела нечаянно перемыть всю посуду, побелить стены и нарубить дров

на месяц вперёд. И конечно, немного досадно, что среди гостей нет ни одного простуженного, а то бы и простуду можно было вылечить заодно, но тут уж ничего не поделаешь, ладно, пусть.

— Если это действительно очень важно, я могу попробовать простудиться, — вежливо говорит Шурф Лонли-Локли, усаживаясь за стол. — Мне никогда прежде не доводилось ставить перед своим телом такую задачу, но теоретически ничего невозможного тут нет. Вряд ли заболеть труднее, чем излечиться.

— Спасибо, — кивает Франк. — Это очень великодушное предложение. Но по правде сказать, мне совсем не нужны простуженные гости. Просто некоторые напитки любят, чтобы повар ворчал, пока их готовит. А некоторые, напротив, требуют молчания. А когда завариваешь бирюзовый чай, неплохо бы посмеяться прямо в чайник, я имею в виду, снять крышки и поднести чайник ко рту, чтобы ни единый смешок не пролетел мимо, а то придётся потом с пола поднимать, мыть, сушить и откладывать на чёрный день... Впрочем, к последней рекомендации не стоит относиться серьёзно, на кухне я иногда становлюсь слишком скаредным, Триша подтвердит.

— Да уж, иногда на тебя находит, -честно сказала Триша. — Если бы ты свои смешки сам мыл, ещё полбеды, а то ведь меня всегда заставляешь. — И, не утерпев, спросила гостя: — Ты как погулял-то?

— А вот даже не знаю, что тебе на это сказать.

Лонли-Локли аккуратно складывает на столе руки, опускает на них голову и смотрит, не мигая, в распахнутое окно, за которым понемногу сгущается вечерняя синева. Молчит. Триша знает цену такому молчанию, и этот отсутствующий взгляд ей знаком. Когда человек так молчит, он смотрит вовсе не в окно, а вот куда — вопрос, на который есть великое множество ответов, нелепых и невнятных, один другого хуже, потому что о пространстве, которое открывается ему в такие минуты, невозможно говорить человеческим языком, о нем и думать-то можно, только если забыть на время все языки, и о самой возможности существования речи тоже лучше бы не вспоминать. В общем, люди обычно говорят, что «смотрят в себя», наводят, как могут, порядок в «собственном космосе» — безнадёжно дурацкие формулировки, даже Триша это понимает.

— Я как-то довольно странно погулял, — наконец говорит гость. — Мне, конечно, было очень интересно, а временами так хорошо, что словами не объяснишь. Когда весёлое пламя сжигает тебя изнутри, когда пеной золотой стекаешь к собственным ногам, дёргаешь время своей жизни за нитки и слушаешь, как оно звенит, хохочет в тебе, но не рвётся, — тут не до

объяснений, не о чем тут говорить, даже с самим собой, да и не надо, наверное... Но все же иногда мне становилось страшно, да так, что только многолетняя привычка подчиняться разумной необходимости помогала сохранить лицо и идти дальше как ни в чем не бывало. И вот это, пожалуй, самое удивительное. Мне очень давно не было страшно; признаться, я думал, что с этим покончено навсегда, что страху, как младенческому умению ходить, не касаясь земли, в случае нужды пришлось бы учиться заново. И тут вдруг все у меня прекрасно получилось — с чего бы? Теоретически это был один из лучших дней моей жизни в самом, вероятно, безопасном месте Вселенной, -и на тебе. — Ты стал моложе, пока гулял. Может быть, поэтому, — говорит Франк, на миг подняв голову от своего котла. — Не обязательно, но очень может быть. Когда человек сталкивается с иным, непривычным ему течением времени, он обычно испытывает неконтролируемый ужас. Многие от потрясения теряют разум, а некоторые вообще могут окаменеть, не сходя с места; ты, конечно, не из таких, — ещё чего не хватало. Но и ты, однако, хорош! Позволил времени вот так просто взять да и развязать узел, в который оно тебя скрутило, и ещё удивляешься, что шарахнуло, — а ведь это опасней, чем за оголённые провода хвататься... Впрочем, у тебя нет опыта обращения с электричеством, поэтому сравнение неудачное. Не обращай внимания. Ты жив, здоров и в своём уме — вот это действительно важно.

Триша толком не дослушала его рассуждения, даже электричеством не слишком заинтересовалась, хотя расспрашивать Франка о незнакомых вещах — её главная слабость. Но тут прохлопала очередной шанс, потому что во все глаза уставилась на гостя: а ведь действительно помолодел! Тот ей сразу показалось, что-то с ним не так. А оказывается, все так, просто человек стал моложе — это же хорошо, разве нет? Люди, насколько она успела заметить, чрезвычайно ценят телесную молодость, даже ради видимости её на многое готовы.

— Интересные дела, — Лонли-Локли качает головой. — Франк, я обещал тебе, что ближе к вечеру непременно удивлюсь, но не предполагал, что настолько. Надо же, пошёл гулять, чтобы изменить Город, а вместо этого он меня переделал. Впрочем, я не в накладе. Молодость — не тот подарок, от которого хочется поскорее избавиться. Лишь бы завтра не вернуться сюда младенцем, такой поворот может сильно спутать мои ближайшие планы.

— Этого, — говорит Франк, — можешь не слишком опасаться. Здесь у нас ни один день не бывает похож на предыдущий — по большому счёту, конечно. Так-то, если в саду сидеть, хозяйство вести, как мы с Тришей, и

дальше рынка не забираться, можно не замечать никаких перемен. Но всякий старожил рано или поздно убеждается, что чудеса тут непоследовательны, а маршруты непостоянны, поэтому завтра с тобой случится что-нибудь совсем иное или вовсе ничего — так тоже бывает.

— Ну да. Я и сам мог бы сообразить, что всякая реальность похожа на своего создателя.

— Вот-вот. Причём не просто похожа, они — одно и то же, хоть и трудно это представить.

— Не очень трудно, — неожиданно улыбается гость. — Пожалуй, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Мы растревожили реальность своей болтовнёй, — Франк вдруг перешёл на шёпот и стал оглядываться по сторонам с видом заговорщика. — Сейчас она явится к нам, собственной персоной. Я уже слышу её шаги. Что мы наделали!

Хлопает входная дверь, Триша, утробно взвизгнув, вскакивает, миг — и она уже на полке, под самым потолком, среди старых кофемолок и банок с сухими травами. Интересно, с чего она взяла, что полка — более безопасное место, чем её табурет? На этот вопрос у Триши нет ответа, более того, она отлично понимает, что совершила абсолютно бессмысленное действие, но когда в следующий раз чего-нибудь испугается, снова окажется на этой самой полке, тут уж ничего не поделаешь. Хорошо хоть, за несколько лет посуду научилась не сбрасывать, поначалу-то шума и ущерба от её прыжков было куда больше.

— Хорошо вы тут развлекаетесь, — одобительно говорит Макс. — Чехарда? Прятки? Салочки? «Вы-ше-ноги-от-земли»? Чур, я на новенького!

И только теперь Триша начинает понимать, что это Франк так пошутил. Чтобы, значит, подчеркнуть, до какой степени нет разницы между реальностью и её творцом. Нечего сказать, наглядный пример!

Дурацкая все-таки вышла шутка, Триша уже невесть что подумала. Ну вот, к примеру, что откроется дверь и оттуда хлынет все сразу: дома, деревья, камни, люди и звери, товары, выставленные в лавках, оконные стекла, досужие сплетни, птичий помёт, речная вода, утренний ветер; наконец, полночное небо шмякнется на кухонный пол жирной лиловой кляксой, и тогда они все, конечно, захлебнутся и утонут, только сам Франк, наверное, как-нибудь выберется, да и то ещё вопрос. А это просто Макс зашёл, ничего никуда не хлынуло, нельзя же так людей пугать, уфф!

— Вы все меня совсем запутали! — сердито говорит Триша сверху.

Макс и Франк складываются пополам от хохота. Это её заявление, надо думать, их совсем добило. Трише немного обидно, но они так

заразительно смеются, что она тоже начинает хихикать — скорее нервно, чем весело, а все-таки. И только Шурф Лонли-Локли по-прежнему невозмутим.

— Когда-то давным-давно я прочитал в старинной рукописи, будто некоторые существа бессмертны, пока смеются, — задумчиво говорит он. — Я был чрезвычайно впечатлен, поэтому то и дело начинал смеяться, не дожидаясь, когда мне станет весело. На свой счёт я заблуждался, конечно. Но, возможно, в этой книге писали о вас.

— Мы всегда бессмертны, — улыбается Франк. — И я, и Макс, и Триша, и ты, конечно, тоже. Вообще все. Другое дело, что чувствовать и уж тем более осознавать собственное бессмертие неопытному человеку трудно, почти невозможно. Элементарное неумение чувствовать себя бессмертным люди обычно принимают за осознание собственной смертности, и это делает жизнь невыносимой. Смех — просто один из великого множества способов взять передышку; возможно, самый простой и эффективный. С этой точки зрения ты в юности очень правильно все понимал. Лонли-Локли глядит на Франка, приподняв бровь, качает головой то ли недоверчиво, то ли озадаченно.

— Интересные дела, — говорит наконец.

Он уже второй раз кряду это повторяет, как заклинание. Выходит, и правда интересные дела творятся тут у них — в «Кофейной гуще» и вообще в Городе. И это хорошо, потому что до сих пор Трише казалось, жизнь у них самая обыкновенная. Хорошая, но обыкновенная. Франку дух переводить между этими его загадочными путешествиями — в самый раз, а ей никаких чудес не положено, и так балованная — дальше некуда. И вдруг выясняется, что она живёт практически в эпицентре этих самых интересных дел, так что следует внимательно глядеть по сторонам — сколько уже чудес пропустила небось. Нет уж, тут ушки на макушке надо держать, и она будет, вот только со шкафа слезет, и сразу же!

Все— таки слезать вниз почему-то гораздо труднее, чем запрыгивать наверх, и это очень, очень несправедливо.

— Триша, что творится? Эти ужасные люди загнали тебя на шкаф? — изумлённо спрашивает Меламори.

Она вошла, когда Триша уже почти спустилась, только и осталось, что переставить одну ногу на самую нижнюю полку, а другую свесить вниз, чтобы ощутить близость кухонного пола, — почти то же самое, что поставить, хотя поставить, конечно, было бы надёжнее, но тут никак не дотянуться, она уже сколько раз пробовала, эх.

— Я сама туда залезла, — честно признается Триша, спрыгнув все-

таки на пол и переведя дух. — Франк пошутил, а я поверила, испугалась, решила, что сейчас в эти двери хлынет реальность и мы захлебнёмся, хотя на самом деле, конечно, так быть не может... Ну, неважно, тем более я уже слезла.

— Ты бы видела, как она туда метнулась. Одним прыжком — под потолок, — говорит Макс. — Когда я смотрю на Тришу, чувствую себя не человеком даже, а заколдованным бегемотом. И когда-нибудь сдохну от зависти.

— История твоего появления на свет действительно дело тёмное, но все-таки вряд ли ты заколдованный бегемот. — Франк на удивление серьёзен. — Я бы заметил.

— Если бы он был оборотнем, я бы тоже заметил, — кивает Лонли-Локли. Обращается к Франку сухо, деловито, как эксперт к эксперту, дескать, не позволим всяким самозванцам выдавать себя за священное животное, пусть даже и заколдованное.

— Дурдом, -восхищённо вздыхает Макс. — Натуральный дурдом. Именно то, чего мне всегда не хватало для полного счастья, — компании психов, на фоне которых я могу показаться почти нормальным.

— В Тайном Сыске было примерно то же самое, — напоминает ему Меламори. — Другое дело, что ты не можешь казаться нормальным вообще ни на каком фоне. Гони иллюзии прочь.

— Чем издеваться, вы бы лучше решили, кто у нас сегодня за рассказчика. Потому что я — пас. Вчера я сказал все слова, которые знаю, и ещё добрую дюжину незнакомых как-то выговорил. Теперь мне нужно время, чтобы выучить новые сочетания звуков.

— А тут и решать нечего, — Франк пожимает плечами. — Ясно кто.

И выразительно смотрит на Лонли-Локли. Триша тоже глядит на него во все глаза, в надежде, что у неё получился не менее красноречивый взгляд.

— Что, попался, сэр Шурф? — смеётся Макс. — Единственное существо, над которым ты можешь безнаказанно измываться, — это я. По счастью, мы с тобой не одни во Вселенной. А то бы ты, пожалуй, совсем зажрался.

— Ну, если всем присутствующим хочется весь вечер слушать столь скверного рассказчика...

— Хочется! — хором объявляют присутствующие. — Ещё как хочется!

— Ради такого дела я, пожалуй, испеку сырный пирог с лунным изюмом, — добавляет Франк. — Это, да будет тебе известно, большая редкость. Время от времени я приношу из своих странствий корзинку

спелого винограда. Половину съедает Триша, её доля — это святое, зато остаток я аккуратно раскладываю на деревянном блюде и по вечерам выношу в сад — если ночь обещает быть сухой. И убираю в ларь сразу после захода луны. Большая часть ягод от такого обращения портится, но получить несколько лунных изюминок с каждой грозди мне все же удаётся. На одну запеканку в год набирается, и она, поверь мне, стоит таких хлопот.

— Охотно верю, — говорит гость.

Вид у него при этом чрезвычайно растерянный и, можно сказать, обречённый. С таким лицом не байки рассказывают, а жизнь отдают ради какой-нибудь сентиментальной глупости вроде спасения человечества и, скажем, лукошка двухнедельных котят в придачу.

— А я ещё и чай заварю из двадцати двух трав, — обещает Триша. — Тебе же кофе не очень нравится? Ну вот, будет в твою честь самый распрекрасный чай в мире, только ты уж теперь не передумай, пожалуйста.

— Ладно. Если хозяева настаивают, будь по-вашему. Но вам вряд ли понравится моя манера изложения. В конечном итоге я просто испорчу всем вечер.

— Ничего, как-нибудь потерпим. — Франк твёрд, как скала.

— На самом деле ты неплохой рассказчик, — говорит Макс. — Просто не самый лучший в мире, потому и бесишься. Я имею в виду, ты слишком хорошо знаешь теорию, ясно представляешь, как должно выглядеть идеальное изложение идеальной истории, и понимаешь, что у тебя так не получится. Но не забывай, мы-то не знаем, как надо. У нас нет никаких идеалов, только любопытные уши и куча свободного времени. Поэтому с радостью выслушаем все что угодно. Хотя, что до меня, я бы предпочёл...

— Знаю, что ты предпочёл бы. Историю о старых добрых временах, когда я бегал по городу с выпученными глазами и убивал всякого, кто недостаточно почтительно меня поприветствовал. Тебе почему-то кажется, что это было очень увлекательно.

— А ещё лучше, — вкрадчиво продолжает Макс, — историю о немного менее старых и ещё более недобрых временах, когда сэр Лонли-Локли начал работать на Кеттарийского Охотника, Ребятам, уверяю тебя, абсолютно все равно, о чем слушать, а меня ты можешь сделать счастливым.

— Это будет, если я не ошибаюсь, четыреста семьдесят шестой известный мне способ сделать тебя счастливым... Не смотри на меня так, можно подумать, мы первый день знакомы. Ну да, в своё время я записывал все твои высказывания в таком духе. И подсчитывал. Ну и что? Поначалу это казалось мне чрезвычайно интересным исследованием, поскольку

прежде я не встречал людей, способных стать счастливыми, если им будет позволено посидеть на столе или, скажем, помолчать полторы минуты. Мне казалось, ты знаешь какой-то особый секрет счастья, неведомый остальным. Потом я понял, что у тебя просто такая причудливая манера выражаться, но к тому времени уже вошёл во вкус, как это всегда случается с коллекционерами. На сегодняшний день в моей тетради собрано четыреста семьдесят пять записей с пометкой «Сэр Макс, счастье».

Триша ставит чайник на плиту и думает, что никогда не поймёт людей. Никогда.

Позже, когда все собрались к ужину — Франк во главе стола, вооружённый песочными часами и горячим пирогом — вот они, подлинные символы абсолютной власти! — Трише показалось, что гость уже смирился с выпавшей ему долей. Во всяком случае, больше не пытается уверить всех присутствующих, будто им предстоит самый нескладный вечер в их жизни. И не умоляет одуматься, пока не поздно.

— Что ж, ваша взяла, — говорит он, пробуя Тришин чай. — Между прочим, я никогда не любил проигрывать, даже в мелочах. Мне это и сейчас, скажем так, не слишком нравится. Но, оглядываясь назад, я вынужден отметить, что все мои по-настоящему разгромные проигрыши оборачивались впоследствии великой удачей. Наоборот, кстати, тоже случалось неоднократно, я хочу сказать, что не было в моей жизни событий более трагических, чем некоторые мои победы. Обо всем этом, пожалуй, и расскажу. Не уверен, что получится увлекательно, зато поучительно — наверняка. По крайней мере, для меня самого. Ну и сэр Макс все-таки будет счастлив, поскольку речь пойдёт о тех самых временах, которые, боюсь, до сих пор кажутся ему самой романтической эпохой в истории Соединённого Королевства.

Ворона на мосту

История, рассказанная сэром Шурфом Лонли-Локли

— Для начала мне придётся более-менее подробно изложить обстоятельства своей жизни, а вам — набраться терпения и все это выслушать. Не самая завидная участь, но из всех присутствующих только сэр Макс знает о моем прошлом, да и то лишь в самых общих чертах¹, а история, которую я намерен рассказать, принадлежит к числу тех, где ответ на вопрос «Что происходит?» не так существен, как ответ на вопрос «С кем?».

Я родился незадолго до начала Смутных времён, то есть в ту пору, когда война Короля и Семилистника против всех остальных орденов ещё не была официально объявлена, но боевые действия уже понемногу велись. Магические ордена то и дело увязали в междоусобных дрязгах, а к согласию приходили, лишь обсуждая необходимость ограничения или даже упразднения королевской власти.

Впрочем, об этих приметах конца эпохи орденов я узнал много позже, задним, так сказать, числом. Мы жили в отдалённом пригороде, в стороне от столичных беспорядков, и о положении дел судили в основном по цвету неба: какой орден был в силе, тот и окрашивал бледные угуландские небеса в свой излюбленный оттенок. Забавно, что в детстве я очень любил ярко-голубое небо, а теперь возглавляю орден Семилистника, которому в те времена принадлежал мой любимый цвет. Иногда я думаю, что надо бы воспользоваться служебным положением и воскресить эту старую традицию, но пока не даю себе воли, не хочу понапрасну пугать старшее поколение горожан. Люди, пережившие Смутные времена, до сих пор очень серьёзно относятся к небу и предпочитают, чтобы оно было окрашено в один и тот же привычный цвет, это позволяет им чувствовать себя в безопасности. Я не считаю такую позицию правильной, но вынужден проявлять милосердие, по крайней мере пока.

Впрочем, изумрудные небеса, символизировавшие торжество ордена Водяной Вороны, тоже были прекрасны. Особенно когда ветер гнал по ним медово-жёлтые облака, любимую игрушку младших магистров ордена Часов Попятного Времени, который в ту пору ещё не был распущен. А

больше всего мне нравилось наблюдать, как небо меняет цвет, иногда трижды и даже четырежды в течение одного часа. С точки зрения человека, который превыше всего ценит красоту мира и его непостоянство, эпоха орденов была, конечно, благословенным временем. Но я отвлекся от генеральной линии повествования; постараюсь впредь не повторять эту ошибку.

Моя мать, если верить свидетельствам очевидцев, была одной из самых выдающихся красавиц своего поколения; рассказывают также, что, приступив к изучению магии под руководством женщин ордена Потаённой Травы, она решила, будто привлекательная внешность может каким-то образом помешать её занятиям. Тогда, призвав на помощь искусство преобразования, она превратилась в сущее чудовище, хотя, казалось бы, вполне могла удовольствоваться обликом неприметной особы неопределённого возраста, как делали многие. Отец мой не раз повторял, что именно от матери я унаследовал склонность кидаться из одной крайности в другую; в его устах это звучало как похвала, но были времена, когда я был готов проклинать такое наследство. Впрочем, теперь, оглядываясь назад, вижу, что все к лучшему; забавно, кстати, что к такому выводу люди обычно приходят после того, как все наихудшее, что только можно вообразить, с ними уже случилось.

Так или иначе, но, рассказывая о матери, я могу лишь повторять чужие слова. Мы так никогда и не были представлены друг другу. Полагаю, в конце войны за Кодекс Хрембера она, подобно другим адептам ордена Потаённой Травы, отправилась в добровольное изгнание и благополучно воссоединилась с Великим Магистром Хонной где-нибудь на окраине Мира; в любом случае, никакими заслуживающими доверия сведениями о её судьбе я не располагаю.

С моим отцом её связывали узы, что много крепче брачных, — некая нерушимая клятва, из тех, что легкомысленно приносят в юности, а потом до конца дней расхлёбывают последствия. Поэтому официальное поступление в орден Потаённой Травы долгое время оставалось для матери делом невозможным. Отец не соглашался расторгнуть клятву, поскольку, во-первых, наслаждался своей властью над её судьбой, а во-вторых, испытывал к Великому Магистру Хонне глубокую личную неприязнь, причины которой мне неведомы. В отместку мать пообещала сделать его бездетным и сдержала слово: бесчисленные отцовские любовницы, чуть ли не каждодневно сменявшие одна другую, ничего не смогли противопоставить её чарам. В конце концов чадолюбие возобладало над прочими чувствами и отец сдался. Сказал: «Роди мне сына, а потом, если

захочешь, выметайся хоть к Хонне, хоть к самым тёмным магистрам». Сделка состоялась. Таким образом, моё появление принесло родителям свободу друг от друга; можно сказать, я с самого начала достойно отблагодарил обоих.

Но и мне не на что пожаловаться. Детство моё было на удивление счастливым и безмятежным, особенно если рассматривать его в историческом контексте, изучив нравы и обычаи предвоенной эпохи.

Мы были богаты. Далёкие предки моего отца, члены тайного уандукского братства кладоискателей, прибыли в Угуланд в составе армии Ульвиара Безликого, прижились в этих землях и так разбогатели, разоряя лесные тайники скархлов² и крёгтелов³, что обеспечили безбедное существование многим поколениям наследников.

Я вырос в огромном загородном доме; человек менее сведущий наверняка назвал бы его замком, тем не менее, уж поверьте автору четырех авторитетных монографий по истории угуландской архитектуры, это был не замок, а очень просторный жилой дом эпохи вурдалаков Клакков, красивый, удобный и даже не лишённый некоторого простодушного величия. К дому прилагался земельный участок — луга, холмы, овраги с ручьями и лесные уголья, столь обширные, что идти пешком от дома до дальней границы наших владений приходилось добрых четыре часа — это если кратчайшей дорогой, быстрым шагом, не останавливаясь на отдых.

С младенчества меня окружали многочисленные слуги, няньки и воспитатели; надолго, впрочем, мало кто задерживался: я был совершенно невыносим. Но отец неизменно оставался доволен моим поведением. Он полагал, что нормальный ребёнок должен быть упрямым и непоседой, и я не давал ему повода усомниться в моем душевном здоровье.

Отец в ту пору числился младшим магистром в ордене Дырявой Чаши, куда поступил, как было заведено, ещё в отрочестве, повинаясь не столько призванию, сколько семейной традиции. Дома он появлялся не слишком часто, но сомневаюсь, что его дни были целиком посвящены делам ордена. Насколько я могу судить, карьера его не задалась: то ли у него вовсе не было склонности к занятиям магией, то ли, как это часто бывает, выбранный наспех и наугад путь не позволил его способностям раскрыться в полной мере.

Все эти выводы я сделал много позже, а в те дни отец казался мне великим чародеем. Он был, если судить по результату, скверным воспитателем, зато я считал его лучшим другом и доверял ему безоговорочно — мало кто из отцов может этим похвастать. Порой я думаю, что ему следовало потребовать для себя не одного, а целую дюжину

сыновей и дочек, поскольку его истинное призвание состояло в том, чтобы множить число избалованных, зато счастливых детей.

Конечно, надо принимать во внимание, что отец возлагал на меня не просто большие, а безграничные надежды. Причиной тому были мои выдающиеся способности к Очевидной магии, которые проявились очень рано. Летать, вернее, передвигаться примерно в полуметре над полом я начал много раньше, чем выучился твёрдо стоять на земле; примерно тогда же освоил Безмолвную Речь, да так к ней приохотился, что долго потом отказывался говорить вслух, пока отец не догадался внушить мне, что болтовня — это новая увлекательная игра и, если я не хочу составить ему компанию, он найдёт других достойных партнёров. После такого ультиматума я, конечно, быстро освоил устную речь и заодно письменную — почти нечаянно, просто потому, что поначалу не мог уяснить для себя разницу между чтением и разговором, да и потом долго ещё носился с самопишущими табличками, поскольку писать и читать мне нравилось гораздо больше, чем слушать и говорить. Собственно, в этом отношении мои вкусы до сих пор не претерпели кардинальных изменений.

Отец рассказывал — сам я этого не помню, — что мне ещё не исполнилось трех лет, когда я убил взглядом няньку, которая решила меня отшлёпать. Он был чрезвычайно доволен и горд этим обстоятельством; впрочем, теперь я почти уверен, что несчастную женщину просто хватил удар, находчивые слуги поспешили обвинить младенца, с которым она возилась перед смертью, и потребовать для себя утроенного жалованья за риск, а мой бедный наивный отец принял навет за чистую монету и возрадовался. Так или иначе, но с тех пор я больше никогда не убивал своих нянек и пришедших им на смену воспитателей — ни взглядом, ни ещё как-нибудь, хотя некоторые, мне кажется, вполне того заслуживали. В огородные пугала я их превращал, было дело, и на крыше за лоохи подвешивал, и ночными кошмарами развлекал. А одного недотёпу, возомнившего, будто он рождён на свет для того, чтобы научить меня основам геометрии, которые я имел счастье усвоить ещё в младенчестве, заточил в огромный горшок и отправил на ярмарку в Нумбану, после чего о нем больше никто никогда не слышал. Словом, чего только я не творил, пользуясь абсолютной безнаказанностью, но все это были вполне обычные, более-менее безобидные по тем временам детские шалости, об убийствах я и не помышлял, хотя отец, помню, меня иногда подначивал. Ему, вечному младшему магистру, не раз с прискорбием убеждавшемуся в собственной заурядности, было приятно думать, что в его доме подрастает второй Лойсо Пондохва, который, дайте время, устроит всем весёлую жизнь. Я же,

услышав однажды краем уха, что родной отец считает меня кем-то там вторым, а какого-то незнакомого человека, соответственно, первым, смертельно обиделся на обоих. Впрочем, отца я простил уже к вечеру, долго сердиться на него было решительно невозможно, а вот Лойсо Пондохву с того дня считал своим личным врагом, даже не подозревая, насколько я не оригинален в своей ненависти. В те дни Великого Магистра ордена Водяной Вороны не проклинали только ленивые и рассеянные.

Я рос без сверстников. Строго говоря, довольно долго я вообще не видел других детей, разве что на картинках или во сне, но это, конечно, не то. Родных братьев и сестёр у меня не было. О соседских детях и речи не шло. Какие могут быть соседские дети накануне Смутных времён, когда всякий мало-мальски зажиточный хозяин считал своим долгом окружить дом надёжной защитой, чтобы даже кот с чужой фермы прошмыгнуть не смел! Кому не хватало могущества или познаний, раскошеливался по такому случаю, нанимал умелого специалиста. Над защитой отцовских владений потрудились самые могущественные маги ордена Дырявой Чаши, такая взаимовыручка была у них в порядке вещей. Поэтому посторонние у нас никогда не появлялись, да и мне пришлось изрядно подрасти и многому научиться, прежде чем я смог самостоятельно выбраться за дальнюю ограду.

Впрочем, однажды отцовский кузен привёз к нам своих сыновей. Старший был моим ровесником, двое других показались мне совсем малышами, хотя сейчас я понимаю, что разница в возрасте была не так уж велика. Мой двоюродный дядя рассудил, что наш загородный дом — гораздо более тихое и безопасное место, чем его собственная городская квартира. Он не учёл только один фактор — меня, и это была серьёзная оплошность.

Я вовсе не собирался обижать братьев, напротив, обрадовался, что у меня наконец-то появились товарищи для игр, и в первые же дни втравил бедных парнишек в несколько рискованных предприятий, какие их отцу и в страшном сне примерещиться не могли. Намерения у меня, повторяю, были самые добрые, просто я несколько переоценил способности своих новых товарищей. Вернее, мне до той поры в голову не приходило, что другие дети не умеют делать самые простые вещи — скажем, летать или проходить сквозь стены. Сам-то я, понятно, проделывал такие фокусы чуть ли не ежедневно, вместо утренней зарядки. Когда весёлые и совершенно, на мой взгляд, безопасные прыжки с крыши нашего дома закончились для них переломанными ногами, руками и рёбрами, орденский знахарь, присланный отцом, быстро исправил положение, но дядя, извещённый о

происшествии, предпочёл в тот же вечер забрать пострадавших домой, к моему немалому огорчению. Больше в нашем доме дети не появлялись. Зато в моем распоряжении оставались многочисленные слуга и воспитатели, которых я уже не раз упоминал. Дети зачастую склонны недолюбливать своих наставников и преувеличивать их недостатки, но даже сейчас, много лет спустя, я вынужден констатировать, что моё окружение составляли по большей части люди недалёкие и ограниченные. Уже подростком, поступив в орден Дырявой Чаши и с удивлением убедившись, что далеко не все чужие взрослые являются скучными бессмысленными болванами, я спросил отца, почему он с такой небрежностью подбирал мне воспитателей. «Не с небрежностью, но с великим тщанием, — был его ответ. — Я хотел, чтобы ты сызмальства привык находиться среди людей, которые не способны тебя понять, ибо ты превосходишь их во всем.

Это был единственный доступный мне способ обучить тебя высокомерию и одиночеству — вот два воистину великих и полезных для развития искусства, в которых я сам, увы, не слишком преуспел».

Его признание, помню, поразило меня в самое сердце, — каков хитроумный замысел! Но теперь-то я понимаю, что была ещё одна, скорее всего главная цель — устранить всякую возможность конкуренции. Никто в моем окружении не должен был превосходить отца, сама возможность сравнения представлялась ему невыносимой. Я должен был самостоятельно прийти к выводу: нас, таких замечательных, мудрых и могущественных, всего двое на свете, остальные только крутятся под ногами и мешают. Что ж, признаюсь, именно такие представления о Мире и нашем с отцом месте в нем ещё долгое время имели надо мной великую власть. Став старше, я решил, что утешительная формула «нас двое» — иллюзия, детская сказка, а я уже взрослый и, конечно, абсолютно один. Но это, как вы понимаете, нельзя считать радикальным изменением позиции.

Жил я в отцовском доме примерно так: дни напролёт скрывался от своих назойливых опекунов — в библиотеке, на чердаке, в саду, за дальними холмами — словом, в одном из доброй полусотни укромных убежищ, где они не могли меня отыскать. По ходу дела учился быть невидимым, бесшумным, недостижимым для Безмолвной Речи и прочим полезным искусствам в таком духе. Объявлялся, только когда требовалось пополнить запасы еды и непрочитанных книг или приходила охота поиграть — в смысле, как следует обескуражить, а то и помучить первого, кто под руку подвернётся. Время от времени ко мне, совершенно ошалевшему от одиночества и вседозволенности, присоединялся отец,

благоухающий колдовскими зельями и речной водой, окружённый, как мне казалось, ореолом очередной великой тайны, и мы начинали куролесить вдвоём. Ещё неизвестно, кто вёл себя хуже, но счастливы были оба, это я точно помню.

Однажды, прогуливаясь в ближних холмах, я нашёл серебристого лисёнка чиффу с перебитой лапой — магистры ведают, как обитателя гор занесло в наши равнинные края. Я заинтересовался зверем, решил его вылечить, принёс домой, послал зов отцу и потребовал инструкций. К моему удивлению, отец не пришёл на помощь, как это было у нас заведено, а сослался на важные дела и велел поискать нужные заклинания в книгах — для того, дескать, они и существуют, чтобы приносить практическую пользу. Я провёл бессонную ночь, перевернул библиотеку вверх дном, но в итоге нашёл-таки нужную книжку, предназначенную для начинающих знахарей, внимательно её прочитал и более-менее успешно применил новые знания в деле. Лисёнок выздоровел и очень ко мне привязался, так что я обзавёлся новым товарищем для игр и заодно весьма эффектным спутником, чья дружба делала мне честь, поскольку в наших краях считалось, будто приручить чиффу невозможно. Но по-настоящему важно другое: в тот день я понял, что чтение нужно не только для развлечения. Читая некоторые книги, можно научиться Очень Важным Вещам, — это открытие окрылило и опьянило меня, да так, что воспитатели решили, будто я и впрямь разорил отцовский винный погреб: носился под потолком, прижимая к животу перепуганного лисёнка, орал что-то невразумительное и оглушительно хохотал, предвкушая грядущее могущество. Можно понять почему; мало кто осознаёт своё подлинное предназначение в столь юном возрасте. Я, собственно, так толком и не понял, что именно со мной случилось. Зато твёрдо уяснил, что нет ничего лучше, чем охотиться за знанием — превращать пустые, в сущности, слова в осмысленные, эффективные действия. И тогда же решил, что вот этим и хочу заниматься всю жизнь: рыться в книгах, выуживать оттуда чужие секреты, а потом творить чудеса. Строго говоря, именно так я теперь и живу, хотя мои пути к знанию зачастую оказывались кружными, чтобы не сказать — причудливыми.

Но вернёмся к моему детству. Я провёл в отцовском доме почти три дюжины лет. Мы довольно долго живём и относительно медленно взрослеем; прежде я принимал это как должное, теперь же, узнав со слов сэра Макса, что бывает иначе, полагаю, что это — великое благо. Я имею в виду не только и даже не столько долголетие, сколько неспешное взросление. Мне-то всегда казалось, что детство моё закончилось слишком

быстро, а оказывается, бывает много хуже — какая-то жалкая дюжина лет, и всё.

Моё персональное «и всё» означало, что пришло время поступать в орден Дырявой Чаши. Я всегда знал, что однажды это случится, усвоил сей факт чуть ли не раньше, чем выучил собственное имя. Когда человек вырастает, ему начинают сниться сны про любовь, становится очень трудно летать, меняются голос и походка, а потом ему стригут волосы и делают орденским послушником, так уж все устроено в природе, хотеть или не хотеть этих перемен бессмысленно, все равно они наступят. Уж на что отец меня баловал, но в этом вопросе он не оставил мне не то что выбора, но даже шанса задуматься о теоретической возможности такового. С ним в своё время поступили так же, и, думаю, ему просто в голову не приходило, что человек должен повиноваться скорее призванию, чем семейной традиции. Ну и мне, соответственно, никто этого не объяснил. Поэтому, когда в один прекрасный день отец велел мне готовиться к отъезду, я лишь поинтересовался, могу ли забрать с собой нужные книги. Выяснив, что это бессмысленно, поскольку орденская библиотека превосходит нашу домашнюю и все члены ордена, независимо от возраста и званий, могут читать столько книг, сколько захотят, я решил, что мне выпала завидная участь, приободрился и отправился собираться.

Отец разумеется, рассчитывал, что я произведу изрядное впечатление на орденское начальство, но эффект превзошёл его самые смелые ожидания. Я был сущим дикарём и выглядел, надо думать, соответственно: долговязый, тощий, взъерошенный мальчишка, да ещё и с ручной лисой на невидимом поводке. При этом моя обширная, хоть и бессистемная начитанность сразу бросалась в глаза собеседникам, а скверные манеры избалованного ребёнка пришились как нельзя более ко двору: храбрость, нахальство и высокомерие ценились в те времена превыше иных доблестей. С Великим Магистром ордена Дырявой Чаши я поначалу говорил как с дворецким, которому не сегодня-завтра прикажут убираться вон; несколько лет спустя отец рассказал мне, что старик был совершенно очарован, хоть и не преминул тут же поставить меня на место. Помню, мне совершенно не понравилось, когда Великий Магистр превратил меня в дырявый половик — совсем ненадолго, и больно мне не было, но худшего унижения я не испытывал никогда в жизни. Когда он вернул мне первоначальный облик, я ничего не стал предпринимать, даже рассердиться по-настоящему не сумел, просто стоял в центре приёмного зала с разинутым ртом, как распоследний болван, — столь велика оказалась моя растерянность.

Заслуженная взбучка была, впрочем, изрядно приправлена похвалами, в этом деле старик мог считаться великим мастером. Мне было чрезвычайно приятно услышать, что моим познаниям могут позавидовать многие младшие магистры, дескать, даже неразумно определять столь способного и умелого юношу в послушники, но ничего не поделаешь, порядок есть порядок; впрочем, не беда, это ненадолго, небось и пяти дюжин лет не пройдет, как все уладится ко всеобщему удовольствию.

Дело кончилось тем, что я простил Великого Магистра. Ну, скажем так, почти простил, то есть решил про себя, что, если он когда-нибудь окажется в моей власти, я не стану его убивать, а только немного попугаю.

Кстати, вот ещё любопытный момент. Поскольку речь и манеры выгодно отличали старика от нашего дворецкого, а его могущество произвело на меня просто-таки удручающее впечатление, я начал подозревать, что, возможно, мы с отцом не так уж одиноки в своём безграничном совершенстве. Это было радостное и одновременно неприятное открытие, схожие чувства может испытать бедняк, нашедший чужой кошелек, — вмиг разбогател, но при этом обнаружил, что чьи-то карманные расходы втрое превосходят сумму, которую ему удалось скопить за всю долгую жизнь.

Но высокомерия у меня, конечно, не поубавилось. Скорее наоборот. Иначе я уже не умел.

С первого же дня я почувствовал себя в орденской резиденции как рыба в воде. Здесь оказалось куда интересней, чем дома. И порядки, и атмосфера, и окружение пришлись мне по нраву. Учиться я всегда любил, а укрощать мой нрав никто не собирался. Хвала магистрам, в ордене Дырявой Чаши от послушников не требовали ни покорности, ни суровой дисциплины. Напротив, чрезвычайно ценились независимость суждений, своеволие и отчаянность — при условии, что за этим стояли личная сила и эрудиция; слабым и неспособным к наукам у нас приходилось нелегко, обычно они покидали орден уже после первой дюжины лет обучения.

Спорить со старшими, высказывать своё бесценное мнение по всякому поводу и поступать по велению собственного сердца нам вовсе не возбранялось; другое дело, что орденское начальство не считало своим долгом ограждать нас от острых языков и колдовских трюков наших наставников. Нарвался — получай, смог достойно ответить — молодец, не смог — ну и виси под потолком пузом кверху, пока о тебе не вспомнят и не соизволят снять под дружный хохот свидетелей. Жаловаться — хоть на сверстников, хоть на учителей — было дозволено, но бесполезно. Любой старший магистр был готов с сочувствием выслушать жертву и

предложить: «Ну так ответь тем же, в чем проблема? Ах не умеешь? Учись», и весь разговор. Впрочем, я выслушал такую отповедь лишь однажды и сделал надлежащие выводы. А вот на меня жаловались довольно часто, и это являлось предметом моей особой гордости.

Что касается отца, он был совершенно счастлив: я полностью оправдал его надежды. По его словам, женщины ордена шептались, будто Великий Магистр намерен со временем приблизить меня и воспитать как будущего преемника. Скорее всего, это были досужие сплетни или вовсе отцовские выдумки, но я ощущал себя величайшим колдуном всех времён и ходил по коридорам резиденции, не касаясь земли, совсем как в раннем детстве. Жизнь преисполнилась смысла. Я учился интересным и нужным вещам, блистал способностями, коллекционировал одобрителные замечания наставников и завистливые взгляды сверстников, чьим обществом надменно пренебрегал, предпочитая проводить время с отцовскими товарищами, младшими магистрами, которые охотно допускали меня в свой круг, — чего ж ещё?

Если уж я взялся рассказывать о некоторых обычаях ордена Дырявой Чаши, следует осветить один, на мой взгляд, чрезвычайно важный аспект нашего обучения. Всякий послушник начинал новую жизнь с хорошей, большой порции питья из дырявой чашки своего наставника. Эффект, думаю, более-менее вам понятен: на какое-то время, обычно пропорциональное количеству выпитого, крепости напитка и некоторым другим факторам, личная сила многократно возрастает, это сопровождается весьма приятными физическими и психическими ощущениями, которые присутствующий здесь сэр Макс обычно называет словом «эйфория». Собственную чашку можно было получить только вместе со званием младшего магистра, никак не раньше, но ощутить вкус силы нам давали регулярно. Успешных учеников поощряли чаще, чем прочих, но время от времени возможность испить из дырявой чаши выпадала каждому, это было неотъемлемой частью обучения.

Новичок должен был почувствовать, как возрастает его могущество, сколь простыми и доступными становятся немыслимые прежде вещи. При этом нам то и дело напоминали, что в будущем каждый обзаведётся собственной посудиною и сможет пить сколько пожелает, хоть по дюжине раз на дню. Такие перспективы, разумеется, понуждали нас к усердной учёбе и привязывали к ордену много крепче, чем торжественные клятвы и тайные обеты. Ради того, чтобы приблизить момент, когда у меня появится чашка, лично я был готов на все — хоть земную твердь зубами насквозь прогрызть, хоть родного отца голыми руками придушить. Хвала магистрам,

этого от меня никто не требовал.

Отец, впрочем, превосходно справился без моей помощи — я хочу сказать, он погиб примерно через пять дюжин лет после моего поступления в орден, так и не дождавшись возможности увидеть меня в звании младшего магистра. Его смерть объявили «трагической» — и «загадочной», но толком мне так никто ничего и не объяснил. Моё пылкое воображение рисовало самые невероятные картины; Великий Магистр, который удостоил меня по такому поводу личной аудиенции и долгой душевной беседы, умело подлил масла в огонь моей фантазии. Сейчас, будучи человеком взрослым и многоопытным, я не могу не понимать, что отец, скорее всего, был убит в заурядной трактирной потасовке, какие тогда были в порядке вещей: младшие магистры разных орденов в подпитии кидались друг на друга, как бешеные псы, внося таким образом свою скромную лепту в создание неповторимой атмосферы Смутных времён.

Но в ту пору я, разумеется, был совершенно уверен, что отец погиб не просто как герой, но как величайший колдун этого Мира, скажем, в эпицентре какой-нибудь великой бури, порождённой его собственными заклинаниями. Честолюбие моё, таким образом, было удовлетворено, но в кои-то веки этого оказалось недостаточно. По правде сказать, я был совершенно раздавлен. До сих пор я полагал могущественных колдунов бессмертными и ни на миг не сомневался, что уж кто-кто, а мы с отцом будем жить вечно. Выяснилось, что это не так. Я вдруг остался наедине с ужасным, как казалось мне, знанием: в моих жилах течёт кровь человека, который умер, а значит, и я тоже смертен. Это потрясло меня гораздо сильнее, чем жалость к мёртвому отцу и тоска по нашей с ним дружбе. С раннего детства я старался подражать отцу, охотно перенимал его привычки и манеры, изменяя и приукрашивая их на свой лад, го есть готовился стать его усовершенствованной копией. И вдруг выяснилось, что мои усилия были напрасны и даже вредны, становиться таким, как отец, — бессмысленно, это не помогает от смерти, скорее уж наоборот, приближает её.

При этом нельзя сказать, что я боялся смерти. Умереть, казалось мне, попросту стыдно, смерть — удел никчёмных слабаков. Меня до глубины души возмущало, что отец не избежал общей судьбы. И словно бы завещал мне сию незавидную участь. Смириться с этим я никак не мог.

В панике я принялся спешно избавляться от нежелательного наследства. Переменил цвет волос и походку, перестал ухмыляться по всякому поводу и постоянно задирать окружающих, зато завёл привычку глядеть исподлобья, чего за отцом никогда не водилось. Но вера в

собственное бессмертие ко мне так и не вернулась. Я всегда, даже в юности, был недостаточно прост, чтобы стать счастливым и безмятежным, в этом, наверное, все дело.

Кроме всего, я понял, что совершил роковую ошибку, поступив в орден Дырявой Чаши. Отец состоял в ордене долгие годы — и что толку? Научили его здесь, как избежать смерти? То-то и оно.

Обдумав все это как следует, я потребовал встречи с Великим Магистром, выступил перед ним с пламенной речью, в финале которой торжественно объявил, что намерен покинуть орден. Я был уверен, что за такую дерзость меня немедленно вышвырнут на улицу и я смогу с чистой совестью заняться поисками более подходящего ордена для продолжения обучения, но не тут-то было. Вместо заслуженного нагоняя я получил сочувственную, хоть и снисходительную улыбку, а в придачу несколько смутных, но обнадеживающих намёков: дескать, секрет бессмертия — одна из немногих великих тайн, предназначенных лишь для избранных членов ордена, к числу которых я, несомненно, присоединюсь несколько позже, если, конечно, буду усердно работать над собой. Что касается моего отца, он был прекрасным человеком и могущественным колдуном, но, к сожалению, уделял слишком мало внимания делам ордена — и вот печальные последствия его легкомыслия!

В тот момент я почти поверил Великому Магистру, поскольку очень хотел ему верить. Старик хвалил мои способности и практически посулил когда-нибудь указать путь к бессмертию, — чего ж мне ещё? К тому же я покинул его кабинет без пяти минут младшим магистром — в отличие от бессмертия, это мне было обещано твёрдо и без обиняков.

Таким образом, дела мои ус троились как нельзя лучше. Уже через несколько дней после знаменательной беседы я распрощился с одеждой послушника и получил в полное распоряжение собственную дырявую чашку. Проблема в том, что я хотел гораздо большего.

Ожидание казалось мне унижительным и к тому же опасным. Учиться пустякам, заниматься текущими делами ордена и смиренно ждать, когда начальство соизволит допустить меня к великим тайнам, — это было не по мне. Глупо и неосмотрительно терять время, когда одна смерть дышит тебе в затылок, а другая дремлет под сердцем, как младенец в материнской утробе, — примерно так я в ту пору думал. Поэтому я решил искать секрет бессмертия самостоятельно.

К моим услугам была огромная орденская библиотека и несколько совершенно свихнувшихся древних ведьм — старейшие женщины ордена Дырявой Чаши очень меня любили и охотно одаривали беседами, которые,

как я сейчас понимаю, могли бы свести с ума и более крепкого человека. Мои товарищи пустили слух, будто старухи учат меня древнему искусству любви, и посмеивались у меня за спиной — открыто задевать меня никто не решался. Искусству любви я выучился много раньше и в совсем иной компании, но тут рассудил, что глупые сплетни — наилучшие стражи для моих секретов, а потому не пытался их оспорить и лишь пожимал плечами в ответ на осторожные расспросы. Если бы кому-нибудь из любопытствующих удалось подслушать мои беседы с женщинами ордена, они были бы, мягко говоря, озадачены. Мы говорили о смерти и больше ни о чем. Разговоры на иную тему я объявлял пустой болтовнёй и пресекал незамедлительно, ничуть не смущаясь возрастом и авторитетом собеседниц.

В конце концов мне удалось выудить из потока невнятных сведений о древних орденах и деталях загробного быта названия нескольких малоизвестных старинных рукописей, которые могли бы быть мне полезны. Одного, самого важного, как мне сказали, тома не оказалось в нашей библиотеке, но это, разумеется, не могло меня остановить. Смутные времена уже были в самом разгаре, и все развлекались как могли. Поэтому никто особо не удивился, когда в один прекрасный день компания изрядно подвыпивших старших и младших магистров ордена Дырявой Чаши вломилась в резиденцию ордена Решёток и Зеркал и устроила там развесёлую драку. Ясно, что инициатором этой заварухи и единственным более-менее трезвым человеком в компании был я. Мне всего-то и требовалось, что на несколько минут оказаться в библиотечном хранилище, где, по моим сведениям, находилась нужная книга. Свара, затеянная для прикрытия кражи, унесла пару дюжин жизней и окончательно рассорила наши ордена, но сам я выбрался целым и невредимым, с царапиной на носу и вождённым фолиантом за пазухой. Был совершенно окрылён успехом и считал себя победителем, хотя, строго говоря, хвастаться было нечем, из резиденции ордена Решёток и Зеркал нас в конечном итоге вышвырнули, и правильно сделали: убить нас было весьма непросто, а призвать к порядку и вовсе невозможно.

Хорошо, кстати, что королевская библиотека в ту пору представляла собой весьма жалкое зрелище, потому что я, в случае чего, не задумываясь отправился бы штурмовать крепость Холоми, бывшую в ту пору королевской резиденцией, и кто знает, к каким последствиям это могло бы привести. А так обошлось.

Дома я получил строжайший выговор и неофициальную благодарность нашего Великого Магистра: во-первых, он с молодых ногтей недолюбливал

некоторые пункты устава ордена Решёток и Зеркал, а во-вторых, на пути к библиотеке я ухитрился почти случайно зашибить пару могущественных колдунов с безупречной репутацией — скорее везение, чем заслуга. Но такие вещи у нас очень ценились. В финале беседы Великий Магистр велел мне беречь себя и копить силу — дескать, настоящие битвы ещё впереди. Я сделал вид, будто послушался доброго совета, заперся в своей комнате и засел за книги. Бессмертие, казалось мне, — вот оно, на расстоянии вытянутой руки, и скоро будет моим.

Не стану утомлять вас подробным отчётом о моих достижениях и разочарованиях. Скажу лишь, что корпел над книгами без малого три года, не отвлекаясь на прочие дела, благо звание младшего магистра не давало права командовать, зато практически освобождало от необходимости подчиняться и отчитываться о своих действиях.

Мои приятели полагали, что я нашёл более чем странный способ распорядиться обрётённой свободой, но я так и не научился интересоваться мнением окружающих, лишь удивлялся порой, что эти болваны не становятся в очередь, чтобы вылизать мои сапоги — пока не поздно, то есть пока я ещё молод, великодушен и готов к столь близким отношениям с людьми. Мне казалось, что вскоре, то есть когда я обрету настоящее могущество, от нынешнего мягкосердия не останется и следа. Удивительно сейчас вспоминать, каким я был молодым дураком, но справедливости ради следует сказать, что мои взгляды не были из ряда вон выходящими. В Смутные времена юных колдунов с подобным мироощущением было предостаточно; другое дело, что у меня были некоторые основания полагать себя чем-то исключительным, помноженные на врождённый талант впадать в крайности, о чем бы ни шла речь.

Но вернёмся к моим занятиям. Я так и не обнаружил в книгах секрета бессмертия, зато открыл для себя древнюю науку воскрешения покойников и счёл, что для начала это неплохо. Выучившись побеждать чужую смерть, можно получить власть над собственной — так я себе это представлял. И работал как проклятый.

Когда я наконец решил, что пришло время опробовать теоретические знания на практике, у меня под рукой, как назло, не оказалось ни единого свежего покойника. Недолго думая, я подозвал своего лиса, который к тому времени не только вырос, но и благополучно состарился. Воспользовавшись Безмолвной Речью, к которой обычно прибегал для общения со своим питомцем, я объяснил, что собираюсь сделать: убить его, а потом воскресить. Сказал, так надо. Лис понял меня, как понимал всегда, и согласился с моим решением. Его доверие ко мне не знало границ, мы с

ним были одна стая, поэтому зверь не сопротивлялся, когда я сомкнул пальцы на его горле. Я, разумеется, был совершенно уверен, что несколько часов спустя верну ему жизнь. И думать не желал о возможной неудаче, в противном случае я бы все-таки дал себе труд выйти на улицу и убить кого-нибудь из прохожих. Не то чтобы такое поведение уже повсеместно считалось нормой, но в противоречие с моими нравственными принципами оно не вступало.

Но я, повторяю, ни на миг не сомневался в успехе.

Прикончив лиса, я тут же взялся за дело. Твёрдой рукой чертил на его брюхе и затылке колдовские знаки, нараспев читал самое длинное из когда-либо попадавшихся мне заклинаний — два с половиной часа без перерыва, и лучше даже не думать о том, что будет, если запнёшься или сфальшивишь. Но я был неплохо подготовлен и показал себя с наилучшей стороны. В должный момент мой старый друг дёрнулся и открыл глаза. Я ликовал.

Пару часов спустя я понемногу начал беспокоиться. Воскрешённый лис вёл себя как-то слишком уж вяло. Лежал там, где я его оставил, время от времени ритмично мотал хвостом и вертел головой, но совершенно не обращал внимания на миску с едой, которую я сунул ему под нос, а это было совсем на него не похоже.

Я провёл рядом с ним бессонную ночь в надежде, что рано или поздно лис оправится и продемонстрирует свои былые повадки. На рассвете я поднял зверя на руки и поразился тяжести и холоду его тела. Но я не сдавался, тискал его и тормозил, чтобы согреть. Наконец взял его под одеяло, обнял, прижал к себе, заглянул в глаза — и обмер.

Это были мёртвые глаза мёртвого животного и ничего больше. Я бы и раньше мог это заметить, просто очень уж не хотел замечать. Но тут пришлось признать очевидное. Заклинания вовсе не вернули лису жизнь — они просто заставили труп шевелиться, моргать и подражать повадкам живого существа, не более того.

Таким образом, я впервые в жизни потерпел разгромное поражение. Сказать, что я был раздавлен, — не сказать ничего.

Я поспешно уничтожил мёртвое существо, в которое по моей милости превратился лис, и провёл несколько суток в мучительных попытках понять, где я ошибся. Ещё трижды читал заклинание над трупами, на сей раз человеческими, — все с тем же результатом. Воскрешённые мною мертвецы энергично передвигались по комнате и даже издавали вполне обнадёживающие, я имею в виду, членораздельные звуки, однако склонять их к беседам я не стал. Уж на что я был в ту пору храбр и безрассуден, но

слушать, что станут рассказывать воскрешённые покойники, не хотел, да и в глаза им больше не заглядывал. Лиса с меня хватило.

Наконец я окончательно убедился, что исполняю ритуал безупречно, и был вынужден признать, что совершил ошибку гораздо раньше, когда в первый раз читал и истолковывал древний текст. Неизвестный автор книги обещал, что заклинание расшевелит любого мертвеца, вольно же мне было думать, будто «расшевелить» — это то же самое, что «вернуть к жизни».

Короче говоря, сам виноват.

Я устыдился и дал себе слово больше никогда не выдавать желаемое за действительное, но не учёл, что у меня вряд ли хватит мудрости отличить одно от другого. Проще всего вовсе не иметь желаемого, я имею в виду, ничего не хотеть, но это, по правде сказать, не так давно стало мне понятно, а подсказывать самому себе, высунувшись по пояс в прошлое, как в распахнутое окно, я не умею, и вообще, кажется, никто.

Утратив надежду отыскать в древних рукописях секрет бессмертия, я сказал себе, что неправильно расставил приоритеты. Сейчас самое главное для меня — личная сила, а тайные знания как-нибудь потом сами приложатся, орденская библиотека небось не сгорит, а если и сгорит, найдутся в Соединённом Королевстве другие книгохранилища. В действительности, думал я, если быть самым могущественным колдуном этого Мира, никто не сможет меня убить — это прежде всего. Строго говоря, только это и требуется, потому что справиться со старостью и болезнями — дело нехитрое, мало ли что наш Великий Магистр этого, кажется, не умеет, зато некоторые другие точно умеют, а значит, и я научусь. Но с этим как раз можно не спешить, время пока есть, я молод, даже слишком, а вот могущество мне требуется как можно скорее, срочно, немедленно, вот прямо сейчас, а лучше бы — позавчера.

У меня было по крайней мере одно несомненное достоинство: приняв решение, я тут же начинал действовать, не откладывая на потом, не дожидаясь благоприятных обстоятельств, даже краткой передышки себе не позволяя. Я избавился от печальных последствий своих экспериментов, вызвал прислугу, чтобы прибрали в комнате, а сам отправился в ванную — думать. Лучше всего мне всегда думалось под водой, не знаю уж почему — хлеххелов⁴ в нашем роду, насколько мне известно, не было.

Вариантов нашлось не так уж много. Из книг я знал, что самый простой способ приумножить силу — напиток крови другого колдуна. Тут имелось одно существенное неудобство: нить кровь, согласно древнему ритуалу, следовало только с согласия и, более того, искреннего одобрения её владельца, иначе — никакого толку. А рядом со мной не было ни

единого мало-мальски могущественного существа, готового поделиться кровью, так что этот путь пришлось отместить сразу.

Ещё в некоторых старинных рукописях я читал, что обладателя великой силы можно просто убить и съесть, желательно целиком — хлопотно, конечно, и утомительно, даже для человека с отменным аппетитом не самая простая задача, зато не нужно спрашивать разрешения. Но по здравому размышлению я понял, что убить по-настоящему могущественного колдуна мне, пожалуй, пока не по плечу. А тех, кого я смогу убить, есть совершенно бессмысленно, возможно, даже вредно для здоровья.

Если не ошибаюсь, в сходных случаях сэр Макс говорит: «порочный круг». Не уверен, что правильно понимаю смысл этого фразеологического оборота, но интуитивно чувствую, что к описанной ситуации он подходит как нельзя лучше.

Я, конечно, не сдался. Лежал на дне бассейна, вспоминал, что ещё я знаю о способах быстро увеличить личную силу, пока меня наконец не осенило: зачем что-то искать и тем более кого-то жрать, когда превосходное хранилище безграничного могущества находится у меня под самым носом.

Я говорю об орденских дырявых аквариумах, и, конечно же, тут требуется дополнительное разъяснение, поскольку лично мне больше не приходилось встречать ничего подобного — ни в жизни, ни даже в книгах.

Постараюсь рассказать коротко, но все же по порядку. Орденские послушники, как я уже говорил, лишь время от времени получали порцию питья из дырявых чашек своих наставников. Это делось не только из педагогических соображений, но ещё и потому, что, по мнению основателей ордена — и тут они были совершенно правы, — увеличивать личное могущество следовало постепенно. Младшие магистры получали дырявые чашки в полное распоряжение — считалось, что к этому моменту человек уже способен понять, в каких случаях следует из них пить, а когда лучше воздержаться. Зато наши старшие магистры пили только из дырявой посуды — даже воду и камру, но этим дело не ограничивалось. Каждый день они получали на обед блюдо из рыбы, которую перед этим подолгу содержали в дырявых аквариумах; некоторые, самые старые, не ели вообще ничего, кроме этой рыбы, — такая диета помогала им подолгу сохранять здоровье и преумножать могущество даже в том возрасте, когда другие колдуны неизбежно начинают его терять. Вода в наших дырявых аквариумах считалась воистину чудодейственной, наши знахари давали её больным или раненым, маленькими порциями, примерно по столовой ложке, и те исцелялись в кратчайшие сроки. Всем остальным пить воду из

дырявых аквариумов было строго-настрого запрещено. Нам объясняли, что человек не способен справиться с таким невероятным могуществом, я же был глубоко убеждён, что орденские старейшины просто боятся конкуренции. Ходили слухи, будто наш Великий Магистр ежедневно черпает полную кружку из самого большого аквариума. Неудивительно, что он не желает ни с кем делиться, думал я. На его месте я бы и сам хитрил. А все эти разговоры о том, что человек, дескать, не способен справиться с могуществом, — не хитрость даже, а детский лепет. Слушать смешно. Удивительно, что находятся дурни, которые этому верят, а ведь их великое множество. Но я-то, хвала магистрам, не таков.

Дело было за малым — перехитрить всех орденских хитрецов. Я не сомневался, что это мне под силу.

Получить доступ к дырявым аквариумам — я имею в виду, просто так взять да и зайти в зал, где они размещались, — было совершенно невозможно. Вход охранялся при помощи столь могущественных заклинаний, что даже пробовать одолеть их не имело смысла. Все равно что с голыми руками против трех дюжин старших магистров выходить. Я, конечно, был молодым самоуверенным болваном, но все же не конченным безумцем. Тогда ещё нет.

Приблизиться к аквариумам могли всего несколько человек. Великий Магистр, некоторые старейшие женщины ордена и дежурный Мастер Рыбник, попросту говоря — обслуга, в чьи обязанности входило кормить и отлавливать рыб, ухаживать за водными растениями, содержать в идеальной чистоте помещение, а также по распоряжению начальства выдавать порции воды знахарям и другим нуждающимся.

Ясно было, что, если я хочу добраться до аквариумов, мне придётся стать одним из Мастеров Рыбников — по крайней мере, это было гораздо проще, чем в кратчайшие сроки сделаться Великим Магистром или, тем паче, одной из старейших женщин.

Изобрести план, который мне самому казался гениальным, было несложно, зато для его реализации пришлось потрудиться.

Для начала я выяснил, что Мастеров Рыбников у нас в ордене — ровно дюжина. Это число оставалось неизменным уже много столетий, зато состав время от времени обновлялся. Обязанность, конечно, кто бы спорил, почётная, но чрезвычайно хлопотная. И мне предстояло узнать, в чем, собственно, заключаются хлопоты. Подробности интересовали меня чрезвычайно. Я был готов на великие жертвы, но, скажем, мыть пол без применения магии — то есть взяв в руки мокрую тряпку — не согласился бы даже ради короны, которая мне уж точно не светила — по крайней мере,

не в ближайшее время.

Тем же вечером я ужинал в обществе одного из Рыбников, старшего магистра Йотти Енки. Добиться его расположения не составило труда. Позволю себе заметить, что обладать тяжёлым нравом и скверной репутацией чрезвычайно удобно. Люди искренне благодарны тебе уже за то, что ты не вытираешь о них ноги. Ну а любое самое сдержанное проявление дружелюбия и вовсе творит чудеса. Это объясняет, почему опытный и заслуженный старший магистр с радостью принял приглашение вчерашнего послушника. В конце концов он стал первым, кому я по собственной инициативе предложил совместную трапезу, и это его тронуло. Сэр Йотти Енки был чрезвычайно горд тем, что я не сумел устоять именно перед его обаянием.

Вот ведь как получается. Я всегда полагал, что не люблю рассказывать, особенно о себе, а теперь сам удивляюсь тому, с каким удовольствием вспоминаю и излагаю незначительные, в сущности, детали. Взять хотя бы этот ужин — событие, казалось бы, не слишком интересное, ни особого тайного смысла, ни даже драматической глубины в нем нет. Об обязанностях Мастера Рыбника мне мог рассказать кто угодно, это не было секретом, я бы и сам все давным-давно знал, если бы интересовался хоть чем-то, кроме себя и своих дел. Наш разговор ничего не изменил в моей жизни и уж тем более вовсе не он предопределил дальнейшие события. Однако я едва справляюсь с желанием подробно перечислить, что мы с магистром Енки ели и пили в тот вечер у Толстой Арры, вспомнить, как мы были одеты, какими новостями обменивались, прежде чем перешли к делу, и, если уж на то пошло, посетовать, что хатта по-лохрийски была безобразно пересушена, а я, вопреки обыкновению, не только не убил на месте повара, но даже замечания хозяйке не сделал, поскольку был поглощён беседой.

Но все же от этих и великого множества других подробностей я вас избавлю.

Подводя итог, скажу, что узнал следующее. Мастера Рыбники состояли при аквариумах по очереди, раз в дюжину дней. Дежурили, как несложно догадаться, разделив число занимающих эту должность магистров на количество дней, в одиночку.

В день дежурства Мастер Рыбник не имел права отлучаться от аквариумов, что бы ни случилось, даже если все остальные члены ордена внезапно отправятся штурмовать вражескую резиденцию или, напротив, сами подвергнутся атаке. Работа, на первый взгляд, была совсем простой, а поддерживать чистоту в помещении полагалось, хвала матстрам, при

помощи заклинаний, а не грязных тряпок; прояснив этот момент, я испытал неопишное облегчение.

Казалось бы, со всем этим легко могли справиться послушники, однако на должность Мастера Рыбника даже младших магистров не назначали, поскольку именно личная сила и железная воля дежурного принуждали воду оставаться в дырявых сосудах, вместо того чтобы вылиться на пол. В собственной дырявой чашке, конечно, кто угодно воду удержит, невелика премудрость, но несколько огромных аквариумов, да ещё и на протяжении суток, — совсем другое дело.

Я, разумеется, ни на миг не сомневался, что это мне по плечу. И конечно, заранее предвкушал, как присоединюсь к числу избранных, которых ещё нынче утром считал жалкой прислугой, как и всех остальных, кому приходилось работать ради денег.

Этот тонкий момент, наверное, тоже следует прояснить. Все члены нашего ордена, включая послушников, бесплатно получали в его резиденции комнату и ванную с полудюжиной бассейнов, еду, одежду, книги, драгоценные камни для талисманов и другие жизненно важные вещи — в небезграничном, но достаточном количестве. Все остальное, начиная от выпивки в трактире и заканчивая загородными виллами, приходилось покупать за свои деньги. Богачи вроде меня были совершенно довольны таким положением дел, прочим же орденом охотно предоставлял возможность заработать. За исполнение разного рода обязанностей платили жалованье, и весьма неплохое. С этой точки зрения я был самым нежелательным кандидатом на место Мастера Рыбника. Унаследовав отцовское состояние, я стал одним из самых богатых людей в ордено; в такой ситуации претендовать на высокооплачиваемую должность — все равно что у голодного изо рта пирог вытаскивать. К счастью или, напротив, к несчастью, такой поступок совершенно не противоречил моим принципам. Не то чтобы я считал своим долгом каждодневно увеличивать число бедняков, просто чужие рты, равно как и пироги, вообще не входили в число вещей, заслуживающих моего внимания.

Однако я прекрасно понимал, что никто не захочет добровольно отказываться от кормушки ради того, чтобы освободить мне место. Избавиться от одного из нынешних Мастеров Рыбников при помощи интриг, заклинаний, ядов или кинжалов представлялось мне делом осуществимым, но слишком хлопотным. К тому же где гарантия, что на освободившееся место возьмут именно меня, а не одного из заслуженных орденоских олухов, которые уже много лет ждут возможности подзаработать? Поэтому я прямо сказал магистру Енки, что хочу выкупить

у него должность. Он сперва удивился, потом заартачился, но когда я объявил, что готов ради такого дела расстаться с тысячей корон, глаза моего коллеги засияли от алчности. Чтобы вы понимали, о сколь серьёзной сумме идёт речь, замечу, что это была примерно половина стоимости отцовского дома и прилегающих к нему земель. Против таких денег мало кто устоял бы, поэтому не следует строго судить Йотти Енки, которого с этой минуты волновала только организационная часть вопроса: как передать мне должность, если решения обо всех назначениях и отставках принимает орденское начальство? Я снисходительно пообещал, что возьму это на себя. От него требуется только подать прошение об отставке, когда я скажу, что пришла пора это сделать.

На том и порешили.

На следующий день я официально просил Великого Магистра об аудиенции; просьба моя была удовлетворена незамедлительно, даже обычного ритуального получаса в приёмной не пришлось сидеть.

Я не стал ходить вокруг да около, а сразу, с порога, объявил, что желаю немедленно стать Мастером Рыбником. Говорил так, словно замыслил великое благодеяние. Ну как же, я — я! — собираюсь работать для общей пользы. Можно начинать кланяться.

Поэтому я искренне удивился, когда Великий Магистр озадаченно покачал головой и, вместо того чтобы в пляс пуститься на радостях, погрузился в размышления. Но ничего не попишешь, пришлось стоять и терпеливо ждать его решения. Я был так разочарован, что даже забыл рассердиться.

Наконец старик прервал молчание и спросил: «Зачем тебе?»

Я был вынужден констатировать, что восторга в связи с моей внезапной готовностью посвятить себя тяжёлому труду на благо ордена он явно не испытывает. Такая неблагодарность меня, можно сказать, подкосила. Но провалить эту часть плана было никак нельзя, поэтому я пустился в объяснения. Дескать, хочу приносить ордену больше практической пользы, поскольку чрезвычайно благодарен за... ну, понятно, что говорят в таких случаях.

Великий Магистр лишь досадливо отмахнулся. Ну ещё бы. Усвоенная в детстве привычка считать окружающих доверчивыми идиотами все же не раз меня подводила. Как и следовало ожидать, старик неплохо разбирался в людях и не мог не понимать, что в моих устах речи о благодарности и пользе звучат, мягко говоря, довольно необычно и не слишком правдоподобно.

Я понял, что мне не верят и нужно срочно придумывать новые

аргументы — не правду же ему рассказывать. Проблема состояла в том, что лгать я так толком и не выучился: нужды до сих пор не было. Люди обычно прибегают ко лжи, когда хотят избежать наказания или получить желаемое. Меня никогда не наказывали, а желаемое я получал незамедлительно или же брал сам, никого не спрашивая, в зависимости от обстоятельств. Поэтому я оказался плохо подготовлен к важнейшему, как мне тогда казалось, разговору в моей жизни.

Чтобы не молчать, я принялся говорить, что беспокоюсь о своей карьере — вот, дескать, отец никогда не работал для ордена, поскольку был богат, и проходил в младших магистрах до самой смерти, не хотелось бы повторить его ошибку.

«Это уже больше похоже на правду, — кивнул Великий Магистр. — Но это не вся правда. Почему ты выбрал именно эту должность? У нас в ордене достаточно другой работы, в том числе куда более почётной и интересной».

Если бы к тому моменту я успел познакомиться с сэром Максом и послушаться историй о причудливых религиозных верованиях его соотечественников, я бы непременно пожелал дотошному старцу провалиться в преисподнюю. А так пришлось довольствоваться несколькими древними проклятиями, которые вычитал в книгах. Увы, для того чтобы они подействовали, необходимо ругаться вслух, а я пока не мог позволить себе такую роскошь.

Пришлось импровизировать. Я стал многословно объяснять, что продумал все до мельчайших деталей. Дескать, во-первых, работа Рыбника отнимает всего один день из дюжины — это очень важно, поскольку мне по-прежнему требуется много свободного времени для занятий. Во-вторых, эта работа поможет мне развивать и совершенствовать свои способности. А в-третьих, — тут я выложил свой главный козырь, не припасённый заранее, а придуманный на ходу, но оттого не менее убедительный, — я знаю, что на эту должность никогда не назначают младших магистров. А я рождён для того, чтобы стать исключением из всех мыслимых правил, поэтому должность Мастера Рыбника — именно то, что требуется. Для начала.

Вот на этом месте Великий Магистр мне поверил. Такие аргументы прекрасно вписывались в его картину мира, то есть полностью соответствовали его представлениям о моем характере.

Словом, мне удалось выкрутиться, но подписывать приказ о моем немедленном назначении старик вовсе не спешил. Вместо этого он принялся объяснять, что работу Мастера Рыбника нельзя назвать увлекательной, к тому же она требует серьёзной предварительной

подготовки. Дескать, личное могущество и глубокие теоретические познания — это одно, а умение — совсем другое. Без соответствующих навыков никто не сможет подолгу удерживать воду в дырявом аквариуме, тем более в нескольких. Это вам не с собственной чашкой управляться — ну и все в таком духе.

Но я твёрдо стоял на своём.

К этому моменту я уже почти забыл о настоящей цели, ради достижения которой нужно было добраться до этих грешных аквариумов. Меня разобрал азарт. Я полагал, что уже вложил в это дело слишком много себя. Я всегда был скуп, если речь заходила о моем времени и внимании, поэтому долгий ужин с Йотти Енки и изматывающая беседа с Великим Магистром казались мне нешуточной жертвой. Отступить было решительно невозможно. Или я получу эту должность, или пусть Мир рухнет вот прямо сейчас, прежде чем я успею узнать, что проиграл, — такова была моя бесхитростная позиция по этому вопросу.

Забегая вперёд, скажу, что Мир, насколько мне известно, так толком и не рухнул, зато Великий Магистр сдался, не выдержав моего напора.

Мне, впрочем, пришлось пойти на значительные уступки. Как ни крути, а сперва предстояло потратить кучу времени на обучение. Убедить меня в том, что это не начальственная блажь, а насущная необходимость, оказалось проще простого: Великий Магистр отвёл меня в собственную ванную, где продемонстрировал дюжину великолепных бассейнов и одно бездонное, точнее, дырявое корыто, где он обычно плескался по утрам для поддержания здоровья. Наполнил корыто водой и тут же вышел вон, оставив меня наедине с негодным вместилищем влаги, которое немедленно начало протекать. Я опешил. Одно дело — высокомерно полагать, что справишься с любым количеством дырявых лоханок, и совсем другое — удерживать воду в одном-единственном огромном корыте. Хуже всего, что я не знал, как подступиться к этому делу. Поэтому почти инстинктивно обхватил корыто руками, как будто оно было огромной, не по росту, но все-таки чашкой, — а что мне ещё оставалось? На помощь мне тут же пришли все условные рефлексy, выработавшиеся за долгие годы обращения с дырявой посудой. Вода перестала вытекать, я самодовольно ухмыльнулся. Дескать, так и знал, ничего особенного тут нет, нужно только привыкнуть к новому размеру и форме сосуда.

Четверть часа спустя я переменял мнение. Удерживать воду в проклятом корыте оказалось самой тяжёлой работой, какую мне когда-либо доводилось выполнять. Это требовало полной концентрации и самоотдачи, предельного напряжения сознания и мышц — то есть на самом деле

мышечные усилия тут, конечно, не требовались, но я чувствовал, что не справляюсь, вот и помогал себе всем телом, как умел. Сказать, что с меня семь потов сошло, — не сказать ничего. Тем не менее я знал, что скорее умру, чем сдамся. И предполагал, что такой исход вполне вероятен, поскольку силы человеческие — даже мои! — небезграничны.

Ещё через несколько минут Великий Магистр заглянул в ванную, заинтригованный наступившей тишиной. Он-то, не сомневаюсь, ждал потопа и моей позорной капитуляции. Но не дождался, не дотянул паузу. Открывшееся его взору зрелище, надо думать, потрясло старика до глубины души. Во всяком случае, он довольно долго молча меня разглядывал — вместо того чтобы сразу броситься на помощь. Наконец сказал: «Вообще-то, это делается не совсем так», принял на себя управление корытом и заодно преподал мне первый урок.

Как я умудрился задержать воду в огромном дырявом корыте без необходимых заклинаний, одной только силой собственного упрямства, — этого я до сих пор не понимаю. Ну, скажем так, не могу внятно объяснить. И повторить, пожалуй, не возьмусь, даже сейчас.

Великий Магистр косился на меня с уважительным удивлением и, кажется, тоже ничего толком не понимал. Но расстановка сил, конечно, изменилась. Старик сказал, что из человека, который без всякой подготовки управился с дырявым корытом, как с собственной чашкой, несомненно выйдет прекрасный Мастер Рыбник. И вызвался лично давать мне уроки — теперь-то я и сам понимал, что без специального обучения тут не обойтись, поэтому возражать не стал. Кроме всего, мне было чрезвычайно приятно его внимание. Не сказать, чтобы я, подобно прочим младшим магистрам, преклонялся перед могущественным старцем, но всем в ордене было известно, что учеников он уже давно не берет. Выходит, я в очередной раз стал исключением из правил, и это было приятно.

Обучение моё, вопреки ожиданиям, заняло больше года. Не то чтобы я оказался таким уж тупицей, да и науку особо сложной не назовёшь, просто мой учитель никуда не спешил. Иногда он бывал очень занят или просто ленился, и перерывы между нашими уроками тянулись по дюжине дней, я на стену лез от нетерпения. Однако приходилось смириться с тем, что моя подготовка, мягко говоря, не самое главное дело жизни Великого Магистра. Это было не слишком приятно и вряд ли улучшило мой характер, но я все же как-то держал себя в руках.

Наконец Великий Магистр объявил, что я вполне готов. Дескать, дело за малым — дожждаться, когда один из Мастеров Рыбников пожелает заняться чем-нибудь другим и для меня освободится место. Думаю, он

вложил в это высказывание весь свой запас иронии: общеизвестно, что от доходных мест, вроде этого, отказываются, мягко говоря, не каждый день. Но для меня-то дело действительно было за малым. Я отправился к магистру Йотти Енки и сообщил, что пришло время завершить сделку. Тот возликовал. До сих пор он, думаю, не слишком верил ни в серьёзность моих намерений, ни тем более в мои пробивные способности. И почти не надеялся сорвать когда-нибудь обещанный куш.

Правильно, в общем, делал, что не надеялся. Звонких монет он так и не увидел. Не то чтобы я всерьёз пожалел тысячу корон — денег я никогда не считал и, по правде сказать, вообще нечасто вспоминал об их существовании. Просто мне показалось, что выполнить обещание — унинительно. А вот обвести старшего товарища вокруг пальца я считал делом чести и чуть ли не нравственным долгом. Все-таки старший магистр, не послушник, а значит, какой-никакой, а вызов. В такой ситуации не напасть первому — все равно что сдаться без боя, так я тогда думал.

Дождавшись, пока Йотти Енки подаст прошение об отставке, я наложил на него одно немудрёное, но малоизвестное заклинание из моей коллекции старинных редкостей, и старший магистр попросту забыл о нашем договоре. Думаю, он ещё долго спрашивал себя, с какой стати вдруг отказался от такой хлебной должности. Впрочем, дела его устроились как нельзя лучше: в скором времени Йотти Енки стал Мастером Хранителем, попросту говоря, кладовщиком при орденских ювелирных мастерских. Это, к слову, помогло ему более-менее спокойно пережить Смутные времена и вовремя удрать из разваливающейся резиденции с несколькими шкатулками за пазухой. Насколько мне известно, он до сих пор понемногу проедает добычу в своём ландаландском поместье в обществе любящей жены и нескольких внуков. То есть жизнь его сложилась весьма удачно, и это, мне кажется, довольно поучительный эпизод. Не так уж плохо время от времени оказываться обманутым, поскольку справедливость имеет тенденцию восстанавливаться сама по себе, без особых усилий жертвы — вот что я имею в виду.

Впрочем, не стоит отвлекаться. Важно, что Йотти Енки освободил место Мастера Рыбника, а я его занял.

Удивительно тут вот что. Замышляя вышеописанную комбинацию, я предполагал, что воспользуюсь водой из дырявых аквариумов немедленно, как только получу к ним доступ, а на деле осуществил своё намерение далеко не сразу. Нерешительность, хвала магистрам, никогда не была моим пороком. Однако же факт остаётся фактом: вместо того чтобы в первое же дежурство алчно припасть к источнику силы, я исполнял обязанности

Мастера Рыбника на протяжении трех с половиной лет и был, надо сказать, на очень хорошем счету. Сам Великий Магистр диву давался и даже — из ряда вон выходящее событие — пригласил меня однажды на дружеский завтрак, в ходе которого признался, что сперва не слишком хотел поручать мне столь ответственную работу, а теперь, дескать, сожалеет лишь об одном — что не приставил меня к аквариумам ещё дюжину лет назад. Я выслушал его с удовольствием, но, в общем, не придавал похвалам значения. К тому моменту я больше не считал себя членом ордена Дырявой Чаши, полагал свои звание и должность пустой формальностью, необходимой пока маскировкой, не более того. Идеи магического братства, собственно, никогда не были мне близки, а последние годы, полные внутренних потрясений и бесконечных вопросов, ответы на которые я искал самостоятельно, тайных поражений и никому не ведомых побед весьма наглядно показали, что я действительно совершенно один в Мире, сам себе брат и друг, сам себе ученик, сам себе наставник, а все остальные — не в счёт. Это в детстве перспектива занять когда-нибудь кресло Великого Магистра ордена Дырявой Чаши кружила мне голову, а теперь я полагал подобную судьбу слишком заурядной, ради таких пустяков, как начальственная мантия, я с постели на полчаса раньше подниматься не стал бы, во всяком случае, не в пасмурный день.

Однако именно сейчас я с удовольствием играл роль почтительного ученика, ловкого стратега, удачливого карьериста. Мне было чрезвычайно приятно видеть, как известный своей проницательностью Великий Магистр принимает моё дешёвое актёрство за чистую монету, радуется, что видит меня насквозь, строит на мой счёт далеко идущие планы, — и предвкушать, сколь велико будет его разочарование, когда я наконец сделаю свой ход.

Собственно, я потому и тянул так долго, что обнаружил вдруг — нет ничего слаще предвкушения. Только в тот миг, когда все козыри уже на руках, но ещё не на столе, игрок может быть счастлив по-настоящему. По сравнению с этим блестящий отыгрыш, заслуженная победа и звон честно выигранных монет — хоть и приятная, а все же суета.

И конечно, я весьма смутно представлял, что случится со мной после того, как дело будет сделано и я обрету невиданное могущество, но предполагал, что все изменится, а в первую очередь изменюсь я сам. Возможно, думал я, по-настоящему могущественные колдуны видят мир совершенно иначе и получают удовольствие от совсем других вещей. То есть наверняка все у них не как у людей, и глупо поэтому рассчитывать, что я сам останусь таким, как сейчас. И если так, говорил я себе, хорошо бы

напоследок перепробовать все обычные человеческие радости и удовольствия. Вряд ли они заслуживают пристального внимания, а все-таки лучше знать, чем не знать, даже если речь идёт о сущих пустяках. А личный опыт — великое дело, никакое теоретическое знание с ним не сравнится.

Поэтому я всюду наслаждался не только новым для меня состоянием скрученной и готовой в любой миг распрямиться пружины, но и жизнью как таковой. Стал в кои-то веки гурманом и ценителем изысканных вин, обзавёлся свитой приятелей и доброй дюжиной возлюбленных, даже читать начал для удовольствия, а не ради новых знаний. К слову сказать, именно тогда я приохотился к поэзии, благо Смутные времена стали новым золотым веком угуландской литературы. Не зря профессор Королевского университета Таури Край говорил в одной из своих знаменитых публичных лекций, что стихи следует поливать кровью, а не слезами и тем более не дождевой водой; впрочем, не буду отвлекаться.

Никогда — ни прежде, ни впоследствии — я не жил в столь размеренном и комфортном ритме. Одиннадцать дней кряду посвящал приятным пустякам вроде чтения, дружеских обедов и любовных свиданий, а на двенадцатый, когда приходило время очередного дежурства при аквариумах, вспоминал о более важных делах. По крайней мере, у меня хватило ума заняться исследованием свойств аквариумов и воды, которую я собирался похитить. Я дегустировал воду на каждом дежурстве, отпивал понемногу, по несколько глотков, любопытства ради черпал её то обычной посудиною, то собственной дырявой чашкой или просто пригоршней, внимательно прислушивался к своим ощущениям. В целом, они были мне более-менее знакомы, но некоторые нюансы существенно отличались от привычных опытов с личной дырявой посудой. К примеру, я никогда не знал заранее, как изменится моё настроение и какие именно способности обострятся, — с чашкой-то все было вполне предсказуемо. Забегая вперёд, скажу, что эти невинные опыты так и не дали мне ни малейшего представления о последствиях предстоящего эксперимента, зато, вероятно, именно они помогли мне выжить. Я имею в виду, что понемногу приучил своё тело к колдовскому питью. Уверен, если бы я опустошил аквариум в первое же дежурство, вы были бы избавлены от необходимости слушать столь скверного рассказчика, а я — от возможности изложить вам свою историю.

Впрочем, я-то вполне доволен текущими обстоятельствами, а вы сами напросились, терпите теперь.

Я мог бы ещё долго наслаждаться внезапно открывшимися мне

бесхитростными радостями бытия и ставить осторожные опыты с водой из аквариумов; думаю, у меня были кое-какие шансы в конце концов разобраться, что к чему, и даже применить свои открытия на практике, все-таки я к тому моменту обладал немалым опытом самостоятельных исследований. Но в один прекрасный день я понял, что не хочу больше ждать. Проснулся от смутного, но острого недовольства собой и жизнью, открыл глаза, так и не разобравшись, что именно мне не нравится, потянулся за кувшином с камрой и внезапно понял: все, хватит с меня. Ни единого дня больше не желаю терять на размышления, удовольствия и прочую приятную ерунду. Надо немедленно приступать к делу, а хорошо ли я подготовился — разберёмся по ходу. Скорее всего, думал я, никакой подготовки вообще не требуется, просто долгая жизнь рядом с другими людьми сделала меня похожим на них, слабым и нерешительным любителем рассуждать, планировать, выжидать, кокетничать с судьбой, строить ей глазки — вместо того чтобы укладывать её на лопатки, брать силой, действовать, не откладывая ни на миг, как я поступал в детстве. Ну вот, хвала магистрам, опомнился, самой страшной опасности счастливо избежал, а теперь — за дело.

До сих пор помню, что утро того рокового, как принято говорить, дня выдалось солнечным, а ветер с Хурона был по-зимнему холоден; неведомый дежурный магистр ордена Водяной Вороны победил своих коллег из других орденов и окрасил небо в изумрудно-зелёный цвет, невиданной белизны облака стремительно отвоёвывали пространство у тяжёлых, свинцово-серых осенних туч, а в пожухшей садовой траве тут и там валялись круглые, крупные ярко-красные плоды угуландской садовой йокти; они всегда зреют и осыпаются за одну ночь, когда этого никто не ждёт, — порой в самом начале осени, а иногда — только посреди зимы. Совершенно непредсказуемое дерево, никакого сладу с ним нет, зато азартные люди могут ежегодно заключать пари насчёт урожая йокти. Впрочем, все это совершенно неважно. Я просто хотел сказать, что в последний день моей жизни Мир был пронзительно красив, и это обстоятельство могло бы до сих пор служить мне оправданием, если бы я нуждался в оправданиях; по счастью, это не так.

Когда я рассказывал свою историю сэру Макссу и сообщил, что выпил чудодейственную воду из всех дырявых аквариумов поочерёдно, он, помню, очень старался быть вежливым и сдержать смех, но у него не получилось. Поэтому, имейте в виду, я уже имел возможность убедиться, что некоторые драматические эпизоды моей жизни могут показаться стороннему наблюдателю комичными, и это меня совершенно не смущает.

Впрочем, я все-таки хочу заметить, что, когда пьёшь чудодейственную жидкость, каждый глоток которой увеличивает твоё могущество, это не слишком похоже на обычное питьё. То есть брюхо не надувается и в уборную бегать не требуется. Все происходит как-то иначе, — хотел бы я однажды взглянуть на такой эпизод со стороны, как исследователь, а не деятельный участник.

Осушив примерно с полдюжины чашек, то есть объём, вполне посильный для всякого взрослого человека, я вдруг понял, к чему идёт дело, почувствовал, что ещё немного, и сила, предназначенная для нескольких дюжин орденских колдунов, разорвёт меня на части. Но я, разумеется, и не подумал останавливаться. В тот миг я твёрдо знал: тот, кто умирает от переизбытка силы, становится бессмертным, и был готов принять такие условия, даже если грядущее бессмертие окажется не слишком похоже на жизнь.

То есть, по крайней мере, в течение какой-то доли секунды я очень ясно осознавал, на что иду, и был готов нести ответственность за любые последствия. Тем лучше. По крайней мере, этот факт даёт мне возможность относиться к мальчику, которым я когда-то был, с известным уважением — несмотря ни на что.

Я продолжил пить воду, глоток за глотком, и вскоре испытал совершенно неопишемое, сокрушительное и сладостное ощущение. Я словно бы взорвался, как снаряд, выпущенный из бабума, а потом наступила тьма. Тело моё при этом, как видите, уцелело — чего не скажешь обо всем остальном.

О том, как я осушил остальные дырявые аквариумы, как шёл потом через орденскую резиденцию и каменные полы плавилась под моими ногами, как между делом голыми руками изорвал в кровавые клочья нескольких старших магистров, попытавшихся мне помешать, я знаю лишь с чужих слов, сам же не помню о тех событиях ничего. Сила, заточенная в дырявых аквариумах, вырвалась на свободу, она использовала моё тело как более-менее удобный сосуд — о моих собственных интересах, стремлениях и желаниях в ту пору речи не шло. Никакого меня, строго говоря, больше не было.

Теоретически, именно тут должна была бы начаться самая увлекательная часть моего повествования, но я до сих пор не в силах обуздать и призвать к ответу свою память. Иногда, и состоянии глубокого покоя, испытать который позволяет моя дыхательная гимнастика, или просто во сне, воспоминания накрывают меня, как штормовая волна зазевавшегося пловца. В такие минуты я, можно сказать, заново переживаю

некоторые эпизоды из жизни Безумного Рыбника, а все остальное время помню по большей части только острое наслаждение, которое доставлял мне каждый вздох, каждый шаг, всякое движение. Это, пожалуй, самый ценный опыт, который я получил в те дни. С тех пор я знаю, что значит быть не человеком, но стихией, и знание это использую — не сказать, что на полную катушку, а все-таки.

А больше ничего я рассказать о том периоде своей жизни не могу — ни вам, ни даже самому себе, и это мне не слишком нравится. Попробую объяснить почему.

Есть разные одиночества. Способов оставаться одиноким, мне кажется, гораздо больше, чем способов быть вместе с кем бы то ни было. Физическое одиночество человека, запертого в пустом помещении или, скажем, на необитаемом острове, — далеко не самый интересный и совсем не безнадёжный случай; многие люди считают, что это скорее благо, чем несчастье. Принято думать, будто такая позиция свидетельствует о мудрости, но скорее она — просто один из симптомов усталости. В любом случае физическое одиночество не предмет для разговора, с ним все более-менее понятно.

Одиночество, на которое я был обречён изначально, в силу обстоятельств рождения и воспитания, а потому привык к нему с детства и даже полюбил, — это одиночество человека, который превосходит других. Когда-то оно делало мне честь и тешило моё высокомерие; эти времена давно миновали, но страдать от него я так и не выучился. Даже в те дни, когда внезапно обрётённые могущество и безумие окончательно оградили меня от других людей, одиночество стало для меня источником силы, а не муки. Да что там, оно до сих пор скорее нравится мне, чем нет, поскольку высокомерие по-прежнему мне свойственно; другое дело, что я не даю себе воли — в этом и вообще ни в чем.

А бывает одиночество опыта. Когда человек, подобно мне, переживает уникальный опыт, о котором и рассказать-то толком невозможно, он волей-неволей оказывается в полной изоляции, среди абсолютно чужих существ, поскольку ощущение внутреннего родства с другим человеком приносит только общий опыт, по крайней мере, иных способов я не знаю. Думаю, всем присутствующим такая разновидность одиночества в той или иной мере знакома. Сказать по правде, справляться с этим мне до сих пор очень непросто — наверное, потому, что я пока не способен разделить собственный опыт с самим собой. Это не хорошо и не плохо, так — есть, это — моя жизнь, другой у меня нет и быть не может. И все это, конечно же, совершенно не относится к делу.

Итак, я каким-то образом был жив и, мягко говоря, не скучал. Тёк как вода, пылал как огонь, существовал и действовал, не думая, не рассуждая и, увы, почти ничего не осознавая. Первые воспоминания о существе, в которое я превратился, смутные, разрозненные и невнятные, относятся уже к началу весны. То есть конец осени и зиму я провёл, вовсе не приходя в сознание. Дальше, впрочем, было ненамного лучше. В городе меня прозвали Безумным Рыбником, и это много говорит о моем тогдашнем состоянии. В Смутные времена в столице Соединённого Королевства надо было очень постараться, чтобы сойти за безумца. Все нормальные, я имею в виду, вменяемые и рассудительные люди к тому времени давным-давно покинули окрестности Ехо, за пределами которых жизнь оставалась более-менее спокойной и безопасной, благо вдалеке от Сердца Мира почти все наши грозные колдуны могли разве что кулачными боями развлекаться да в приготовлении камры состязаться — у кого слаще, тот и герой.

Помню, что поначалу я совершенно не нуждался в отдыхе, еде и питьё — тело моё, надо думать, приобрело совсем иную природу, родственную скорее демонам, чем людям. Единственная пища, которую оно иногда требовало, — драгоценные камни. Я брал их всюду, где видел, сжимал в кулаках, и они в считанные минуты таяли в моих ладонях, а я после этого чувствовал себя сытым и довольным, почти успокоившимся — впрочем, всегда ненадолго.

Ещё помню, что в те дни мне очень нравилось внезапно исчезать и столь же внезапно появляться в самых неожиданных местах. Как я это проделывал — до сих пор не могу объяснить; могу лишь сказать, что к обычным перемещениям Тёмным Путём, которым я выучился несколько позже, эти мои исчезновения не имели никакого отношения. Они доставляли мне огромное удовольствие; плохо, что я почти не мог это контролировать. То есть захотеть исчезнуть и оказаться в каком-то определённом месте, а потом осуществить своё намерение мне иногда все-таки удавалось, но гораздо чаще это случалось само собой, совершенно помимо моей воли, порой далеко в не самый подходящий момент. Впрочем, радость, которую я испытывал в процессе, все искупала.

Были и другие вещи, которые чрезвычайно меня привлекали — потому, думаю, и запомнились. Ярость испепеляла меня, и не было более радостного труда, чем ежедневные жертвы на её алтарь. Убивать или просто мучить других людей — это было почти так же прекрасно, как возможность исчезать, и гораздо слаще, чем полёты над облаками, которые тоже казались мне весьма приятным времяпрепровождением. Любопытно, что масштабы насилия не имели для меня значения. Напугав жалкого

трактирщика или убив дюжину человек, я испытывал одинаковое наслаждение. Думаю, это спасло очень много жизней — даже в те смутные дни моё высокомерие давало о себе знать, подсказывало, что убивать простых обывателей — мало чести, зато пугать их — милое дело. Напуганный человек обычно смешон, и это решало все: смех в ту пору доставлял мне неизъяснимое удовольствие. Позже я узнал, что люди часто хохочут не потому, что им так уж весело, а именно от переизбытка силы — взять хотя бы Малое тайное сыскное войско, где я состоял на службе больше десяти дюжин лет. С первого дня его создания на нашей половине Дома у Моста неизменно творился суший балаган, стены от хохота тряслись, а прохожие от окон шарахались, и причиной тому — из ряда вон выходящее личное могущество всех служащих, а вовсе не какое-то особенное, обострённое чувство юмора.

Вот и я в ту пору хохотал всласть, а волю своей кровожадности давал лишь при встрече с другими колдунами, к какому бы ордену они ни принадлежали. Некоторых я убивал, другие давали мне отпор, но большинству хватало ума просто обходить меня стороной, как бешеную собаку. Они, надо думать, были столь же брезгливы и высокомерны, как я сам, и справедливо полагали, что победа над безумцем не сделает им большой чести, зато смерть от моей руки ничуть не менее окончательна, чем любой другой способ умереть. Собственно, именно поэтому мне удалось уцелеть — так-то вполне мог бы отыскаться какой-нибудь выдающийся старший магистр более-менее могущественного ордена, способный быстро положить конец моим бесчинствам. По крайней мере, в потенциальном успехе адептов ордена Водяной Вороны или, скажем, Потаённой Травы я по сей день ни на миг не сомневаюсь.

Но это самое простое, практическое объяснение. Впоследствии я много раз задавал себе вопрос: как мне, теоретически могущественному, но на деле совершенно не способному справиться с собственной силой юнцу, удалось выжить в разгар Смутных времён, когда для спасения шкуры требовалось помножить своё могущество на опыт, хитроумие и осторожность. И, думаю, я нашёл ответ. Каждый человек диктует реальности свои представления о ней; другое дело, что почти никто этого не осознает и уж тем более не контролирует процесс. Легендарная удачливость дураков и безумцев — закономерное следствие этого правила. Я выжил в те дни только потому, что искренне полагал себя неуязвимым и бессмертным — теперь, задним числом, это мне совершенно ясно.

Так прошло примерно два года. Время делало своё дело: то ли краденое могущество стало понемногу истощаться, то ли я приспособился

к новому способу бытия, но я постепенно приходил в себя; как следствие, мои воспоминания о том периоде несколько более отчётливы. Неуправляемая стихия становилась чем-то вроде человека, по крайней мере, изредка ко мне возвращалась способность размышлять, а вместе с нею необходимость есть, пить и даже — о ужас! — спать. Не могу сказать, что все это пошло мне на пользу.

Потребность во сне оказалась самой серьёзной проблемой, поскольку контролировать сновидения я никогда не учился, а о древнем искусстве ставить свою Тень на страже в изголовье и вовсе не слышал. Таким образом, уснув, я делался уязвимым, как самый обычный человек. К тому времени я стал достаточно разумен, чтобы понимать: охотников избавиться от меня раз и навсегда, за деньги или ради собственного удовольствия, предостаточно и не следует упрощать им эту задачу. Поэтому пришлось обзавестись доброй дюжиной укрытий и заботиться, чтобы о них никто не пронюхал.

Дальше — больше. Воодушевлённый заново обретённой способностью рассуждать, я принялся подводить некоторые промежуточные итоги своего нового существования и строить планы на будущее. Что касается итогов, они показались мне весьма и весьма неутешительными. Быть грозой столичных лавочников и трактирщиков — не самая высокая судьба. Они, конечно, забавно визжат и выполняют все мои приказы, но их страх не делает мне чести и, что ещё важней, не приносит практической пользы. Сила, позаимствованная в ордене Дырявой Чаши, рассуждал я, постепенно иссякнет — не сегодня, не завтра, возможно, даже не через сто лет. Но для того, кто собрался жить вечно, всякий срок — это скоро. Могущество, напоминал я себе, было нужно не только и не столько для удовольствия — изначально я намеревался сражаться с другими колдунами, перебить их по одному, кормиться их силой и действовать таким образом, пока я не останусь единственным Великим Магистром этого Мира. И вот тогда можно будет с лёгким сердцем продолжить пугать лавочников — надо же как-то развлекаться.

Вот такая каша творилась у меня в голове в минуты так называемого прояснения, — я же говорю, лучше было бы оставить все как есть и вовсе не приходить в сознание.

Что касается истребления колдунов, практика показала, что возможности мои, мягко говоря, не беспредельны. Ну, положим, расправиться с большой компанией подгулявших младших, а то и старших магистров некоторых не слишком могущественных орденов я, конечно, мог. Это меня более-менее развлекало и тешило, но вот, скажем, есть этих

людей было совершенно бессмысленно. Я несколько раз пробовал и убедился, что пользы от этого никакой: все мои жертвы были гораздо слабее меня; в конце концов суеверное опасение заразиться слабостью этих несчастных окончательно отвратило меня от такой диеты.

А для того чтобы успешно сражаться с могущественными колдунами, мне не хватало умения и опыта.

Я был почти всемогущ, но при этом неумел и неуклюж. Все, что я мог, — исчезнуть за миг до того, как раззадоренный противник нанесёт решающий удар, и даже это, увы, почти всегда случалось само собой, помимо моей воли, прежде чем я успевал сообразить, что происходит. Краденая сила, вероятно, дорожила возможностью оставаться в полюбившемся ей сосуде, иного разумного объяснения всем этим чудесным спасениям у меня нет. Успешных побегов с поля боя за мной числилось куда больше, чем выигранных схваток. Я чувствовал, что постепенно становлюсь посмешищем, и бесился неопишимо. От моих яростных взглядов загорались деревья, от сумрачных — плесневели камни мостовых. Но все это были дешёвые фокусы, я и сам это прекрасно понимал.

В поисках выхода, то есть способа обрести подобающее мне величие, я метался не только по окрестностям столицы, но и по закоулкам собственной памяти. Пытался собрать воедино обрывки усвоенной когда-то информации. Безумный Рыбник, в отличие от юного Шурфа Лонли-Локли, совершенно не мог читать книг, слишком коротки были периоды ясности, да и тогда я не смог бы усидеть на месте с книгой в руках и уж тем более сосредоточиться на тексте. Я и ел-то в ту пору обычно на бегу или на лету. Однако оказалось, что забыть самого себя мне гораздо проще, чем прочитанные книги; по крайней мере, вспомнил я в итоге немало. Вполне достаточно, чтобы обзавестись очередной маниакальной идеей, которая захватила меня целиком.

Об ордене Ледяной Руки я знал довольно много — насколько вообще может знать о делах магического ордена посторонний. В своё время я собрал о них всю более-менее доступную информацию, ибо тамошние традиции поразили моё тогда ещё детское воображение. Строго говоря, ничего хотя бы отдалённо похожего на их путь я не встречал до сих пор, хотя получил доступ к закрытым книгохранилищам и достаточно свободного времени, чтобы внимательно изучить секретные материалы эпохи орденов.

Поясню вкратце. Всякий адепт ордена Ледяной Руки в ходе вступительной церемонии должен был отрубить себе левую руку.

Отрубленная рука помещалась в некое невообразимое пространство, — с точки зрения внешнего наблюдателя, оно выглядело как большой ледяной кристалл, но к настоящему льду, то есть замороженной воде, никакого отношения, разумеется, не имело. Я подозреваю, что кристалл этот представлял собой нечто вроде приоткрытого выхода в иную реальность, о природе которой лично я не способен даже смутно догадываться. Во всяком случае, никаких иных сведений об этом льде мне отыскать не удалось.

Поскольку вам вряд ли интересны мои бесплодные размышления о нераскрытой пока тайне, перейду к фактам. Доподлинно известно, что размещение отрубленной руки внутри загадочного кристалла открывало её бывшему владельцу доступ к дополнительному источнику магической силы. Простые послушники ордена Ледяной Руки нередко превосходили в могуществе младших и даже старших магистров многих других орденов, вынужденных довольствоваться той силой, которую даёт близость к Сердцу Мира; они уступали разве что адептам ордена Водяной Вороны — ну так общеизвестно, что Великий Магистр Лойсо Пондохва брал к себе только лучших из лучших и обучал их чуть ли не с младенчества. А в орден Ледяной Руки мог поступить практически любой желающий — да хоть двухсотлетний ургуландский фермер, никаких проблем.

Охотников, впрочем, было не слишком много, и это можно понять. Помню, в отрочестве, впечатленный подробным описанием их вступительной церемонии в Общедоступной большой королевской энциклопедии новых орденов, я решил, что ни за что на свете не согласился бы стать калекой, лучше уж поискать другие источники могущества, не может же этот оказаться единственным! Так, думаю, рассуждали многие, и только самые слабосильные и амбициозные колдуны, изгнанные из других орденов за недостатком способностей, соглашались на такую жертву. Что ж, их надежды вполне оправдывались: орден Ледяной Руки считался одним из самых могущественных в Соединённом Королевстве, связываться с ним было мало охотников. Сами они, насколько мне известно, редко вмешивались в события; поговаривали, что Великий Магистр Тротти Длобд велел своим подопечным сидеть в резиденции, копить силу и совершенствовать боевые искусства, а сам поспешно собирал новых кандидатов в послушники по всему Соединённому Королевству, справедливо полагая малочисленность ордена его самым слабым местом.

Как я понимаю, руководство ордена Ледяной Руки планировало появиться на сцене боевых действий ближе к финалу, когда остальные участники начнут выдыхаться, и переломить ход всеобщей войны в свою пользу. Впрочем, этого так и не произошло. Позже мне объяснили, что

одной из причин внезапного упадка ордена Ледяной Руки стало моё случайное вмешательство в их дела. Дескать, Тротти Длобд был растерян и обескуражен, обнаружив, что его люди оказались практически беспомощными перед лицом первого попавшегося чужака, а настроение Великого Магистра неизбежно передаётся остальным членам ордена и отражается на общем состоянии дел. Этот факт, вероятно, следует считать забавным, поскольку меньше всего на свете меня в ту пору заботило общественное благо в целом и исход гражданской войны в частности.

Я бы, пожалуй, и вовсе не вспомнил о существовании ордена Ледяной Руки: сколь бы скверно ни обстояли мои дела, но идея поступить в какой бы то ни было орден не посещала меня даже на самом дне губительного безумия. Однако среди дюжин рукописей неизвестного авторства и зачастую сомнительной ценности, которые я проштудировал несколько лет назад в надежде обрести секрет бессмертия, мне встретилось описание старинного магического оружия, известного как Перчатки Смерти. Название меня впечатлило, и я почти невольно запомнил подробности, хотя для моих тогдашних изысканий они были совершенно бесполезны.

Рукопись представляла собой копию сообщений одного из королевских шпионов, который по личной просьбе Его Величества Гурига Седьмого нанялся в орден Ледяной Руки в качестве прислуги и провёл там несколько лет; наконец, благодаря сообразительности и хорошим манерам, получил должность личного гардеробщика Великого Магистра и, соответственно, доступ к некоторым секретам своего хозяина. Ситуация самая что ни на есть рядовая: во всех орденах, где брали прислугу со стороны, кухни и гардеробные кишели королевскими шпионами, чьи донесения, в свою очередь, тщательно копировали устроившиеся при дворе агенты самых разных орденов; насколько я знаю, информация друг о друге волновала их куда больше, чем секреты Его Величества, которого в начале Смутных времён почти никто не считал серьёзным противником. Все Великие Магистры, разумеется, были осведомлены о вышеописанном круговороте ценных сведений, но обычно не придавали этому значения: какие такие особые тайны может узнать уборщик или подсобный рабочий? А если ещё и убивать слуг почаще, за любую провинность или просто под горячую руку, информационная безопасность, можно сказать, гарантирована. И в любом случае, не делать же чёрную работу самим — так рассуждали почти все.

Впрочем, я снова увлёкся незначительными подробностями. Важно, что неизвестный автор попавшихся мне записок как-то сумел завоевать доверие своего господина и узнал немало любопытных вещей. В частности,

ему стало доподлинно известно, что, если кто-нибудь из членов ордена Ледяной Руки умирает, его руку извлекают из кристалла, аккуратно снимают кожу и делают из неё Перчатку Смерти — безупречное, безотказное оружие, способное испепелить кого угодно, сколь бы велико ни было могущество жертвы и сколь бы причудлива ни была её природа — человека, фэтана⁵, ожившего мертвеца, никакой разницы. При этом даже прикоснуться к жертве не обязательно, достаточно поднять руку в перчатке и отдать приказ.

Была в этих записках ещё одна любопытная подробность. Королевский шпион подозревал, что руководство ордена далеко не всегда ждёт случайной гибели очередного адепта. Он был почти уверен, что иногда Перчатку Смерти делают из руки живого и здравствующего, но не слишком нужного ордену послушника или даже магистра. Владелец насильственно извлечённой из кристалла конечности то ли умирает немедленно, то ли ещё какое-то время тихо угасает — эти предположения, по признанию неизвестного соглядатая, ещё нуждались в тщательной проверке.

Я вспомнил об этих грешных перчатках почти случайно и внезапно понял: так вот чего мне не хватает. Хорошего оружия! Перчатка Смерти сделает меня совершенным существом, идеальным убийцей, и учиться ничему не понадобится, все образуется само собой. На всякий случай напоминаю вам, что это были рассуждения юного безумца; все же сейчас мои представления о совершенстве весьма отличаются от тогдашних, да и к процессу обучения я отношусь с неизмеримо большим энтузиазмом.

Поскольку о том, чтобы заказать Перчатку Смерти специально обученным портняжкам из ордена Ледяной Руки, и речи быть не могло, а без этого оружия я теперь жизни себе не мыслил, пришлось идти напролом.

У моего тогдашнего безумия был один чрезвычайно полезный аспект: если уж мне удавалось принять хоть сколько-нибудь осмысленное решение, я немедленно начинал приводить его в исполнение, и остановить меня было невозможно. Думаю, если бы меня убили на полпути, я бы сперва завершил задуманное и только потом упал замертво. Но проверить эту гипотезу на деле мне, к счастью, как и не довелось.

Строго говоря, я и сейчас стараюсь соблюдать этот принцип, то есть, приняв решение, приступаю к его осуществлению немедленно, не отвлекаясь на посторонние вещи. Но до былой безупречности мне все ещё далеко, потому что сейчас действовать буду я сам — опытный и более-менее умелый колдун, но все же — просто живой человек. А в те времена за дело принималась сила, обуздать которую я, как уже неоднократно

признавался, не мог. Если мне будет позволено прибегнуть к метафоре, сейчас я намечаю цель и поражаю её, как искусный арбалетчик; тогда же я был не стрелком, но стрелой, выпущенной неведомо кем, зато в правильном направлении.

Поэтому штурм резиденции ордена Ледяной Руки состоялся, можно сказать, без моего сознательного вмешательства. Я был событием, а не его участником; сэр Макс меня поймёт, поскольку уж кто-кто, а он хорошо знает, как это бывает. Насчёт остальных я не столь уверен, но тут уж ничего не поделаешь.

Как я теперь понимаю, это был мой звёздный час. Поскольку войти в резиденцию без приглашения не мог никто из посторонних, я просто исчез оттуда, где был, и тут же появился в их тайном хранилище, «возник из ниоткуда», как говорят в таких случаях свидетели происшествия. Огляделся по сторонам, понял, что попал, куда хотел, тут же, не сходя с места, расколотил ближайший кристалл — кажется, даже не ударом, а яростным взглядом; впрочем, это дело тёмное, мало ли что мне теперь кажется. А единственный свидетель, как я понимаю, что-то вроде дежурного охранника, поплатился жизнью за попытку меня остановить. Я разодрал его на части, а единственную руку чуть ли не зубами отгрыз и уволок вместе с той, которую извлёк из разбитого кристалла, — кто знает, вдруг из обычной руки тоже получится Перчатка Смерти или какое-нибудь другое оружие. До сих пор никто не пробовал с толком использовать руки поверженных врагов, так почему бы мне не стать первым?

Оказавшись обладателем двух рук, я вдруг осознал, что совершил нечто невозможное. Может быть, именно поэтому я до сих пор так хорошо помню финальный эпизод своего нападения на резиденцию ордена Ледяной Руки. Не так уж много безусловных триумфов было в моей тогдашней жизни, чтобы позволить себе роскошь тут же забыть о столь выдающемся успехе.

Я был в таком приподнятом настроении, что не спешил спасать свою шкуру. Напротив, планировал, как я сейчас выйду в коридор и попробую поймать ещё пару-тройку тутошних магистров — если уж такой у меня случился счастливый день. Однако удача моя была столь велика, что осуществить воинственные намерения я так и не успел. Сила, которая принесла меня в резиденцию ордена Ледяной Руки, разбила волшебный кристалл и растерзала охранника, внезапно вышвырнула меня вон. Я очнулся над облаками — летел неведомо куда, хохотал, как пьяный, и громко пел боевой марш грибов-оборотней, дирижируя себе двумя чужими руками — сияющей ледяной и все ещё тёплой окровавленной.

Что с ними делать дальше, я, к слову сказать, понятия не имел. Ни сведений о технологии изготовления Перчаток Смерти, ни даже соображений о том, где их искать, у меня не было. Но не сомневался, что все уладится наилучшим образом, само собой, как всегда, так что мне и голову ломать не придётся.

Голову ломать мне действительно не пришлось, но совсем по другой причине. Я так и не успел разобраться с похищенными руками; собственно, я даже подумать об этом толком не успел, потому что день моего триумфа стал последним днём моей дикой, вымороченной, но все же по-своему приятной и радостной жизни.

А пока, изрядно утомлённый подвигами, я решил, что разберусь с Перчатками позже. Путая следы — то есть не слишком удачно стараясь оставаться незаметным, — отправился в самое секретное из своих убежищ, ветхий фермерский дом, расположенный за городской чертой, а там зашвырнул чужие руки в дальний угол и завалился спать.

Закрыв глаза, я незамедлительно выяснил следующие факты. Рука, которую я похитил, принадлежала старшему магистру ордена Ледяной Руки Кибе Аццаху. Он умер в тот момент, когда разбился ледяной кристалл, решительно опровергнув, таким образом, теорию безымянного королевского шпиона о медленном угасании. А растерзанного мною охранника звали Йук Йуггари, он был младшим магистром этого ордена; впрочем, вопрос о его скором повышении считался делом решённым, — удивительное дело, но Йук Йуггари продолжал гордиться обещанным высоким званием даже после смерти.

Я был бы чрезвычайно рад и дальше обходиться без этой информации, но мне поневоле пришлось узнать их имена и звания. Мёртвые магистры явились ко мне во сне; будучи, в отличие от меня, чрезвычайно воспитанными джентльменами, они сперва вежливо представились и только потом перешли к делу.

Вынужден признаться, что до того момента я вообще не придавал значения сновидениям. Полагал их дополнительным источником мелких удовольствий и совершенно бессмысленных огорчений, а время, потраченное на сон, считал досадной потерей. Сама идея магического сновидения казалась мне несусветной дикостью — какая, дескать, может быть магия, когда человек валяется с закрытыми глазами, как бесчувственное бревно?

Даже в юности, обладая пытливым умом и почти безоглядным доверием ко всему, что написано в книгах, я как-то умудрялся не обращать внимания на разнообразные сведения о сновидениях, которые регулярно

попадались мне на глаза наряду с прочей, зачастую куда менее полезной информацией. Пожимал плечами, презрительно отмахивался — дескать, выходит, и магистрам древности время от времени случалось интересоваться всякими глупостями, простительная слабость великих людей. Зато возможность подолгу не спать казалась мне одним из основных признаков личного могущества. Теперь мне самому трудно в это поверить, однако именно таковы были мои искренние убеждения.

Таким образом, я прекрасно подготовил себя к наихудшему кошмару своей жизни. Будь у меня хоть какие-то навыки контроля над сновидениями, я бы не оказался столь беспомощным перед лицом мёртвых магистров, которые мне приснились, вернее, вторглись в пространство моего сна.

Если уж начал признаваться в былом невежестве, надо быть честным до конца. Трудно поверить, но, одержимый идеей победить смерть, я никогда прежде не задавался всерьёз вопросом, что именно случается с людьми, когда они умирают. Раз и навсегда решил, что смертная участь мне не по нраву, и как бы закрыл для себя эту тему. Конечно, я лихорадочно искал способы перехитрить смерть, но при этом даже не пытался исследовать её природу. Возможно, кстати, именно поэтому мои изыскания зашли в тупик: невозможно победить врага, чьё лицо ты не готов увидеть, теперь-то это мне ясно. Но мало ли что мне ясно теперь.

Поэтому смерть любого человека представлялась мне, как и многим моим ровесникам, чем-то вроде полного и окончательного исчезновения. Хлоп — и нет, и больше никогда не будет, вопрос закрыт, забыли, живём дальше. Это тем более удивительно, если учесть, что я прочитал великое множество книг о смерти, по большей части вздорных и сомнительных, но попадались среди них и весьма толковые. И все же у меня не получалось поверить, будто человеческое существование может хоть как-то продолжиться после смерти. И уж тем более я не мог вообразить, что между мёртвыми и живыми возможна связь. Поэтому простодушно полагал, что, убивая человека, сколь бы могущественным колдуном он ни был, я избавляюсь от него навсегда.

Но не тут-то было. Обнаружилось, что некоторые мертвецы могут не только связываться с живыми, но и доставлять нам серьёзные проблемы. Во всяком случае, мёртвые маги ордена Ледяной Руки были вполне на такое способны. В моей жизни случалось немало неожиданных открытий, но более неприятного, пожалуй, не выдумать.

Это один из тех редких случаев, когда я, пожалуй, скорее благодарен своей памяти за её несовершенство. Тех немногих подробностей, которые

она сохранила, более чем достаточно; иногда, в минуту слабости, я думаю, что предпочёл бы обойтись и без этой малости. Помню, что убитые магистры объявили, что им очень не нравится быть мёртвыми, поэтому будет справедливо, если я на собственной шкуре узнаю, каково это. После чего слов в этом моем сне больше не было, только события.

Меня словно бы вывернули наизнанку, чувствительными внутренностями наружу и буквально за шиворот втащили во тьму, ледяную и огненную одновременно. У меня не осталось ни единой привычной точки отсчёта — ни времени, ни пространства, ни моего хвалёного могущества, ни моей ярости; собственно, от меня не осталось вообще ничего, кроме способности страдать и умения умирать — этим талантом, как выяснилось, обладает любое живое существо, что бы оно о себе ни возомнило. Умирание моё было не только тошнотворно мучительным, но и бесконечно долгим; поскольку привычного для меня хода времени больше не существовало, оно, можно сказать, началось задолго до моего рождения и продолжалось всегда — не самый приятный способ получить представление о вечности, зато весьма впечатляющий.

Неудивительно, что я до сих пор не люблю вспоминать сей поучительный опыт. Скажу лишь, что единственным утешением мне впоследствии стало понимание: то, что я узнал тогда о смерти, — далеко не вся правда о ней. Возможно, даже не часть правды, а только мой персональный кошмар, изысканная и умелая месть мёртвых магистров, которая больше никого не касается. Если бы всем умирающим приходилось иметь дело с чем-то подобным, я бы первый объявил человеческое существование самой жестокой, нелепой и бессмысленной затеей, какую только можно вообразить. И, пожалуй, хватит об этом.

Важно, что в какой-то момент кошмар вдруг закончился. Огненной, ледяной, мучительной вечности надоело мусолить мои останки, и она изблевала меня, вернула туда, где время шло своим ходом, пространство вполне подходило для человеческой жизни, а в центре этого пространства неподвижно лежало моё живое тело, увенчанное безумной, зато способной видеть, слышать и обонять головой.

В тот миг, когда я открыл глаза и увидел над головой звёздное небо, я был счастлив, как никогда прежде. Впрочем, экстатический восторг не помешал мне заметить камни, стекла и черепицу, падавшие с этого самого неба, воздев руку, остановить их полет, сообразить, что, когда я засыпал, в доме были стены и крыша, а теперь их почему-то нет, ощутить острую боль и выяснить, что моё правое плечо превратилось в кровавую кашу — один камень все-таки успел достичь цели, он-то, надо думать, меня и разбудил.

Я не успел принять никакого решения, потому что все устроилось само собой, как почти всегда случалось в минуту опасности. Миг спустя я обнаружил, что уже нахожусь в другом своём убежище, целом, невредимом и весьма комфортно обустроенном, так что можно отдышаться, исцелить раненое плечо и обдумать происшедшее. Последний пункт программы был самым трудным, но я понимал, что за меня это никто не сделает, хоть три дюжины слуг сюда созывай.

Вышеописанные события немного привели меня в чувство. Так, насколько мне известно, часто бывает, шок — наилучшее лекарство от безумия, человек обычно даже не подозревает, насколько собранным и рассудительным может стать, если речь зайдёт о жизни и смерти. В моем же случае ставки были ещё выше.

Собравшись кое-как с мыслями, я сделал вывод, что мне угрожают сразу две опасности — самая большая, какую только можно вообразить, и относительно пустяковая, которую, впрочем, тоже не стоит сбрасывать со счётов.

Что касается большой опасности, было совершенно ясно: как только я засну, кошмар вернётся, и нет никаких гарантий, что меня снова разбудит очередной милосердный удар. Не то чтобы мёртвые магистры разъяснили мне это обстоятельство, они вообще не особо утруждали себя разговорами. Но я и без предупреждений знал, что теперь они не отступятся. Между жертвой и палачом всегда возникает особого рода связь, куда более прочная, чем между влюблёнными, так что намерения другой стороны предельно ясны, и от знания этого никуда не деться, хотя желанным его не назовёшь.

Значит, решил я, придётся никогда больше не спать. Иного выхода я не видел. Конечно, идеальным вариантом стала бы окончательная гибель моих врагов, но я сомневался, что мертвеца можно убить ещё раз. Даже вообразить такое не мог.

К слову сказать, я заблуждался. Много лет спустя присутствующий здесь сэр Макс оказал мне услугу и уничтожил мёртвого магистра Кибу Аццаха, чем заслужил мою вечную благодарность и безграничное восхищение. Чуть позже, вдохновлённый его примером, я собственноручно пресёк сумеречное существование Йука Йуггари — скорее из милосердия, чем ради самозащиты. Но полторы сотни лет назад я, конечно, и помыслить о таком не мог. Бессонница казалась мне единственным спасением.

В своём бесконечном высокомерии я полагал, что навсегда отказаться от сна будет довольно просто. В самом деле, думал я, поначалу, когда я только-только наполнился силой, отдых мне не требовался вовсе, значит,

сон — это просто дурная привычка вроде курения трубки или пристрастия к карточной игре, избавиться от неё будет нетрудно; собственно говоря, давно пора было это сделать, а не убежища возводить.

Вторая моя проблема на фоне разбирательств с мёртвыми магистрами казалась почти забавной. Ясно, конечно, что мой дом рухнул не сам по себе. И совершенно очевидно, что у меня завёлся по-настоящему могущественный враг. Уничтоженное здание, равно как и все прочие мои убежища, было весьма надёжно защищено и от разрушений, и от постороннего вторжения. Я не без оснований полагал себя мастером в этом деле; одолеть мои заклинания мог только очень могущественный и умелый колдун, а таких по пальцам пересчитать можно, причём до сих пор они моей персоной совершенно не интересовались. Было бы разумно предположить, что происшествие с домом — месть адептов ордена Ледяной Руки, не всех же я там перебил, в самом деле. Но интуиция подсказывала, что я ошибаюсь.

В любом случае мой загадочный ж доброжелатель изрядно опростоволосился. Хотел потихоньку, не утруждая себя, убить меня спящего, а вместо этого спас — да он бы локти себе искусал, если бы знал, какую оказал мне услугу! Уже только за этим следовало бы его найти и все рассказать. Ну и дать ему шанс ещё раз попробовать меня убить: во-первых, из этого может выйти неплохое развлечение, а во-вторых, надо же как-то отблагодарить своего спасителя.

Чтобы окончательно освободиться от власти кошмара, я пару часов полетал над ночным городом, а спустившись на землю, сжёг трактир Бешеного Кри, где в тот вечер пьянствовала большая компания магистров ордена Колючих Ягод. Наблюдать за их попытками спастись было довольно забавно, так что я почти развеселился, пару самых молодых даже отпустил на радостях; впрочем, я никогда не причинял вреда подросткам и тем более детям, тут вступал в силу какой-то таинственный внутренний запрет. Вероятно, дело в том, что, пока человек не стал взрослым, он весь — обещание чуда, а зрелость делает его свершившимся фактом, вне зависимости от того, каким именно он стал. Беспощадный к фактам, я никогда не мог устоять перед обаянием обещаний, хотя какой от них прок лично мне — неведомо.

Но я опять отвлёкся. Важно, что я более-менее успешно вернул себе боевой дух и хорошее настроение, твёрдо решил, что больше никогда не позволю сну сделать меня беспомощным болваном, и на том успокоился. Правда, не настолько, чтобы вернуться в разрушенный дом и откопать из-под развалин свои трофеи. Инстинкт подсказывал мне, что, если я

прикоснусь к волшебным рукам, их хозяева, пожалуй, сумеют найти меня даже наяву, а я, по правде сказать, не чувствовал себя готовым к новой встрече. Поэтому я решил, что развалины — надёжное укрытие для моих сокровищ, во всяком случае, не хуже любого другого места. А там поглядим. Может быть, удастся найти мастера, способного сшить Перчатки Смерти, запугать его или просто заплатить за работу по-королевски. Если удача моя по-прежнему велика, так оно и будет.

Но на сей раз удача меня оставила. Дело не только в Перчатках, возможность изготовить которые по-прежнему оставалась ненадёжной туманной перспективой. Хуже было другое. И дюжины дней не прошло, а я уже понял, что обходиться без сна совсем не так легко, как мне представлялось. Если бы я мог сознательно управлять могуществом, которым обладал, все, думаю, было бы гораздо проще. А так, единственное, что я мог сделать, — твёрдо решить, что никогда больше не засну, и ждать, что все как-нибудь само собой устроится.

Однако не устроилось. То ли силы у меня уже было гораздо меньше, чем поначалу, то ли весёлой дерзости поубавилось, то ли в глубине души я втайне от самого себя предполагал, что непрерывно бодрствовать очень трудно, но все, как водится в таких случаях, вышло по-моему.

Я, конечно, искал облегчения. Принимал возбуждающие зелья, сперва чашками, потом — вёдрами; когда они окончательно перестали помогать, стал охотиться на хорошо выпавшихся людей. Пил их кровь в надежде, что мне перепадёт хоть немного бодрости. Это действительно помогало — иногда на несколько часов, но чаще счёт шёл на минуты. А вот убить и съесть выпавшегося человека почему-то оказалось вовсе бесполезной затеей — это, помню, стало для меня большим разочарованием, но конец моим бесчинствам, конечно же, не положило.

На протяжении почти двух лет я хотел только одного: спать. Спать и не видеть при этом снов, ни единого грешного сна, никогда, ни о чем. На исходе второго года мытарств я начал думать, что смерть — тоже вполне достойный выход из положения, при условии, что она будет похожа на сон без сновидений, а не на давешний кошмар — о, если бы только знать наверняка! Но сведения о посмертном существовании, которые я когда-то черпал из книг и с негодованием отметал как полную чушь, были столь туманны и противоречивы, что опорой мне служить никак не могли. А что касается живых людей, им я не доверял и в менее важных вопросах. Да и откуда бы знать о смерти тому, кто сам пока жив?

Только это — я имею в виду отсутствие каких бы то ни было гарантий — меня и останавливало. Но строго говоря, моя персональная битва со

смертью, ради которой я когда-то все и затеял, уже была проиграна с разгромным счётом. Теперь я сам хотел сдаться ей на милость, другое дело, что не на любых условиях — пока.

Хуже всего, пожалуй, вот что. В безнадёжной борьбе с бессонницей я сам не заметил, как растерял все свои сокровища — те немногие достижения, которые действительно имели смысл. То есть краденое могущество все ещё было при мне, по крайней мере какая-то его часть. Я имею в виду, что по-прежнему был чрезвычайно опасен для окружающих и сравнительно неплохо защищён от нападения. Но ярость моя больше не была весёлой. Угрюмая злоба затравленного зверя — вот что теперь давало мне силы держаться на плаву. О неизъяснимом телесном блаженстве, которое может доставлять всякое действие, я и вовсе забыл. Это теперь я хоть немного помню, сколь замечательно все начиналось, а тогда — как отрезало. Жизнь казалась мне принудительным трудом, необходимым лишь для того, чтобы избежать ещё худшей участи. Даже дыхание стало для меня тягостной обязанностью, о прочем уже и не говорю.

Дни мои, таким образом, был сочтены, а грядущий конец обещал стать бесславным и совершенно бессмысленным. Вопрос был лишь в том, как скоро наступит день, когда мне окончательно станет все равно.

Но вышло иначе.

Подозреваю, что ни одному из присутствующих никогда не доводилось испытать на собственной шкуре, что такое Ритуал Призыва. Поэтому объяснить, что происходит с человеком, которого призвал настоящий мастер, будет нелегко. Дело в том, что на первый взгляд с ним вообще ничего особенного не происходит. Просто человек вдруг бросает все свои дела и бегом устремляется туда, где его ждёт заклинатель. Причём он уверен, что делает это совершенно добровольно, обычно даже причину своего поведения может более-менее внятно сформулировать: кому-то показалось, что друг зов прислал, другой внезапно «вспомнил», что у него там назначено свидание, третий просто на доброе предчувствие сошлётся. Сколько ни объясняй такому, что он повинуется не собственной прихоти, а чужой воле, — не поверит. В этом, собственно, вся суть. Если хочешь без труда и лишнего шума поймать могущественного, но не слишком опытного колдуна, лучше Ритуала Призыва ничего не придумаешь. Заподозрив неладное, такой может дать серьёзный отпор, но от собственного искреннего желания срочно отправиться на центральную площадь или, напротив, на дальний пустырь защищаться не станет.

Остаётся добавить, что я о Ритуале Призыва до того дня понятия не имел. Неудивительно: во всем Соединённом Королевстве можно было

насчитать максимум полдюжины колдунов, способных совершить этот древний ритуал, и ещё полсотни стариков, которые хотя бы краем уха слышали о таком искусстве. Это касается большинства боевых искусств, доставшихся нам от исконных обитателей Хонхоны, которые бережно относились к Сердцу Мира, то есть на пушечный выстрел к нему не приближались, а для колдовства вполне обходились собственным могуществом, помноженным на глубокое знание человеческой природы и выдающееся хитроумие.

Поэтому, когда мне вдруг пришла охота прогуляться до Зеленого кладбища Петтов, что на Левом берегу Хурана, я немедленно туда отправился, ни на миг не усомнившись, моё ли это решение. Летел над городом, приближаясь к цели, переполнялся радостными предчувствиями — уже очень давно я не испытывал ничего подобного. Чтобы никого не вводить в заблуждение, я вынужден, забегая вперёд, пояснить, что это были отнюдь не настоящие предчувствия грядущих добрых перемен, которые в моем случае действительно произошли, а просто один из побочных эффектов Ритуала Призыва, милосердный и одновременно издевательский, если учесть, что к этому ритуалу обычно прибегают, когда хотят без особых хлопот кого-нибудь убить. Возможность умереть счастливым дураком — сомнительный дар, но многим, я знаю, кажется, будто это далеко не худший исход.

Я был столь ослеплён своими так называемыми предчувствиями, что, приземлившись у дальней ограды кладбища, далеко не сразу понял, что я здесь не один. А когда понял, предпринимать что-либо было уже поздно. Я не то что колдовать — пошевелиться не мог.

Это было... я даже слова подобрать не могу, ну вот разве что «ошеломительно» более-менее подходит, но и это определение обычно описывает куда менее сокрушительный эффект. Ничего подобного со мной никто никогда прежде не проделывал. Даже воспоминание о том, как Великий Магистр ордена Дырявой Чаши превратил меня при первом знакомстве в драную тряпку, не могло сравниться с этим унижением. В конце концов, в ту пору я был мал, беспомощен и занимал самое низкое положение в орденой иерархии; к тому же я не раз имел возможность убедиться, что с другими дерзкими послушниками проделывали порой куда худшие вещи.

Лишиться возможности действовать было ужасно, но ещё большим злом для меня оказалось не знать, что происходит, — как вообще такое может быть, что моё могущество больше не имеет значения? — и при этом прекрасно понимать, что мне сейчас, вероятно, предстоит умереть, так и не

разобравшись в причинах внезапно постигшей меня слабости. Желание разобраться было даже сильнее желания выжить — вот что поразительно. В тот миг, который я искренне полагал последним, я вновь стал любопытным, жадным до знаний, совсем как в детстве. Оказалось, что именно это и есть самое главное, а без всего остального вполне можно было бы обойтись. Запоздалое открытие не только удивило меня, но и опечалило несказанно. Теперь я думаю, что это был первый признак выздоровления, первое за многие годы воспоминание о своей подлинной природе и призвании — что ж, лучше поздно, чем никогда.

Впрочем, никто меня так и не убил. Я вот уже несколько минут столбом стоял у ограды, сердце моё вопило от бессильной ярости, неподвижное тело терзала боль — сила рвалась наружу, требовала действий, думаю, ещё немного, и она бы действительно разорвала меня в клочья. До сих пор я оставался цел, поскольку был послушным инструментом, повиновался всякому внутреннему импульсу и только теперь понял, что все эти годы действовал вовсе не по доброй воле, а подчиняясь необходимости. Помню, я подумал, что взорваться от собственного могущества — далеко не худший конец, мёртвым магистрам при таком исходе, пожалуй, ничего не достанется, а мне того и надо. Потом вспомнил, как испытал похожие ощущения, когда пил воду из дырявого аквариума; я ещё сказал себе тогда, что тот, кто умирает от переизбытка силы, становится бессмертным — что ж, хорошо, если так!

Воспоминание оказалось не только приятным, но и столь ярким, что я на миг поверил, будто сейчас снова окажусь в зале, заставленном аквариумами, и обнаружу, что вошёл туда всего несколько минут назад, а все остальное мне только примерещилось, пока я осушал седьмую по счёту чашку волшебной воды.

Но этого, разумеется, не случилось. Зато у меня за спиной раздался голос:

— Постарайся вдохнуть очень медленно, считая до шести. Потом — пауза, опять на счёт шесть. И такой же медленный выдох. И снова пауза. И ещё раз, и ещё — для начала хотя бы четверть часа кряду. А то, пожалуй, действительно взорвёшься. Давай начинай. Чего ты ждёшь?

Удивительное дело, но я его послушался. Скорее всего потому, что сдуру решил, будто со мной говорит нечто большее, чем просто человек. Не то чтобы это был какой-то особенный нечеловеческий голос, вовсе нет. Обычный баритон, довольно приятный слуху, только и всего. Но я рассудил, что, если бы тут был человек, он бы давным-давно меня убил (да и не под силу человеку, сколь бы грозным колдуном он ни был, меня обездвигить —

подсказывала моя гордыня). А не-человека вполне можно послушаться, это не так унизительно. И возможно, оно даёт мне дельный совет.

Я принялся дышать, как велели; неведомое «оно» любезно отбивало ритм, постукивая веткой об ограду, — это, надо сказать, очень мне помогло, сам-то я считал бы раза в три быстрее, ещё и сбивался бы то и дело, вне всякого сомнения.

С чувством времени у меня в ту пору было совсем скверно, поэтому не знаю, как долго пришлось мне цедить сквозь зубы холодный ночной воздух. Но уже после нескольких медленных вдохов я почувствовал себя более-менее сносно: мышцы понемногу расслабились, сердце успокоилось и, что поразило меня больше всего, смертельная усталость, которая уже стала для меня привычным состоянием, почти прошла. То есть я бы и сейчас, пожалуй, с удовольствием заснул, если бы дал себе волю, но желание отдохнуть перестало быть мучительным.

А ещё какое-то время спустя разум мой обрёл вдруг былую ясность. И вот это оказалось по-настоящему страшно. До сих пор я не понимал, сколь плохи мои дела, не осознавал толком, что потерпел сокрушительное поражение, расплескал понапрасну краденую силу и себя самого заодно вместе с нею выплеснул. Опустевшая дырявая посуда, из которой уже нечего выпить, даже если бы нашёлся желающий, — вот что я собой представлял. Это было, мягко говоря, малоприятное открытие, и все же я понял, что не готов добровольно променять эту беспощадную ясность на былой туман в голове. «Не видеть вещи такими, какие они есть, — унизительно для мыслителя, — сказал я себе. — Какой стыд».

— Ага, — удовлетворённо произнёс все тот же голос за моей спиной. — Не такой ты безумец, как может показаться. С разумом твоим все в полном порядке, ещё получше, чем у большинства моих знакомых, просто ему давно не давали воли. Ты же сам и не давал, а это, как видишь, дело поправимое... Удивительно все-таки, что в ордене Дырявой Чаши вас не научили успокаивать себя дыханием. И вообще ни в одном ордене послушников не учат правильно дышать — о какой магии после этого может идти речь?! Как можно браться за колдовство человеку, который не умеет управиться с собственным телом и разумом? Вот чего я никогда не пойму.

Чем больше он говорил, тем твёрже я убеждался, что все-таки имею дело с человеком. Вряд ли неведомое, непостижимое существо, которым мне сперва казался невидимка, стало бы столь охотно злословить на чужой счёт, очень уж это по-человечески.

Правда, оставалось загадкой, почему незнакомец меня не убил. Но я

полагал, что в ближайшее время это прояснится. Такие болтливые люди обычно охотно рассказывают о своих намерениях посторонним, в том числе и своим жертвам. Последним — особенно охотно, насколько я успел изучить эту породу.

— Ладно, теперь можно и познакомиться, — объявил мой невидимый собеседник. — И поговорить о делах, пока ты более-менее соображаешь.

Я по—прежнему не мог двигаться, даже голову повернуть, но он сам обошёл меня и уселся на траву прямо у моих ног, так что я смог наконец увидеть его лицо.

Нельзя сказать, что зрелище меня обрадовало.

Конечно, я его знал. То есть мы не были представлены, но я прекрасно знал, кто такой Чиффа. Однажды, когда я ещё был совсем юным орденским послушником, отец показал мне его в трактире и посоветовал никогда в жизни ни под каким предлогом не садиться за один карточный стол с этим типом. Дескать, он — профессиональный игрок, к тому же знает какой-то древний секрет, благодаря которому обыгрывает даже очень могущественных колдунов, так что пусть себе облапошивает простофилю, а разумным людям ни к чему становиться посмешищем.

С тех пор многое переменялось. Чиффу стали называть Кеттарийским Охотником, да и профессию он давно сменил. Если верить слухам, наёмный убийца из него вышел не менее удачливый, чем игрок. Всем мало-мальски сведущим людям уже было ясно, что этот ловкий провинциал, ни единого дня не принадлежавший ни к одному из орденов, — один из самых опасных и умелых колдунов Соединённого Королевства. Многие могущественные и влиятельные лица прекрасно осознавали, что живы лишь потому, что Чиффе пока никто не заплатил за их смерть — с клиентов он брал запредельно много, и хвала магистрам, что так, а то слишком много нашлось бы желающих свести счёты чужими руками.

Немудрёно, что во всех орденах Чиффу ненавидели куда сильнее, чем Короля и Нуфлина Мони Маха, хотя в отличие от них Кеттариец никому не объявлял войну и не раз во всеуслышание заявлял, что никого не считает своим личным врагом, а работает исключительно ради денег.

Убить этого ловкача было моей мечтой — сокровенной и пока недостижимой (временно недостижимой — обычно утешал я себя). Он представлялся мне чем-то вроде великолепного десерта, который я получу когда-нибудь в самом конце трапезы, предварительно напившись крови всех ныне живущих Великих Магистров.

Сам же Чиффа, как выяснилось, вовсе не спешил меня убивать. «Вероятно, за это ему пока не заплатили», — высокомерно подумал я. Но

вслух ничего не сказал, и это было столь невероятное для меня проявление сдержанности, что я до сих пор себе удивляюсь.

— Вижу, ты меня знаешь. Тем лучше. Обойдёмся без официальной церемонии, сэкономим кучу времени. Для начала хочу сообщить тебе следующее. Ни убивать тебя, ни тем более отпускать восвояси я не намерен. Ты — моя добыча. Догадываюсь, что тебе это не нравится, но тут я ничем помочь не могу, справляйся сам. Я мог бы честно сказать, что это — твоя величайшая удача, но прекрасно понимаю, что ты пока не готов переварить и принять такую концепцию. Ничего, ещё успеется.

Чиффа сидел передо мной на земле скрестив ноги и ухмылялся. В городе говорили, что ему лет шестьсот, если не больше, а выглядел он моим ровесником. У него была наглая, хитрая, самодовольная рожа бессмертного существа, которое может сделать все, что пожелает, и ему за это ничего не будет. Словом, он был отвратительным типом — в точности таким, каким я сам всегда хотел стать, просто у него получилось, а у меня — нет. Это делало и без того вполне неприятную ситуацию совершенно невыносимой. Я зарычал.

Кеттариец укоризненно покачал головой.

— Охота же тебе тратить остатки силы на злость, — сказал он. — Посмотри на себя. Ты — развалина, ты уже почти ни на что не годишься. А ведь такой был умный, талантливый мальчик, лучший из своего поколения. Твоя идея насчёт кражи орденой воды до сих пор кажется мне остроумной и нетривиальной, но весьма несвоевременной — думаю, теперь ты и сам это понимаешь. Обжорство никому не на пользу, а уж обжорство силой... Хотел бы я знать, как ты себе представлял жизнь после обретения могущества?

Впрочем, и так примерно понятно. Голова упирается в небо, в груди бьётся бессмертное сердце, у ног копошатся крошечные, никчёмные человечки, вполне пригодные для вылизывания твоих сапог и больше, пожалуй, ни для чего. В каждой руке — труп врага, голова одного уже откушена, второй ждёт своего часа, впереди — вечность. Отлично, и что дальше?

Я молчал, поскольку не мог его убить, я и пошевелиться-то не мог, и это по-прежнему было очень неприятно, чем дальше, тем хуже. Не до разговоров.

— Нет, мне правда интересно, что потом? — не отставал Чиффа. — Когда я был таким же молодым дураком и мечтал о силе, я тоже намеревался сперва победить все, что шевелится. Чистота сапог, положим, не слишком меня беспокоила, но побеждать — о да, это мне всегда

наверное. Но по крайней мере, я твёрдо знал, чего хочу потом — обойти все обитаемые и необитаемые Миры, поглядеть, как там у них все устроено, и наконец создать собственную реальность, совершенную и прекрасную, ни единой чужой ошибки не повторив. Глупости, конечно, но для молодого дурака не так уж плохо. А ты? Не мог же ты всерьёз мечтать о вечности, заполненной уничтожением врагов и наведением блеска на обувь. Или все-таки мог? Но тогда, выходит, я ничего не понимаю в людях.

Я по—прежнему молчал. Из его речей я не понял и половины. Какие такие обитаемые и необитаемые Миры? Что он имеет в виду? Как может человек всерьёз захотеть создавать какую-то дурацкую собственную реальность? Чушь собачья, бредни для малолетних обитателей Приюта Безумных, потому что взрослые безумцы о таком и слушать не станут, и я не стану, вот как бы только его заткнуть?

От бодрости, пришедшей было после упражнений с дыханием, не осталось и следа. Видимо, я действительно растратил все силы на злость, от которой в данной ситуации не было никакой практической пользы. Мне сейчас хотелось одного — чтобы этот мерзавец все-таки убил меня, если уж поймал, и чтобы смерть оказалась хоть немного похожа на сон. Потому что если не похожа, тогда вообще непонятно, зачем я родился и зачем всё, если даже мёртвому человеку нельзя поспать хоть немного. А тут ещё этот кеттарийский болван со своими дурацкими разговорами. Но может быть, я смогу убить его взглядом? Отец рассказывал, что я однажды убил взглядом няньку, мне тогда ещё трех лет не исполнилось, так неужели взрослый человек, овладевший силой, предназначенной для целого ордена, не может повторить своё младенческое деяние?!

Но я, конечно, не мог. Только ещё больше устал — настолько, что не мог уже даже злиться, а это была совсем уж прискорбная крайность.

— Э нет, так дело не пойдёт, — голос Чиффы доносился до меня откуда-то издалека, я едва слова разбирал. — Говорить не с кем, ты уже практически спишь. Давай-ка подыши ещё с полчаса, как я тебя учил. Придётся в себя — продолжим.

Но я и не подумал его слушаться. С какой бы стати? Одно дело — голос из темноты, и совсем другое — Кеттарийский Охотник, обычный, в сущности, человек, невзирая на устрашающую репутацию. Пусть убивает, если уж поймал, но командовать мной он не будет, это я решил твёрдо.

— Ну да, конечно, ты не станешь ничего делать, — вздохнул он. — Ты очень упрямый. Вообще-то, это хорошо. Просто прекрасно. Но именно сейчас совершенно некстати... Ладно, хочешь спать — спи. Кто я такой, чтобы не давать спокойно отдохнуть хорошему человеку?

Он сделал какой-то едва заметный взмах рукой, и я как подкошенный рухнул на траву. Падая, не ушибся, наоборот, мне показалось, что я свалился на целую грудку мягких одеял, так удобно было лежать. Чиффа подвинулся поближе и какое-то время разглядывал меня с холодным, но острым интересом, как диковинное животное. Потом вдруг погладил по голове, как ребёнка. Это нелепое, невозможное, невообразимое событие окончательно выбило меня из колеи, но ненадолго, потому что миг спустя глаза мои сами собой закрылись и я заснул, успев все-таки догадаться, что Чиффа меня не просто так гладил, а колдовал, что, конечно, тоже не сахар, но, по крайней мере, полностью укладывается в рамки моих представлений о возможном.

Во сне дела мои обстояли очень скверно, как и следовало ожидать. Я не зря так долго изводил себя бессонницей, чутьё меня не обманывало. Передо мной сразу же возникли лица мёртвых магистров — равнодушные, уверенные в своей власти, они, вероятно, никогда не сомневались, что получают меня обратно, знали — это всего лишь вопрос времени, а в их распоряжении была вечность. И в моем, надо понимать, тоже. Теперь-то.

Надо отдать должное Чиффе, он меня пощадил, разбудил почти сразу, мертвецы только и успели, что вывернуть меня наизнанку, а по сравнению с дальнейшей программой это были сущие пустяки.

Пробуждение оказалось таким немыслимым, невообразимым счастьем, что я описать не возьмусь.

— Прости, что не дал выспаться, — вежливо сказал мой милосердный мучитель. — Я подумал, вдруг ты все-таки внезапно захотел сделать дыхательное упражнение и продолжить беседу? Если нет, я готов принести извинения и спеть тебе колыбельную.

Понять его превратно я не смог бы при всем желании. Конечно, это была угроза. Я все взвесил и сдался. Сделал медленный вдох, задержал воздух в лёгких, медленно выдохнул. Слушаться, делать, что велют, казалось мне унижительным, зато моё тело было совершенно счастливо.

Чиффа, к моему удивлению, вовсе не злорадствовал, а наблюдал за мной с неподдельным сочувствием.

— Ничего унижительного тут нет, — вдруг сказал он. — Подчиняться тому, кто тебя спасает, не стыдно. Ты в детстве небось никогда не болел, к знахарям тебя не водили, вот и не привык принимать помощь из чужих рук.

Я поглядел на него с искренним изумлением. Его попытки меня утешить совершенно не вписывались в мою картину мира, в точности как давешнее поглаживание по голове. Могущественные колдуны так себя не ведут, думал я, и вообще никто так себя не ведёт, свихнулся он, что ли?

Если так — тем лучше. Возможно, если я притворюсь покорным и несчастным, он вернёт мне возможность действовать, и вот тогда начнётся настоящее веселье. Вряд ли я с ним справлюсь, но попробовать все-таки надо.

Словом, я несколько приободрился.

— Ты давай дыши, — вздохнул Чиффа. — И постарайся расслабить мышцы, так пользы больше. А помечтать всегда успеешь.

Только тут до меня дошло, что эта кеттарийская скотина читает мои мысли. И раньше мог бы сообразить, честно говоря. Но поскольку мне волей-неволей пришлось продолжать упражнение, гнев мой был жалким подобием обычной в таких случаях ярости, да и тот почти сразу угас. Вместо того чтобы сердиться, я наконец задал себе вопрос, с которого, собственно, следовало начинать: а как такое вообще может быть? Почему этот человек читает мои мысли, которые всегда были надёжно скрыты — даже от Великого Магистра и моего собственного отца, а ведь они, теоретически, имели достаточно времени и возможностей подобрать ключ к моим тайникам? Откуда он столько знает о моих делах, включая историю с мёртвыми магистрами? И почему он имеет надо мной такую великую власть? Как он заставил меня добровольно заявиться на это грешное кладбище? Ясно ведь, что он сидел тут в засаде, а не случайно проходил мимо. Я много лет изучал магию, прочитал великое множество книг, выслушал ещё больше рассказов, и совершенно очевидно, что он проделывает со мной какие-то совершенно невозможные вещи. Так не бывает.

— Вот теперь твои мысли потекли в более-менее правильном направлении, — безмятежно заметил Чиффа. — Единственная поправка: о магии ты пока знаешь чрезвычайно мало. И книги читал не совсем те, какие следовало бы. Но это дело поправимое, при условии, что тебе удастся остаться в живых. Непростая, честно говоря, задача. Киба Аццах и Йук Йуггари от своего не отступятся, это, надеюсь, даже тебе ясно. А обходиться без сна ты больше не можешь, да и не нужно без него обходиться. Постоянно бодрствовать — это все равно что глаз себе добровольно выколоть, руку отрезать, ногу отрубить: выжить кое-как после этого, может быть, и удастся, но никто не назовёт такую жизнь полной. Сновидения — своего рода подкладка бытия. А без подкладки даже лоохи плохо сидит, быстро изнашивается да и не греет совсем, ты такое надеть побрезгуешь.

Я слушал его молча. Медленно вдыхал, медленно выдыхал. Сам не заметил, как вошёл во вкус, мне больше не хотелось поскорей покончить с

этой тягомотиной. Поразительно, если учесть, что в ту пору почти всякое монотонное действие, длящееся дольше дюжины секунд, наводило на меня неопишемую тоску.

— У тебя очень хорошо получается, — заметил Чиффа. — Твоё тело словно бы специально для этого создано. И ты сам словно бы специально создан для чудес — и больше, пожалуй, ни для чего. В общем, понятно, как ты дошёл до жизни такой. Тебе не хватало подлинной, живой магии, а как к ней подобраться, неведомо и спросить некого, вот ты и пошёл вразнос. Родись ты на несколько столетий раньше, когда в Соединённом Королевстве ещё умели правильно воспитывать ребят вроде тебя, все было бы совсем иначе. И ещё неизвестно, кто из нас сейчас лежал бы пластом. Впрочем, скорее всего никто: уж я бы расстарался, чтобы с тобой подружиться.

Я поймал себя на том, что слушаю его с удовольствием. Меня уже очень давно никто не хвалил, и вдруг оказалось, что мне этого не хватает. Хотя и странно это — выслушивать комплименты от победившего тебя врага. Строго говоря, побеждённому вообще полагается умереть, а не комплименты слушать.

— Ты, кстати, вот что, — вдруг сказал Чиффа. — Имей в виду, то, что я тебя поймал, — это не стыдно. Ты же не стыдишься, если промокнешь от дождя? Никому, даже тебе, в голову не придёт ставить вопрос таким образом. А почему? Потому что ты не сражаешься с дождём, он тебе не враг, просто делать все мокрым естественно для него. Ну вот, со мной ровно та же история.

Я окончательно уверился, что из нас двоих этот кеттариец — куда худший безумец. Но продолжал молча вдыхать и выдыхать. Это занятие пришлось мне по вкусу, в отличие от разговоров.

— Не понимаешь, — констатировал он. — А я всего-то и хотел сказать, что не враг тебе. И вообще никому. Я ни с кем не сражаюсь. Именно поэтому я могу поймать и убить кого угодно. Тот, кто ничего не хочет, всегда сильнее того, кто хочет всего, да побольше. Тебе это пока тоже не понятно, так что просто прими на веру и запомни на будущее — пригодится.

— Не пригодится. Никакого будущего нет, — произнёс чей-то голос. Он звучал печально и одновременно очень спокойно. Я далеко не сразу понял, что сказал это сам. С такими интонациями я отродясь не разговаривал.

— Ого, заговорил! — оживился Чиффа — По большому счёту ты, конечно, прав, будущего нет, и прошлого тоже нет, есть только один-

единственный миг — здесь, сейчас; миг этот со всех сторон окружён бездной, преодолеть которую можно, только пройдя по Мосту Времени. Эта прогулка очень похожа на твои нынешние кошмары, с одной существенной разницей — совершать её надо мало того что по доброй воле, но ещё и с бесконечным энтузиазмом. Поэтому перейти Мост Времени может только тот, чья готовность к радости сильнее готовности к страху, то есть почти никто. И пожалуй, хватит об этом — пока.

Он немного помолчал и неожиданно добавил:

— Но с точки зрения повседневной, практической ты говоришь ерунду. Это для тебя-то нет будущего? Ха! Ты будешь жить бесконечно долго, время от времени почти счастливо и всегда — чрезвычайно интересно. А в один прекрасный день, очень-очень нескоро, вдруг обнаружишь, что стал самым могущественным колдуном этого Мира. Но тебе будет плевать — вот что самое смешное. Ты и бровью не поведёшь.

— Это пророчество?

Пропустить мимо ушей столь заманчивые обещания было решительно невозможно. Веры этому болтливому кеттарийцу, конечно, быть не могло. А все-таки.

— Что-то вроде, — ухмыльнулся он. — Так вполне может случиться — при условии, что тебе удастся удрать от твоих несговорчивых мертвецов. Имей в виду, я знаю как. Но не уверен, что ты станешь меня слушать.

— Может, и стану.

Поначалу я сам не поверил, что такое сказал. Если бы мог, вырвал бы собственный болтливый язык, чтобы не смел больше никогда заискивать перед врагами. Но тут же понял, что горячиться уже довольно поздно. Я и без того битых полчаса исполняю его волю, и это, кажется, действительно пошло мне на пользу. Спать, во всяком случае, почти не хочется, и соображать стало значительно легче. Выходит, этот пройдоха действительно может мне помочь. Понять бы ещё, зачем ему-то это надо.

На всякий случай я добавил:

— Ты говоришь как друг, а действуешь при этом как враг. Если бы ты не заставлял меня валяться на земле, веры твоим словам было бы больше.

— Это я и сам понимаю, — миролюбиво согласился Чиффа. — Давно бы снял с тебя заклятие, только, видишь ли...

Он вздохнул, немного подумал и продолжил: — Очень трудно мне с тобой говорить. Если я буду называть вещи своими именами, ты подумаешь, будто я хочу тебя унижить. А это не так. Ладно, скажу как есть. Я прекрасно понимаю, что, как только к тебе вернётся способность действовать, ты попробуешь взять реванш. Так уж ты устроен. Проблема

даже не в этом, а в том, что мне ты навредить не можешь. Зато себе — сколько угодно. В лучшем случае все закончится тем, что несколько секунд спустя ты снова будешь валяться на траве, и нам обоим придётся начинать все сначала. Тебе — дышать и успокаиваться, а мне — языком молоть, переливать из пустого в порожнее. Все это немыслимо скучно, тебе не кажется? А в худшем случае мне придётся тебя убить, и вот это будет совсем скверно для нас обоих. Что касается меня, я останусь с пустыми руками, моё время и силы окажутся потраченными понапрасну — досадная потеря! А ты попадёшь прямёхонько в объятия своих мёртвых друзей, только проснуться уже будет совершенно невозможно, сам понимаешь.

Он сейчас озвучил мои собственные наихудшие подозрения. Я сам не раз думал, что, если уж мёртвые колдуны сумели подкараулить меня на пороге между сном и бодрствованием, поймать меня между жизнью и смертью им будет ещё проще. Смерть — это их территория, как ни крути. Я, конечно, всегда гнал эти соображения прочь, и они уходили — просто потому, что ни одна мысль в ту пору не задерживалась в моей голове надолго. Но сейчас, когда Чиффа сказал это вслух, я сразу понял, что он меня не обманывает и не запугивает. Просто предупреждает. По-дружески, сколь бы дико ни звучало это определение.

— Ладно, — сказал я. — Давай договоримся так. Сколько времени я уже здесь нахожусь?

— Ровно два часа и четыре минуты, — ответил он. — А зачем тебе?

— Все это время ты мог меня убить, но не сделал этого, — объяснил я. — Будет справедливо, если я ровно столько же времени не стану нападать на тебя. Строго говоря, такой поступок отчасти вернёт мне самоуважение, потому что я буду бездействовать не из страха, а из соображений чести.

— У тебя, кроме всего, большие способности к дипломатии, — с неподдельным восхищением сказал Чиффа. — С самим собой мало кто умеет договориться, да ещё в такой непростой ситуации, а у тебя, гляди-ка, получилось. Ладно, если так, не буду больше стеснять тебя в движениях.

Первым делом я поднялся на ноги и тщательно почистил одежду. Я с детства терпеть не мог грязь. Синяки, царапины и даже раны совершенно меня не смущали, но, испачкавшись, я пулей нёсся к нянькам, требовал немедленно вымыть меня и переодеть; малейшая заминка вызывала настоящую бурю, я выл, визжал и скандалил — главным образом для того, чтобы отвлечься от мыслей о грязи. С возрастом это не изменилось, разве что я научился обходиться без посторонней помощи, ну и выть, конечно, перестал.

Приведя в порядок одежду, я почувствовал себя много лучше. Стараясь сохранять вид независимый и, насколько позволяли обстоятельства, надменный, я уселся на древнее надгробье. «Кива Мрах, повелитель грибов» — вот что было там написано. Удивительно все же, сколь бессмысленные сведения способна подолгу хранить человеческая память.

— Прежде всего объясни, каков твой личный интерес в этом деле? — спросил я. — Пока я тебя не понимаю. А я не люблю не понимать.

— И этим ты выгодно отличаешься от большинства людей, — подхватил Чиффа. — Собственно, ты сам — и есть мой интерес. Ты сделан из прекрасного материала. Время и окружение не пошли тебе на пользу, но ты ещё достаточно молод, чтобы это исправить. Тебя имеет смысл учить, потому что когда-нибудь, не сомневаюсь, мне будет чему поучиться у тебя. Это главное, а детали можно будет обсудить отдельно.

Такого поворота я не ожидал.

— Чему, интересно, ты собираешься меня учить?

— Всему, что умею, — безмятежно ответил он. — Например, как приманить в удобное тебе место любого, кого пожелаешь, — да хоть самого Короля. Придёт как миленький, не сомневайся. Причём будет думать, что делает это по доброй воле, исполняя собственный каприз.

— Это как ты меня сюда заманил?

— Ну да. Есть ещё великое множество вещей, рассказывать о которых бессмысленно, их надо делать. Но тебе понравится, не сомневайся.

Удивительное дело, но я и не сомневался. Чутьё подсказывало мне, что он не врёт и не хитрит. А я привык доверять в такого рода вопросах собственному инстинкту; в любом случае иных советчиков у меня не было.

Какое-то время мы оба молчали. Я почувствовал себя усталым и сбитым с толку и сам, не дожидаясь напоминаний, снова принялся ритмично дышать. Чиффа поглядел на меня с нескрываемым удивлением. Столь разумного поступка он от меня явно не ожидал.

— Постарайся расслабиться, — наконец сказал он. — Я понимаю, что обстановка не та, да и поза у тебя не самая удобная, но все-таки постарайся. Если ты будешь оставаться в напряжении, пользы от упражнения будет гораздо меньше.

Я попробовал последовать его совету. Не сказать, чтобы успешно, чего-чего, а расслабляться я никогда прежде не умел. Но дополнительный эффект тем не менее почувствовал. Уже потом, много позже, проанализировав и обобщив весь свой опыт, я обнаружил, что поначалу любая практика даётся легко и приносит ошеломительные результаты,

настоящие трудности начинаются потом. Требуются великие усилия, чтобы их преодолеть и достичь результатов, хоть немного сходных с первоначальными. Получается, что первые успехи даются нам словно бы взаймы, чтобы заинтересовать и раззадорить. Более внятных объяснений этого механизма у меня нет. И конечно, о нем лучше бы знать с самого начала, чтобы в дальнейшем избежать ненужных разочарований. Но вернёмся к моей истории.

— Объясни ещё раз, — сказал я, когда дела мои более-менее поправились. — Я все-таки не понимаю, каков твой настоящий интерес? Ну, выучишь ты меня всему, что умеешь, и что дальше? Чего ты от меня потребуешь взамен?

— Только твою жизнь, — он пожал плечами и демонстративно, как мне показалось, зевнул, словно я заставлял его пересказывать азбучные истины. — Постарайся, пожалуйста, не понять меня превратно. Я не попрошу тебя лечь и умереть, когда придёт время. Так просто ты не отделаешься. Мне от тебя нужно гораздо больше. В частности, чтобы ты жил, как тебе подобает, а не бродягой беспутным, как сейчас.

— Но это выгодно мне, а не тебе, — заметил я.

— Выгодно? — Чиффа почти удивился. — Прости, я тебя не понял. Как-то не сообразил, что может быть и такая постановка вопроса. Ладно, давай поговорим о выгоде. Если я скажу, что тебе придётся взять на себя часть моей работы, это будет удовлетворительный ответ?

— Не думаю. Если хотя бы половина того, что о тебе рассказывают, правда, ты и сам неплохо справляешься.

— Пока справляюсь. Но дел с каждым годом становится все больше, это тоже надо учитывать.

— То есть я должен буду на тебя работать? Нет, так не пойдёт. Прислугой я не стану.

— О грешные магистры! — вздохнул Чиффа. — Невозможный ты все-таки человек. Никто не собирается делать из тебя прислугу. Это было бы просто глупо, поскольку ты совершенно не подходишь для такой роли. Работать будешь сам на себя и больше ни на кого. Считай, что мы просто договоримся и поделим заказы. Такая постановка вопроса не кажется тебе оскорбительной?

Я подумал и решил, что, пожалуй, не кажется. У Кеттарийского Охотника была прекрасная репутация. Его боялись, ему завидовали, с ним никто не хотел связываться. Работать с ним уж всяко почётней, чем быть младшим магистром какого-нибудь ордена. Или даже старшим. Да и моя собственная нынешняя участь, как бы я ни пыжился, была куда менее

привлекательной.

— Только не вздумай никому рассказывать, что я твой ученик, — наконец решил я. — Я не для того из ордена уходил. В мои годы у кого-то учиться — стыдно.

— Что действительно стыдно, так это не учиться, и годы тут совершенно ни при чем, — туманно сказал Чиффа. — Впрочем, могу дать тебе честное слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах не назову тебя учеником. Могу даже время от времени прилюдно называть тебя своим учителем, если это сделает тебя счастливым.

— Нет, это не нужно, — отказался я. — Такая ложь унижительна для нас обоих.

— Договорились. Поскольку скоро рассвет и трава понемногу становится мокрой, предлагаю продолжить беседу у меня дома. Окажи мне честь, сэр Рыбник, будь моим гостем.

— Гостем? — уточнил я. — Не пленником?

— Моим пленником ты уже был, — отмахнулся он. — И нам обоим это не слишком понравилось, так незачем повторять.

— Ты надо мной смеёшься?

— Скорее над собой. И над ситуацией в целом. А в тебе нет ничего смешного, к моему величайшему сожалению.

Почему «к сожалению», я так и не понял, но его признание мне понравилось. Быть смешным я совсем не хотел.

— А где твой дом? — спросил я. Просто так спросил, чтобы не молчать. Какая мне разница, что он ответит, если скоро сам все увижу.

— О, вот это хороший вопрос! — обрадовался Чиффа. — Мой дом очень далеко. Бесконечно далеко отсюда. Тем не менее, вход всегда где-нибудь рядом, надо только внимательно глядеть по сторонам. Пойдём, поищем его вместе. И не смотри на меня так, я просто стараюсь быть честным. Не моя вина, что твои скудные познания в магии не позволяют понять, о чем я толкую. Сейчас сам увидишь — ну, вставай же, пошли!

Соблазн убить этого заносчивого кеттарийского шута был велик неописуемо. Но я подумал, что, во-первых, оговорённые два часа и четыре минуты ещё не вышли, а я дал обещание не нападать, пока не истечёт время, теперь это — вопрос чести. К тому же Кеттариец так и не научил меня прятаться от мертвецов. Ещё недавно эти разумные соображения были бы отмечены бурей, в которую я то и дело превращался, но размеренное дыхание сделало своё дело. Вместо того чтобы позволить блаженному бешенству захватить меня целиком, я молча поднялся и последовал за Чиффой.

Мы прошли по узкой кладбищенской аллее и свернули к приземистому строению, распахнутые настежь окна и двери которого уныло поскрипывали на ветру.

— Ещё недавно здесь жил сторож, — сказал мой проводник. — Года полтора назад его растерзали мертвецы, воскрешённые, если мне не изменяет память, старшим магистром ордена Решёток и Зеркал Тханну Вайкари. На кой он это сделал, ума не приложу, толку от его покойников не было никакого, они несколько часов зачем-то слонялись по Левобережью, вяло потрошили местных жителей, а потом сами рассыпались в прах. Вот уж воистину великое деяние, достойное легенд... Сторожу, бедняге, не повезло, зато помещение освободилось. Очень может быть, что теперь здесь живу я. Давай-ка проверим.

Я собирался сказать, что худшей шутки в жизни не слышал, но не успел. Чиффа слегка подтолкнул меня в спину — дескать, давай, заходи, хватит топтаться на пороге. Я чуть было не потерял равновесие, сделал шаг, другой и остановился как вкопанный. Это помещение могло быть чем угодно, но только не сторожкой, в которую мы только что вошли.

Ноги мои утопали в драгоценном ворсе жёлтого кеттарийского ковра. Вокруг один за другим загорались газовые светильники. Обычно их подвешивают или ставят на специальную полку, но эти парили в воздухе, как огромные сияющие насекомые. Стены были такой высоты, что потолок казался чуть ли не небесным сводом; в его центре располагалось небольшое окно, других окон в комнате не было. Не было тут и мебели — вообще ничего, кроме ковров и светильников. Зато имелось множество дверей. Чиффа открыл одну, за ней обнаружилась сравнительно небольшая комната, тоже устланная коврами и обставленная низкими удобными креслами. Несколько светильников тут же влетели в помещение, некоторое время кружили под потолком, потом спустились пониже и засияли ещё ярче. Они вели себя не как предметы обстановки, а как сообразительные домашние зверьки. Такого я никогда прежде не видел.

— Ну вот, пришли, — приветливо сказал Чиффа, — а ты мне не верил. Заходи в гостиную, садись куда хочешь, все кресла удобные. Я вот думаю, надо бы тебя сперва покормить, что скажешь?

Я отрицательно помотал головой. Есть мне не хотелось. Зато снова захотелось спать — особенно после того, как я сел в кресло. Тело моё тут же самовольно расслабилось, оно, в отличие от беспокойного разума, чувствовало себя в этом месте как дома.

— Ну и жильё у тебя, — восхищённо сказал я. — Оно невидимое, да? А сторожка — обман для тех, кто ходит мимо?

— Не совсем так. Сторожка — самая настоящая. Просто я сделал её входом. Почти любую открытую дверь я могу на несколько секунд превратить во вход в мой дом. Это, сам понимаешь, очень удобно... Зря ты, между прочим, от еды отказываешься. На тебе лица нет.

— Сам знаешь, что мне нужна не еда, — огрызнулся я.

— Да, поспать тебе не помешало бы, — легко согласился он.

Вот эта его интонация была много хуже открытого издевательства. Можно подумать, речь шла о сущих пустяках.

— Думаю, я смогу это устроить, — добавил Чиффа. — В смысле, поспишь несколько часов без кошмаров.

Я глядел на него во все глаза. Неужели не врёт?

— Вместо ужина получишь, пожалуй, порцию моей крови...

Я ушам своим не поверил.

— Ты дашь мне свою кровь?

— Ну да. А что тут такого? Конечно, не ведро, а пару глотков, но тебе хватит. Думаю, хватило бы и нескольких капель, но в таком деле лучше перестраховаться.

— И что будет? Я стану сильнее и смогу победить мертвецов?

— Нет, это вряд ли. Зато ты с ними вовсе не встретишься. Если ты напьёшься моей крови, изменится... ох, как бы тебе объяснить? Изменится, скажем так, запах твоего сновидения. Вернее, запах того, кто действует, когда ты спишь. Неважно, главное, что мертвецы тебя не учуют. Даже не заподозрят, что пора выходить на охоту. С их точки зрения, все будет выглядеть так, как будто заснул не ты, а я. А на меня, хвала магистрам, пока никто во сне не охотится. Поэтому никаких кошмаров тебе не светит, гарантирую.

— Это точно? — спросил я.

Больше всего на свете мне хотелось ему верить. Но я никогда не читал и не слышал ни о чем подобном.

— Конечно. Напрасно сомневаешься. Впрочем, я буду рядом и, если что-то вдруг пойдёт не так, тут же тебя разбужу.

Я не стал ни переспрашивать, ни торговаться. Соблазн был слишком велик. Это, выходит, я мало того, что выплусь, а ещё и силу дармовую получу. Кеттариец — могущественный колдун, если судить по тому, что он со мной проделал. И при этом он готов дать мне свою кровь по доброй воле. Вот уж повезло так повезло!

Чиффа явно по-прежнему читал мои мысли, потому что ухмыльнулся и сказал:

— Я, видишь ли, из Кеттари, а у нас там все просто помешаны на

законах гостеприимства. Так что давай, пользуйся случаем.

Меня не покидало ощущение, что он надо мной смеётся, но сейчас это не имело значения.

Чиффа тем временем полоснул по своему запястью ногтем. Надо думать, он был острым как нож, во всяком случае, кровь потекла ручьём.

— Ну, давай же! — он сунул руку мне под нос небрежным, нетерпеливым жестом.

Этот человек явно не имел решительно никакого представления о торжественных ритуалах. Великая мистерия выглядела в его исполнении как работа сельского знахаря. Но выбирать мне не приходилось.

Кровь его, к слову сказать, оказалась на вкус самой обычной. Разве что она не обладала сладковатым привкусом, а это значит, что среди предков Чиффы не было кейифайев⁶ — среди столичных колдунов такие люди редкость, но если принять во внимание его происхождение, все становится на свои места. До графства Шимара Ульвиар Безликий и его соратники, если верить хроникам той эпохи, так и не добрались.

— А теперь спи, — будничным тоном сказал мой благодетель, отнимая руку. — Можно прямо в кресле. Оно само позаботится, чтобы тебе было удобно. Редкая вещь, такие делают в Куманском халифате и, кажется, больше нигде. Пристрастие к роскоши когда-нибудь меня...

На этом месте я закрыл глаза и, хвала магистрам, больше ничего не слышал.

Я до сих пор отчётливо помню все, что мне тогда приснилось, и, вероятно, не забуду никогда. Но не думаю, что имею право об этом рассказывать — все же, строго говоря, это были не совсем мои сны. Я получил их в качестве подарка и могу обсуждать только с законным владельцем. Скажу лишь, что ничего более удивительного мне до той поры не снилось. После — пожалуй. Но мало ли что было после.

Гораздо важнее, впрочем, что я при этом прекрасно отдохнул. Когда наконец открыл глаза, долго не мог поверить, что проснулся, очень уж необычно себя чувствовал. Как в детстве, когда бодрость и радость кажутся нормой, всякий новый день обещает интересные приключения, а слово «проблемы» знакомо только из разговоров взрослых.

Ещё более удивительным было моё спокойствие. Таким спокойным я не был даже после давешних дыхательных упражнений и, надо полагать, вообще никогда. Казалось, ничто не сможет вывести меня из равновесия — при том что ни слабым, ни даже просто вялым, как это иногда бывает спресонок, я себя не чувствовал.

Чиффа сидел напротив и пил что-то из маленькой керамической

кружки.

— Ага, сам проснулся, — обрадовался он. — А я как раз собирался тебя будить. Хочешь камры?

Я кивнул и принял из его рук кувшин.

— Мне очень понравилось спать, напившись твоей крови, спасибо, — сказал я. — Это и есть способ перехитрить мертвецов, о котором ты вчера говорил? Ты будешь каждый день поить меня своей кровью?

— Каждый день? — удивился он. — Ну уж нет. Во-первых, моя щедрость не столь беспредельна, а во-вторых, это не выход. Я не всегда буду рядом, поэтому ты должен научиться обходиться без моей помощи. Да и не к лицу такому могущественному человеку, как ты, всю жизнь прятаться за чужую спину.

Его отказ должен был бы меня огорчить, но мне польстили слова, в которые он был облачён.

— Ты говоришь разумные вещи, — согласился я. — Если так, что я должен делать?

— Изменить собственный вкус и запах, что же ещё? — пожал плечами Чиффа. — Мёртвые магистры охотятся на Безумного Рыбника и совершенно равнодушны ко всем остальным людям, спящим и бодрствующим. Значит, тебе нужно как можно скорее стать кем-нибудь другим. Кем угодно, вернее, кем получится. Такие вещи сам никто не решает — я имею в виду, что никогда заранее не знаешь, во что превратишься в Хумгате, можно лишь быть уверенным, что это наилучший из возможных вариантов.

— Где-где? — переспросил я, не веря собственным ушам.

— В Хумгате, — любезно повторил он. — Неужто знакомое слово? И об этом, оказывается, можно узнать из книг?

Я молча кивнул. Сказать, что его слова меня не обрадовали, — не сказать ничего. Сведения, почерпнутые мною из древних рукописей, в целом невнятные и противоречивые, сходились в одном: там нет ничего, кроме вечности и безумия. Собственно, я думал, что именно там и побывал по милости мёртвых магистров. И вот теперь выясняется, что...

— Э нет. Какие-то ты не те книга читал, судя по тому, как тебя перекосило, — ухмыльнулся Чиффа. — Хумгат — невообразимое место, рассказать о нем словами совершенно невозможно, но это скорее прекрасное, чем ужасающее явление, поверь мне. Я принадлежу к традиции, в которой Хумгат называют Коридором между Мирами, и это более-менее точная характеристика. Никогда такого выражения не слышал? Вижу, что нет.

— Какой ещё «коридор»? Между чем? Что за «миры»? О чем ты вообще толкуешь?

С моей точки зрения, беседа наша зашла в тупик, но бросать её вот так, на полдороге, мне все же не хотелось.

— Ну, видишь ли, Миров, вернее, различных версий реальности, обитаемых и неподходящих для жизни, понятных и неизъяснимых — словом, на любой вкус, бесконечно много. И не нужно кривиться, это хорошая новость, а не катастрофа, поверь мне на слово. Было бы весьма печально знать, что, кроме Мира, где мы родились, нет вообще ничего. Какая унылая картина!

Чиффа замолчал. Глядел на меня с сочувствием, но и с досадой. Думаю, у него совершенно не было настроения читать мне лекции, но и просто сказать: «Заткнись и делай, что велют» — он тоже не хотел.

— Слушай, — сказал он наконец. — Ну вот сам подумай. Если я — просто безумный дурак, который мурыжит тебя бессмысленным враньём, как бы я, интересно, вчера с тобой справился? И, если уж на то пошло, кровь безумного дурака вряд ли дала бы тебе возможность выспаться. И так далее. Когда не знаешь, верить человеку или нет, смотри на его дела. Могущественного колдуна ловить на враньё не имеет смысла, ложь для него — такой же атрибут магии, как, скажем, заклинание. С твоей точки зрения, я все время говорю какие-то невнятные, неправдоподобные и даже пугающие вещи, зато все, что я с тобой проделал, пошло тебе только на пользу. Было бы логично предположить, что и дальше будет в том же духе. Слишком много времени и сил я на тебя потратил, чтобы теперь взять да погубить, не находишь?

— Я и не думаю, что ты собираешься меня погубить. Просто очень не люблю не понимать, — упрямо сказал я.

Чиффа улыбнулся. Это была не привычная уже кривая ухмылка, а очень искренняя, тёплая улыбка. С тех пор как умер отец, никто не смотрел на меня со столь неподдельной симпатией. Это было, мягко говоря, несколько странно.

— Кошмарный ты все-таки тип, Безумный Рыбник. Рехнусь я тобой, пожалуй.

Таким тоном записной гурман говорит: «А сейчас я съем вот этот десерт». И облизывается.

Но облизываться Чиффа все-таки не стал. Спрятал подальше неуместную улыбку, взял серьёзный тон.

— Я бы и рад тебе все объяснить. Но видишь ли, самые важные вещи можно понять только на собственной шкуре. Такую возможность я тебе

предоставлю сразу после завтрака. И не мотай головой, хочешь ты есть или нет, меня не касается. Есть такое слово: «надо». Моя еда будет для тебя так же полезна, как моя кровь. К тому же следующая возможность пожрать будет очень нескоро. И не у тебя.

Я не стал спрашивать у кого, поскольку не был уверен, что ответ мне понравится или хотя бы будет понятен. К тому же у меня было стойкое ощущение, что, если он продолжит говорить о Хумгате, бесчисленных реальностях и превращениях, у меня взорвётся голова.

Кеттариец это, наверное, почувствовал и милосердно сменил тему. Стал многословно рассказывать, какой прекрасный завтрак ждёт нас обоих и как это важно в наше смутное время — всегда иметь под рукой хороший продовольственный запас. Откуда-то — мне показалось, что из рукава, но я не был до конца в этом уверен — извлёк небольшую сковородку и водрузил её на левую ладонь. На кончиках его пальцев вспыхнуло пламя, на сковороде зашипело неведь откуда взявшееся масло. Правой рукой он выудил из-под стола небольшую рыбку, уже безголовую и выпотрошенную. Швырнул добычу на сковороду, пока она жарилась, достал оттуда же, из-под стола, большое блюдо из прозрачного красного стекла, а вслед за ним — ещё одну рыбину.

Я смотрел на него во все глаза. Пламя на кончиках пальцев — дело обычное, я сам такими фокусами в детстве любил развлекаться. Но откуда он брал рыбу? Предположив, что она все утро лежала под столом, я тут же отбросил гипотезу как негодную: я бы непременно учуял запах.

— Откуда рыба? — наконец спросил я.

Меня, конечно, бесила необходимость все время о чем-то его спрашивать, я не привык быть в положении невежды, но любопытство оказалось сильнее гордости.

— Честно? Понятия не имею, откуда эта рыба, — ухмыльнулся Чиффа, выкладывая её на блюдо. — Видишь ли, дела обстоят так: я могу в любой момент добыть то, что мне необходимо, но не проследить, откуда я это беру. Мой учитель был куда более совершенным существом, на твой вопрос он непременно ответил бы примерно так: «Эту рыбу полчаса назад поймала и почистила старуха отшельница по имени Мхгранг, которая живёт на берегу прозрачного зеленого озера, в мире, освещённом лучами четырех маленьких солнц; ближайшая к её дому деревня называется Зейддластдхирр, там селятся скотоводы и заклинатели аистов; три года назад в тех краях было наводнение, но теперь там все в порядке, только старая Мхгранг с досадой оглядывается по сторонам в поисках рыбы, думает, её утащил чей-то беглый младший брат, меч Кройхха ему в

задницу!» Но мне до него пока далеко. Поэтому приходится говорить тебе скучную правду: я не знаю.

— Дырку над тобой в небе, — мрачно сказал я и отодвинул блюдо с рыбой подальше. Хотя пахла она, конечно, соблазнительно.

— Напрасно отказываешься. Нет ничего полезнее, чем еда из иной реальности. Неужели боишься попробовать?

Я как-то не подумал, что моя брезгливость больше похожа на робость. Показать трусом я уж точно не хотел, поэтому пересилил себя и съел кусок этой грешной рыбы. Кажется, никогда в жизни я не ел ничего более вкусного; впрочем, сейчас я понимаю, что дело не в самой рыбе и даже не в кулинарном искусстве моего гостеприимного хозяина, просто действительность в кои-то веки оказалась много лучше моих ожиданий. Неудивительно, что я набросился на угощение, как бешеный пёс. Если я подсчитаю, сколько съел этих рыбин, и назову вам точное число, оно, пожалуй, будет выглядеть наименее правдоподобной частью моего повествования.

Чиффа расторопно снабжал меня добавкой и выглядел чрезвычайно довольным. Наконец заметил:

— О, да ты ни в чем не знаешь меры! Такая цельность натуры заслуживает восхищения.

Эти слова почему-то не показались мне насмешкой. Возможно, я просто уже привык к его манере говорить.

— Ладно, — решил он наконец. — Хватит с тебя, пожалуй. Делом пора заняться.

Это прозвучало столь обыденно, что я с готовностью поднялся из-за стола, даже не вспомнив, сколь угрожающе звучали его смутные речи про Хумгат. Впрочем, теперь я понимаю, что тогдашним спокойствием и бесстрашием я был всецело обязан хорошему завтраку. Впоследствии я не раз убеждался, что пища, которую сведущий колдун добывает из Щели между Мирами, действует не хуже самых забористых колдовских зелий. Сэр Макс — единственный, кому на моей памяти удавалось порой извлекать оттуда совершенно бесполезную и безвкусную дрянь, но это, как я понимаю, случалось с ним только в самом начале обучения, а с новичками ещё и не такое бывает.

Но я опять отвлёкся. Да, я отдаю себе отчёт, что все время сбиваюсь на посторонние темы. Это обычная ошибка неумелого рассказчика, а я к тому же всякий раз вполне сознательно стремлюсь отсрочить момент, когда придётся вспоминать некоторые, особо трудные для пересказа эпизоды. Дело, конечно, не в том, что воспоминания причиняют мне душевную боль

— нет, не причиняют. Это вопрос не чувствительности, а дисциплины сознания, и было бы довольно странно, если бы я стал всерьёз страдать от необходимости воскрешать события, которые случились довольно давно и, строго говоря, не совсем со мной. Просто мне впервые приходится подробно рассказывать о вещах, которые я до сих пор обсуждал лишь с самим собой, а для таких разговоров речь, сами понимаете, не требуется. Таким образом, передо мной стоит наверняка знакомая всем присутствующим проблема перевода с языка внутреннего молчаливого знания на язык слов. Это тяжёлый и неблагодарный труд. Я хочу сказать, что при всем старании передать сокровенную суть самых важных событий мне удаётся весьма скверно, поскольку язык повседневного общения не слишком хорошо для этого приспособлен; к тому же я, как вы могли заметить, довольно неопытный переводчик. Тем не менее я сейчас очень рад, что вы вынудили меня взяться за эту работу. Мне кажется, делая собственную историю чужим достоянием, я не просто воскрешаю её в памяти, но и в некотором роде заново овеещаю. Она, конечно, и так не выдумка, и все же прежде, до слов, ей недоставало подлинности. Я почти уверен, что в результате моих усилий на перилах невообразимого Моста Времени, ходить по которому мне пока ещё ни разу не довелось, одна за другой появляются зримые и осязаемые зарубки — в том месте, которое соответствует тёплому осеннему дню три тысячи сто пятьдесят пятого года эпохи орденов. Было бы неплохо записать все вышесказанное в тетрадь и перечитать какое-то время спустя, когда вдохновение уступит место спокойствию, но не буду больше испытывать ваше терпение.

Я хорошо помню, как мы оба поднялись из-за стола и Чиффа протяжно, с ленцой в голосе, очень по-шимарски говорил о том, что вот, уже скоро полдень, кучу времени потратили на болтовню, а нам ещё придётся куда-то там добираться, а это как минимум час — и все в таком роде. Я слушал его вполуха, но все же понял, что прямо сейчас ничего со мной не случится, потому что сперва надо прийти в какое-то специальное место. И конечно, тут же окончательно расслабился, утратил бдительность, даже когда Чиффа подошёл совсем близко и положил руку мне на плечо, я не придавал значения его прикосновению, решил, это он меня просто подгоняет, подталкивает к двери, потому что я и правда топчусь на месте, не зная, куда теперь. Впрочем, все произошло так быстро, что я вряд ли успел бы отреагировать, даже если бы был настороже. Вот только что он стоял сзади, а теперь — напротив, лицом к лицу, и пальцы его правой руки пронзают мою грудь, как пять великолепных, остро заточенных кинжалов, а мне почему-то совсем не больно, наверное, потому, что я уже мёртв —

или все-таки ещё нет?

Я оцепенел — не столько от неожиданности, сколько от полной абсурдности его поступка, и это, как выяснилось, было к лучшему.

— Стой спокойно, не шевелись, и все будет хорошо, я тебя не убиваю, а наоборот. — Он говорил быстро, сквозь зубы, яростная гримаса искривила лицо до полной неузнаваемости, а пальцы сомкнулись, сжимая моё сердце, — это, конечно же, вовсе не метафора, я всего лишь стараюсь описывать события с максимальной точностью.

— Тебе не больно, и не будет, потому что мне больно вместо тебя, — так же сквозь зубы добавил он, и я только тогда понял, что его перекосило не от ярости, а от боли, действительно.

— После того как я вытолкну тебя в Хумгат, ты останешься один, — скороговоркой продолжил Чиффа. — Скорее всего, тебе станет страшно, но помни, что страх — внутри тебя, он — порождение твоей глупости и твоей тоски по бессмертию, Хумгат тут ни при чем, это не злое место, ничего плохого не может там произойти с человеком, рождённым для странствий между Мирами, а ты рождён именно для них, и неважно, что ты сам понятия не имеешь... Это — раз.

Он зачем-то зажмурился и после короткой паузы продолжил:

— Что бы ни случилось, что бы тебе ни привиделось, как бы ты себя ни чувствовал, твоё дело маленькое — вдыхать и выдыхать, как я тебя вчера научил. Просто расслабься и дыши, твоё дыхание — вопрос жизни и смерти, никогда ещё у тебя не было более важного дела, чем это. Постепенно доведёшь счёт с шести до нескольких дюжин, но не спеши с этим, не мучай себя, пусть твоё тело само решает, как для него лучше. Это у тебя получится очень легко, сам увидишь. Так что просто дыши и наблюдай — за собой, потому что кроме тебя там ничего не будет. И не предпринимай никаких действий, никаких усилий, вообще ничего, кроме дыхания и наблюдения.

И последнее. Когда ты поймёшь, что способен вернуться сюда, ко мне, — немедленно возвращайся. Такое знание всегда приходит вовремя. А теперь я тебя отпускаю, постарайся устоять на ногах, это будет добрым знаком.

Медленно и осторожно он извлёк пальцы из моей груди. Больно по-прежнему не было, только муторно, словно бы вместе с его рукой из меня ушла — не жизнь, конечно, но какая-то очень важная её составляющая, без которой и в живых оставаться тошно, и умереть не получится, потому что...

Я так толком и не успел понять, что происходит. Меня накрыла

влажная, слякотная тьма, но она не была ни сном, ни смертью, во всяком случае, я и во тьме помнил, что меня просили не падать — я и не упал, только потерял способность видеть, слышать и думать, но этого мне вроде бы никто не запрещал.

— Ты не будешь возражать, если я все-таки сяду? — Собственный голос привёл меня в чувство. Звучал он на редкость спокойно и холодно, можно подумать, я просто давал понять хозяину дома, что он недостаточно гостеприимен.

— Конечно садись, — бодро отвечивал Чиффа. — Я, собственно, только хотел уберечь тебя от падения на пол. Синяки и шишки — ладно, а вот твоему самолюбию пришлось бы совсем худо.

Я пожал плечами — нашёл время говорить о пустяках! И уселся на ковёр. Все-таки мутило меня знатно — до сих пор. Сердце ныло от давешнего пожатия. Думаю, на нем остались самые настоящие синяки. Я был слишком слаб и ошеломлён, чтобы разгневаться, но всерьёз собирался посвятить этому занятию всю оставшуюся жизнь. Вот сразу, как только переведу дух.

— Имей в виду, пожалуйста, — мягко сказал Чиффа, — этот фокус, что я с тобой проделал, он был совершенно необходим. Мне требовалось все твоё внимание, без остатка. А ты пока устроен таким образом, что слушаешь по большей части себя самого, а чужие слова пропускаешь — ладно бы мимо ушей, мимо сознания. Я имею в виду, ты слышишь не то, что тебе говорят, а только то, что готов услышать, — как, впрочем, почти все люди. Я знаю только один способ это исправить: когда держишь человека за сердце, забрав себе положенную ему боль, он весь твой. Никого, кроме тебя, не видит и не слышит, ни единого слова не забудет — ни-ко-гда.

Он отчеканил своё «ни-ко-гда» по слогам, словно бы такое произношение было способно придать обычному, в сущности, слову привкус настоящей вечности. Как ни странно, у него это получилось.

Помолчав немного, он добавил:

— Я сделал это второй раз в жизни. И, надеюсь, в последний. Слишком дорогой ценой даётся. Но другого выхода не было.

Только тут до меня, наконец, дошло, что, собственно, случилось.

— Тебе было больно вместо меня? Как будто это тебя живьём за сердце схватили?

— Ну а как ты думаешь? — Он пожал плечами.

— Зачем тогда? Не понимаю.

— Вот и я думаю сейчас: на кой ты мне, собственно, сдался? Но

выходит, сдался, тут уж никуда не денешься, и вообще, сделанного не воротишь, так что говорить тут не о чем. Ты как, оклемался уже? Давай покончим с этим делом. Наговориться потом успеем. Я имею в виду, когда вернёшься. И не смотри на меня так. Ты вернёшься. Не ты первый, не ты последний, а на моей памяти пока не было такого, чтобы кто-то вдруг взял и не вернулся из Хумгата.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Пошли.

— А идти как раз никуда не надо. Я про долгую дорогу болтал только для того, чтобы ты расслабился. Обычное дело, человек всегда расслабляется и теряет бдительность, выяснив, что запланированная неприятность случится не прямо сейчас, а немного попозже. Если бы ты был начеку, я бы тебя так легко не поймал. Мне, видишь ли, никто не заплатил за подраться, а бесплатно я такими вещами заниматься не люблю.

— Бесплатно ты, надо думать, любишь заниматься куда худшими пакостями, — огрызнулся я.

— Совершенно верно. — Чиффа просиял. — Приятно иметь дело с тем, кто тебя понимает! Даже жаль тебя так быстро отпускать. Но придётся. Соберись, сейчас я открою дверь, ты отсюда выйдешь — и да хранят тебя тёмные магистры.

За дверью, вопреки его посулам, был устланный жёлтым ковром холл, через который мы вчера вошли в дом. Я решил, что это очередной дурацкий розыгрыш. Теперь небось всю дорогу будет мне грозить своим загадочным Хумгатом. Дескать, за следующим поворотом — уж непременно. Ах нет? Ну, не беда, значит, за воротами или вон у того моста. Причём совершенно бескорыстно будет издеваться, я имею в виду, не с какой-то целью, как несколько минут назад, а ради собственного удовольствия, просто любит человек играть с огнём, знаю я эту породу.

Я презрительно пожал плечами и переступил порог.

Проще всего было бы сказать, что на меня обрушилась тьма или, напротив, пролился ослепительный свет. И то и другое, конечно, неправда, хотя обе версии в равной мере соответствуют моему самому первому впечатлению, вернее, предчувствию впечатления, которое всегда предваряет сообщения от органов зрения, слуха и прочих чувств, длится кратчайшую долю секунды и, конечно, почти никогда не осознается.

На самом деле для того, кто попал в Хумгат, нет ни света, ни тьмы, ни даже возможности рассуждать о них, равно как нет возможности сказать — пусть даже самому себе — «да» или «нет», ибо всякое «да» и всякое «нет» рассыпаются на бесконечное число разнообразных возможностей, ни одна из которых не исключает все остальные. Присутствующий здесь сэр Макс,

когда мы с ним обсуждали подобные вещи, обычно приходил в радостное возбуждение и начинал кричать, что он всегда был противником так называемой бинарной логики. Что ж, ему виднее, а я не понимаю, как можно быть противником или сторонником идеи, которая лежит в самой основе твоего сознания. Можно лишь переживать моменты, когда эта животворная концепция вдруг изменяется. В такие моменты рушится все, и в первую очередь — ты сам; впрочем, то, что будет потом собрано из осколков, имеет все шансы как-нибудь объяснить себе, что является законным наследником или даже естественным продолжением того, кто только что закончился.

Вообще, конечно, это очень сложная тема. Думаю, лет через сто — при условии, что я проживу их примерно так, как запланировал, — я буду гораздо лучше подготовлен к такому разговору. К счастью, никто из присутствующих не нуждается в моих пояснениях. Скорее уж это вы могли бы дать мне дополнительные сведения о месте или, точнее сказать, состоянии сознания, тела и рассудка, которое в одной более-менее известной мне традиции называют «Хумгат», а в другой — «Коридор между Мирами».

Что же касается меня, попав в Хумгат, я тут же окончательно и бесповоротно обезумел от навалившегося на меня невыразимого ужаса. И в то же время, — помните, что я говорил о бесчисленных возможностях, ни одна из которых не исключает все остальные? — так вот, в то же время, я узнал, что такое подлинное спокойствие. Пока я умирал от страха, какая-то часть моего существа чувствовала себя в этой пустоте как дома и была совершенно счастлива, хотя мне было непросто понять, что это и есть счастье, до сих пор я представлял его себе, мягко говоря, несколько иначе.

Впрочем, вот я говорю по привычке: «я», «мне», а речь-то о том, что никакого «меня» больше не было, мой внутренний голос превратился в нестройный хор, где каждая составляющая тянула свою партию. Прежнее моё безумие по сравнению с этим хаосом могло бы показаться вершиной душевного здоровья и здравого смысла. Единственное, что объединяло этих несносных крикунов, — дикое, немилосердное, как боль, желание выжить и совсем ещё свежее воспоминание о том, как чужие пальцы сжимали сердце, а чужой голос твердил: «Дыши, твоё дыхание — вопрос жизни и смерти, никогда ещё у тебя не было более важного дела, чем это».

Предприняв судорожную попытку и внезапно обнаружив, что дышать здесь вполне возможно, моё тело пришло в неопишуемый восторг; никогда, ни в какое иное занятие я не вкладывал столь самоотверженную страсть, как в те самые первые вдохи и выдохи. Тот осколок меня, который до сих

пор оставался единственным оплотом спокойствия, взял на себя управление процессом; и ритм, и даже счёт оказались ему подвластны, поэтому какое-то — не время, конечно, откуда в Хумгате время, — скажем так, какое-то число вдохов спустя дыхание моё стало ровным и размеренным, мускулы расслабились, и я с изумлением обнаружил, что источник безмерной силы и неопикуемых наслаждений всегда был при мне. Я имею в виду, вообще всегда, по крайней мере, с рождения, хотя в Хумгате мне было совершенно ясно, что начала нет ни у чего и ни у кого, это сейчас я договорился с собой, что буду пока считать момент рождения своего рода точкой отсчёта, потому что подчинить обыденную жизнь концепции вечности невозможно, да и, пожалуй, не нужно. Всему своё время и место. Важно, что мальчик по имени Шурф Лонли-Локли утратил даже те жалкие крохи себя, что оставил ему Безумный Рыбник, который, в свою очередь, исчез, растворился в сияющей тьме моего молчания, так толком и не успев осознать, что случилось. Тем не менее что-то от меня все-таки осталось, это существо пребывало неведомо где и как, посвятило вечность вдохам и выдохам, созерцало видения, куда менее отчётливые и внятные, чем младенческие сны, и посте-л пенно заполняло меня. Именно этому выжившему, спокойному и бесстрастному обломку меня досталось все: моя память, моё могущество и самый главный приз — возможность жить дальше, несмотря ни на что. «Так родилась моя новая личность», — сказал бы я несколькими годами раньше. «Так я подобрал себе идеальную маску, позволяющую выжить в любых обстоятельствах и способную защитить меня от чего угодно, то есть от смерти, от жизни и от себя самого», — говорю я теперь.

Кстати, кто именно говорит — это, конечно, тот ещё вопрос. Но ответ на него, с вашего позволения, я сейчас формулировать не стану.

Личность ли, маска ли, которая возникла в результате моего пребывания в Хумгате, обязана своим рождением упорядоченному ритму дыхания. Неудивительно, что приверженность к порядку и внутренней дисциплине стала для этого существа — ещё недавно я сказал бы «для меня» — не просто надёжным фундаментом, но главным условием выживания. На самом деле это довольно просто объяснить и, надеюсь, понять: уж если вышло так, что тебе приходится нести огромную охапку поленьев, такую, что руками не обхватишь, следует приложить все усилия, чтобы каждое оставалось на своём месте, потому что, уронив одно полено, скорее всего, обрушишь всю гору. Или попробую иначе: «Если хаос — твоя подлинная природа, сосуд, в который он заключён, должен быть совершенным и надёжно закупоренным» — так или примерно так сказал

однажды по сходному поводу человек, который гораздо старше и мудрее меня.

В какой-то момент, как и предсказывал Чиффа, я понял, что могу покинуть Хумгат. Более того, в этот миг вдруг обнаружилось бесчисленное множество выходов. Кто путешествовал через Хумгат, знает: в сущности, это место — что-то вроде станции пересадки, оттуда можно попасть куда угодно, хоть в обитаемую реальность, хоть в смутный чужой сон; впрочем, как минимум двое из присутствующих сами могли бы просветить меня в этом вопросе, вместо того чтобы терпеливо выслушивать невежественный лепет новичка.

Но все эти внезапно открывшиеся возможности были для меня, так сказать, умозрительными. Прежде я бы не раздумывая, очертя голову ринулся в неведомое, а теперь даже вопрос такой передо мной не стоял. Чувство долга, одно из великого множества полезных, но обременительных приобретений, призывало меня вернуться к человеку, которому я был обязан своим рождением, и расплатиться за услугу. Не буду вас обманывать, такое будущее представлялось мне тогда весьма безрадостным, но моё мнение больше не имело значения, во всяком случае, когда оно противоречило выполнению долга.

Моей искренней готовности увидеть Чиффу оказалось достаточно. Миг спустя после того, как решение было принято, вернее, осознано, я оказался в его прихожей, устланной жёлтым кеттарийским ковром. Подивился про себя: какое это, оказывается, удовольствие — чувствовать опору под ногами. Следующим немислимым наслаждением оказалась возможность видеть, обонять и осязать. Жёлтый цвет ковра, шершавая стена, прохлада которой изумительно контрастировала с тёплым воздухом помещения, запах свежей камры и каких-то неизвестных мне заморских специй — все это стало для меня пиршеством столь восхитительным, что я позволил себе несколько секунд промедления, прежде чем постучал в дверь гостиной.

— Шустрый какой! Давай-давай, заходи, — тут же откликнулся хозяин дома. — Ужасно интересно, что с тобой стало.

И я вошёл.

— Очень мило с твоей стороны так быстро вернуться. Я только и успел, что выпить кувшин камры, даже погибать от любопытства ещё не начал, отложил это удовольствие на потом... — Чиффа тараторил без остановки, но я его не столько слушал, сколько разглядывал.

Сложно сказать, что именно так поразило меня — то ли сам Кеттариец, то ли тот факт, что я приобрёл способность видеть, вернее, всем

телом ощущать внутренний ритм всякого живого существа, попавшего в поле моего зрения. В любом случае одно другого стоило. Новый, совершенно никак не соотносящийся с моим прежним опытом способ восприятия — и какой объект для изучения сразу попался мне на глаза!

Немного позже я понял, что от новой способности куда больше страданий, чем наслаждения, — слишком уж часто объекты созерцания оказываются, мягко говоря, недостаточно совершенны, чтобы близкое знакомство с ними стало удовольствием. Но в первый раз мне, конечно, повезло.

Теперь я видел, вернее, ощущал всем телом, что за болтливостью, возбуждением, радушной физиономией гостеприимного хозяина дома и доброжелательной снисходительностью потенциального опекуна нет ни одного из перечисленных качеств. Но и обычного лукавого притворства там тоже не было — за всем этим скрывалось нечто гораздо большее, чем я мог вообразить; точнее, не «большее», а просто совсем иное, количественные категории в данном случае совершенно неуместны.

Я был настолько ошеломлён и сбит с толку, что решил, будто в этом существе нет вообще ничего человеческого. Я имею в виду, ничего такого, что укладывалось бы в рамки моих персональных представлений о человеческом. Конечно, не следует забывать, что я был в ту пору очень молод и неопытен, соответственно, и представления мои, о чем бы ни шла речь, были весьма ограничены. Тем не менее это первое впечатление до сих пор имеет надо мной некоторую власть.

«Существо», с которым мне предстояло иметь дело, было бесконечно спокойным, ритм его дыхания умиротворял, как шум речного течения, но я загривом чувствовал исходящую от него опасность. Невозможно было находиться рядом с Кеттарийцем и не понимать, что его природа — природа хищника. Впрочем, этот хищник не был озабочен поисками добычи, в нем не было ни алчности, ни беспокойства, ни злости; строго говоря, он вообще ничем не был озабочен, зато испытывал ко всему — происходящему и не случившемуся, вероятному и несбыточному, настоящему, прошлому, будущему, вообще ко всему — холодный, но вполне деятельный интерес. Я, помню, подумал, что он вполне мог бы разобрать Мир на части только для того, чтобы понять, как тут все устроено, а потом аккуратно собрать — при условии, что у него не появится более интересного занятия.

— Я почему-то был уверен, что ты на дюжину дней там застрянешь, — тем временем говорил Чиффа, — а то и вовсе на пару лет, в таких вопросах никогда заранее не знаешь, а ты — оп! — и готово. А тебе-

то самому как показалось? Долго ты там был?

— Всегда, — ответил я. Немного подумал и добавил: — К сожалению, ответить на ваш вопрос более точно я не могу, поскольку мне показалось, что такой категории, как время, в Хумгате вовсе не существует.

— Правильно показалось. А с какого перепугу ты ко мне на «вы» обращаешься? Поначалу говорил «ты», насколько я помню. И я вроде не возражал. Что случилось-то?

— Местоимение «ты» уместно, когда полагаешь, будто обращаешься к младшему или равному, — объяснил я. — Совокупность ваших личных качеств, поступков и слов не оставляет мне возможности и дальше заблуждаться на сей счёт. Поэтому обращение «вы» кажется мне более уместным.

Он почему-то обрадовался, вернее, сделал вид, что обрадовался, мне-то было совершенно очевидно, что никаких эмоций это существо по-прежнему не испытывает.

— Как и следовало ожидать, из тебя получилось настоящее чудовище. Как же это прекрасно, сэр Шурф! Нет, правда, лучше не придумай.

Я не понимал, зачем он шутит, кривляется и вообще ведёт себя как вполне обычный человек, возбуждённый удачным завершением трудного дела. Некоторое время я молча это обдумывал и наконец решился сказать:

— При мне не обязательно притворяться. Я вижу, как все обстоит на самом деле.

— А я вижу, что ты видишь, — Чиффа снова зачем-то улыбался до ушей. — Все видишь, но почти ничего пока не понимаешь. Не беда, понимание дело наживное. Понимания вне опыта вообще не бывает, вне опыта возможна только пустая болтовня. А пока просто поверь мне на слово: я не притворяюсь. По крайней мере, не ломаю комедию, чтобы обмануть тебя и всех остальных. Просто мне очень нравится казаться тем, чем я уже давно перестал быть или вовсе никогда не был, я фиглярствую исключительно ради собственного удовольствия. И так хорошо выходит, что сам себе верю — почти всегда.

Я начал было анализировать услышанное, но быстро зашёл в тупик и решил отложить размышления на потом, поскольку его тезис «понимания вне опыта не бывает» показался мне чрезвычайно разумным. К тому же был у меня как минимум один вопрос, с которым не следовало тянуть.

— Можно поговорить с вами о деле?

— Нужно, — очень выразительно сказал он.

— Теперь я должен расплатиться. Я не знаю, что именно вы со мной проделали, но что-то очень важное. И, не сомневаюсь, чрезвычайно

полезное. Назовите вашу цену.

— А цену я уже называл. Помнишь, я сказал, что мне нужна твоя жизнь? Так оно и есть.

Интересно, подумал я, что, ну что он — оно — это — собирается делать с моей жизнью? Ясно, что не съест, с едой так не возятся, даже очень хорошие повара. И сапоги свои он наверняка чистит самостоятельно, не из любви к физическому труду, конечно, а просто потому, что твёрдо знает: никто никогда ничего не сделает лучше, чем он сам. Ну и зачем ему я, при таком-то раскладе?

После эффектной паузы Кеттариец продолжил: — Я уже объяснял, да ты невнимательно слушал. Ладно, давай ещё раз, с самого начала. Во-первых, я, конечно, не собираюсь делать тебя чем-то вроде слуги или послушника, как там у вас в орденах принято. Мне не нужны слуги, да и ты слеплен из другого теста, что, собственно, к лучшему. Просто теперь будешь жить не так, как сочтёшь нужным сам, а так, как сочту нужным я. Строго говоря, тебе повезло, потому что я дурного не присоветую. И — хорошая новость! — я не претендую на всю твою жизнь без остатка. У тебя неплохие шансы протянуть как минимум пару тысяч лет, если, конечно, не погибнешь послезавтра же в какой-нибудь дурацкой драке, но от этого вообще никто не застрахован, даже я. Не смотри на меня так, да, я тоже не застрахован, а как ты думал? Уверенность в собственной неуязвимости — не та роскошь, которую может позволить себе разумный человек, сколь бы велико ни было его могущество. Ясно тебе?

Я не знал, что и думать. Для меня было совершенно очевидно, что я имею дело с бессмертным, а он зачем-то прикидывался уязвимым существом. Это, выходит, он перед самим собой притворяется, чтобы не расслабляться? Интересные дела, подумал я. Интересные дела.

Надо сказать, новый способ мыслить, не позволяя чувствам туманить разум, очень мне понравился. Исключительно благородная разновидность наслаждения — вне зависимости от результата. Я хочу сказать, что, даже если не получается решить поставленную задачу, удовольствие от процесса отчасти компенсирует неудачу.

— Давай условимся так, — тем временем говорил Чиффа. — Обычный человек живёт в среднем триста лет. Вот пока тебе не исполнится триста, наш договор остаётся в силе. А потом живи как знаешь. Надеюсь, за это время я успею кое-чему тебя научить. Мой наставник возился со мной подольше, ну да ты, похоже, способный, должен все схватывать на лету.

— А вы?... — начал было я, но прикусил язык.

— О, я — это был очень тяжёлый случай. Очень. Но, как видишь, не

безнадёжный, — рассмеялся он. — Слушай, сэр Шурф, ты все-таки прекращай смотреть на меня, как на живое божество. Теоретически ты даже знать бы не должен, что это такое. Идея божества совершенно чужда сознанию, сформированному культурой поздней эпохи орденов. И хвала магистрам.

— Почему это — не должен знать?

Меня заставила возразить любовь к точности, а вовсе не желание блеснуть эрудицией, хотя знать больше, чем положено среднестатистическому представителю твоего поколения, и демонстрировать это при случае подходящему собеседнику, конечно же, чрезвычайно приятно.

— «Божество», — сказал я, — знакомый мне термин. И осмелюсь предположить, что понятный, по крайней мере, отчасти. Я читал кое-что о культе Мёртвого Бога в Арварохе⁷. Давно, ещё в детстве. Идея о наличии сверхмогущественного существа, которое по какой-то причине заинтересовано в контактах с людьми, показалась мне маловероятной, но впечатляющей. Я и потом, повзрослев, много об этом думал. И, по правде говоря, именно в нечто подобное я рассчитывал превратиться, осушив орденские аквариумы. Но получилось совсем иначе.

— Оно, поверь мне, к лучшему, — вздохнул Кеттариец. — И заруби на носу раз и навсегда: я тоже не божество. Удивительное совпадение, не правда ли? Я, что бы ты об этом ни думал, родился когда-то у обычной живой женщины, которая делила кров и постель с беспутным охотником на горных лисиц. А ты имеешь удовольствие наблюдать результат долгих и — это очень важно — радостных усилий. Меня изменила Истинная магия, и тебя изменит, будь покоен, она на всех действует примерно одинаково... Ну а теперь-то ты чего на меня так уставился? Хочешь сказать, впервые слышишь такое словосочетание? Неужели даже в книжках об Истинной магии не читал? Странно, это не та тайна, из которой хоть когда-нибудь делали секрет.

— Читал конечно. И слышал не раз. Проблема в том, что сведения, которыми я обладаю, крайне противоречивы. У нас в ордене вообще считалось, что так называемая Истинная магия — придворная выдумка эпохи Короля Мёнина. Дескать, надо было как-то объяснять народу эксцентричные выходки молодого монарха и тогда пустили слух, будто он занимается каким-то хитроумным, никому больше не доступным колдовством, от которого у практикующего временно мутится разум, а мир вокруг него превращается в хаос.

— Вот, кстати, именно этой версии я не слышал никогда, — оживился

мой собеседник. — До чего только не додумаются люди, когда берутся рассуждать о том, чего не знают! Ну-ка, ну-ка, а что ты ещё слышал об Истинной магии? За байки буду платить камрой и едой, соглашайся, мой тебе совет.

— Спасибо, от еды не откажусь, но рассказывать мне толком нечего. Разве вот, я читал в одной книге, названия и автора которой не знаю, поскольку у неё была оторвана обложка, будто некоторые безумные маги древности высокомерно отказывались использовать для колдовства силу Сердца Мира, ограничивались собственными внутренними ресурсами, соответственно, очень быстро истощались и умирали молодыми... Это действительно настолько смешно?

Чиффа ржал так, что посуда на столе плясала.

— Да, действительно очень смешно, — успокоившись, сказал он. — Извини. Собственно, я смеюсь не над тобой, а над автором труда, который ты столь любезно цитируешь. С тебя-то какой спрос, читал, что под руку подвернулось. Ладно, если звуки смеха тебе теперь ненавистны, буду вести себя более сдержанно.

— Да нет, вовсе не ненавистны. Просто я так и не понял, что тут смешного.

— А вот что. На самом деле сила практикующего Истинную магию не истощается, а, напротив, возрастает с каждым днём. Интересно все-таки, кто был автором этой твоей книжицы? Просто невежественный дурак, или сбрендивший адепт Истинной магии из начинающих решил схитрить, отпугнуть любопытствующих и сохранить тайну, которая, честно говоря, распрекрасно сама себя бережёт, без посторонней помощи, поскольку людей, способных к Истинной магии, раз, два и обчёлся... Ну хорошо, не «раз, два», а раз, два, три, четыре, пять, ладно, пусть даже пять дюжин на все Соединённое Королевство — считай, почти никого. Причём, что забавно, основы-то может освоить практически каждый, а вот дальше способны идти только единицы. Хумгат далеко не всякого принимает. Впрочем, неважно. Лучше рассказывай, что ещё ты знаешь.

Мне не хотелось продолжать. И так ясно, к чему он ведёт. В финале будет сделан следующий вывод: все, что я до сих пор слышал и читал об Истинной магии, не соответствует действительности. Вероятно, так оно и есть. Ну и зачем тратить время на пересказ недостоверных сведений? Поэтому я пожал плечами.

— В сущности, больше ничего интересного. Я бы предпочёл послушать, что скажете вы.

— Ну вот, посмотрите на него, каков хитрец! Еду получил, а

развлекать меня отказывается, — ухмыльнулся Кеттариец.

Но я, конечно, понял, что ему вовсе не жаль еды, просто такая у человека манера выражаться.

— Кардинальное отличие Истинной магии от традиционной, изучению которой ты посвятил свою жизнь, состоит вот в чем, — охотно принялся объяснять он. — Угуландская Очевидная магия — грубое насилие над реальностью, тогда как Истинная магия — исполнение её тайных, невысказанных желаний. И вот ещё что. В этой твоей безымянной книжице было как минимум одно высказывание, вполне соответствующее реальному положению дел. Практикующий Истинную магию действительно не использует силу Сердца Мира. Мы черпаем её из иного источника, вернее — отовсюду. Этой силой пронизано все существующее — заметь, не только живое, вернее, не только то, что мы привыкли считать живым. И вот восхитительный парадокс: чем больше её берёшь, тем больше становится, а когда не берёшь вовсе — плохо дело. Город, где никто никогда не практиковал Истинную магию, — унылое место. Но таких, хвала магистрам, почти нет. Везде что-нибудь да происходит, хоть изредка, да находятся умельцы. Некоторые мои коллеги, охочие до добрых дел, время от времени совершают путешествия, своего рода паломничества по разным городам Мира, специально, чтобы немного поколдовать, это все равно что распахнуть окно, впустить в дом свежий ветер. Я бы и сам с удовольствием проводил время таким образом, да занят пока... Думаю, кстати, тебе должно очень понравиться, что нам вовсе не обязательно безвылазно сидеть в Ехо. Можно с равным успехом колдовать здесь, в Кеттари, в графстве Хотта, в Куманском халифате, да хоть в Арварохе!

— Да, звучит привлекательно, — согласился я.

Теоретически я бы должен был от радости на потолке плясать: подумать только, самые смелые мои мечты вдруг начали осуществляться. Сперва мне посулили почти бесконечно долгую жизнь, теперь обещают доступ к неограниченному могуществу и причастность к увлекательным тайнам. Но я лишь вполне равнодушно отметил сей факт, а потом задумался над вопросом: исполнение заветного желания после того, как оно утратило остроту и актуальность, — что это, мой частный случай или некое общее правило, которое следует запомнить и взять на вооружение?

— Забавно вот что, — продолжал тем временем Чиффа. — Многие нынешние колдуны знакомы с азами Истинной магии; при этом они редко понимают, что именно делают. Вот, скажем, искусство Тёмного Пути изначально было первым из большого комплекса упражнений, постепенно подготавливающих новичка к путешествию через Хумгат, а теперь

считается совершенно самодостаточным действием, причём чуть ли не венцом магического искусства. Большинство колдунов, обученных практике Тёмного Пути, даже не подозревают, что таким образом приобщились к Истинной магии, в существование и тем более в пользу которой приучены не верить... Смешно, действительно. Кстати, а вас в ордене не учили ходить Тёмным Путём? Я помотал головой.

— Увы, нет. Наш Великий Магистр почему-то полагал, будто регулярное использование Тёмного Пути наносит вред здоровью. Почти одновременно со мной в орден поступил мальчик, мой ровесник, который каким-то образом этому научился — ещё дома, я имею в виду. Кто-то из взрослых показал, вероятно; впрочем, я его не расспрашивал. Так вот, я-то думал, этого умника теперь будут хвалить и ставить всем в пример, он, надо понимать, и сам так думал, но когда все открылось, с ним проводили беседы, уговаривали не тратить время и силы на эту практику, ещё и заставили принести клятву, что не станет учить остальных. Я, собственно, почему запомнил эту историю — сам хотел у него научиться, но из этого так ничего и не вышло, все-таки серьёзная клятва, из тех, что захочешь — не нарушишь. Меня это, помню, взбесило: все прекрасно знали, что adeпты многих других орденов умеют прокладывать Тёмный Путь и ничего им не делается, кроме пользы и удовольствия. Впрочем, я увлёкся.

— Ничего, мне интересно. Я же практически ничего не знаю о том, как и чему обучают людей в орденах. С наставниками тебе, конечно, не слишком повезло; с другой стороны, ты бы все равно нигде не получил нужных знаний и соответствующей подготовки. С тех пор как Маба распустил орден Часов Попятного Бремения, а Хонна — орден Потаённой Травы, вообще никого путного не осталось.

— А орден Водяной Вороны? — осторожно спросил я.

— А что орден Водяной Вороны? Лойсо, конечно, гений. И собрал вокруг себя почти исключительно гениев. А толку-то? Лойсо — баловень Сердца Мира, как все выпускники Высокой школы Холоми; впрочем, из этой блестящей компании он — лучший. Неудивительно, что ему до Истинной магии никакого дела не было, пока пару дюжин лет назад до него вдруг не дошло, что Сердце Мира не вечно, а сам Мир — не единственное обитаемое место во Вселенной. Вот тогда Лойсо всполошился и начал всерьёз изучать Истинную магию, причём самостоятельно, без наставника, а это усложняет дело, будь ты хоть дюжину раз гений.

Я впервые слышал, чтобы кто-то вот так запросто, без страха, почтения и ненависти, а с симпатией и даже сочувствием говорил о Великом Магистре ордена Водяной Вороны, который был в ту пору

настоящим кошмаром для столичных колдунов, в точности как я сам для местных лавочников и трактирщиков. И это тоже было — не то чтобы удивительно, но интересно. Очень интересно, с чего бы оно так. Но расспрашивать я не стал.

— Я мог бы рассказывать тебе об Истинной магии сутки напролёт, — сказал Кеттариец. — Причём с удовольствием. Поговорить я, как ты уже заметил, люблю. Но это совершенно бессмысленно. Все, что тебе следует знать, — у тебя есть изрядные способности к этому восхитительному ремеслу. Повезло, что тут ещё скажешь. А все остальное будешь узнавать по ходу дела. Хотя поначалу тебе, возможно, покажется, что я уделяю слишком мало внимания твоему обучению и слишком много — текущей работе. В сущности, именно так оно, скорее всего, и будет, но тут уж ничего не попишешь — такие времена.

— А что за работа? — спросил я.

— Не прикидывайся. Прекрасно ты знаешь, что у меня за работа. Охочусь за головами одних рехнувшихся колдунов по просьбе других рехнувшихся колдунов, на которых, хвала магистрам, рано или поздно находится свой заказчик, очередной рехнувшийся колдун. Впрочем, вменяемые тоже попадают. Но редко. Их я стараюсь по возможности беречь.

Уж не знаю, что я ожидал услышать. Но был разочарован.

— То есть вы действительно просто наёмный убийца? Я имею в виду, за этим больше ничего не стоит?

— Почему же не стоит, — ухмыльнулся он. — Ещё как стоит. И лежит. И висит, причём на волоске висит, по правде говоря.

— Не понимаю, — сказал я твёрдо.

— Да, я помню, ты не любишь не понимать. И что мне с тобой, таким замечательным, делать?

Кеттариец умолк и довольно долго о чем-то размышлял. Наконец снова заговорил:

— Я, честно говоря, не собирался с самого начааа перекладывать на твои плечи такую тяжесть. С другой стороны, почему бы и нет. Плечи у тебя, хвала магистрам, крепкие. Особенно теперь. И вообще, не факт, что эта ноша покажется тебе тяжёлой. Все люди разные.

Он достал из кармана курительную трубку и принялся набивать её табаком. Но пауза, вопреки моим опасениям, была недолгой.

— Этот Мир, видишь ли, рушится, сэр Шурф. И скорее всего, вскорости рухнет. Но небольшие шансы предотвратить катастрофу пока есть... Кстати, вот что. Если ты не станешь притворяться, будто думаешь,

что я тебя обманываю, мы оба сэкономим кучу времени и сил. Но если ты все-таки очень не хочешь мне верить, ни в чем себе не отказывай. Я переживу.

— Да нет, почему же. Я знаю, вы меня не обманываете, — сказал я, потому что всем телом — сердцем, кожей, макушкой и позвоночником — ощутил его серьезность и печаль. — И вряд ли просто повторяете чужие слова.

— Ну уж — чужие слова! В столь важных делах я не верю никому. Только себе. А конец Мира я видел собственными глазами.

Сделав столь ошеломляющее признание, Чиффа принялся возиться с трубкой. То ли табак у него и правда отсырел, то ли он просто давал мне время обработать информацию. Но я только и сумел спросить:

— Как это может быть?

— А вот так. Прошёлся по Мосту Времени, полюбовался и вернулся домой, даже к обеду, помню, не опоздал. Ослепительное зрелище. Ничего более прекрасного, чем конец этого Мира, я в жизни своей не видел. Но это тот редкий случай, когда красота события — недостаточно веская причина, чтобы позволить ему случиться... Да, я понимаю, у тебя куча вопросов, один другого сложнее. С твоего позволения, я пока не стану на них отвечать, даже выслушивать их не стану. Важно вот что: будущее пластично. Прошое, впрочем, тоже, но к этой теме мы с тобой вернёмся когда-нибудь потом. Сейчас нас интересует будущее, и у меня есть одна хорошая новость: неизбежности не существует. Всегда есть великое множество вариантов. Я видел наиболее вероятную, но не единственно возможную картину. Поэтому пока имеет смысл что-то делать.

Мы оба умолкли. Кеттариец курил свою трубку, а я пытался осознать услышанное. Теоретически новость должна была меня ошеломить. Не огорчить, не испугать, а именно огорошить, превратить в безмолвный, недвижимый столб, лишить на время способности рассуждать, но этого не произошло. Я только отметил про себя, что мне сейчас, по идее, положено испытать глубочайшее потрясение, а потом — прийти в себя и сообразить, что мне же теперь, в случае чего, есть куда удрать. Я ведь уже был в Хумгате и наверняка смогу оказаться там снова, если понадобится, выбрать любую прекрасную чужую реальность и позволить ей захватить меня целиком, а значит, избежать всеобщей прискорбной участи — именно то, чего я всю жизнь хотел! Тут мне полагалось бы возликовать. Но и этого не случилось. Пришлось довольствоваться составлением списка эмоций, подходящих в данной ситуации, сами они так меня и не посетили, хотя я добросовестно старался почувствовать хоть что-то, пока не понял, что это

безнадёжное дело. Лучше уж воспользоваться возможностью здраво рассуждать, которая, хвала магистрам, в кои-то веки была при мне.

— Вообще-то, — наконец сказал я, — мы говорили всего лишь о вашей работе. При чем тут грядущая гибель Мира и пластичность будущего? Какая связь?

— Хороший вопрос. На него я как раз готов ответить. Мир наш, видишь ли, рушится вовсе не потому, что ему уже пора заканчиваться. Не пора, я точно знаю. Он у нас совсем молодой. Просто слишком много народу занимается в последнее время так называемой Очевидной, то есть традиционной угуландской магией — той самой, которой тебя и всех остальных обучали с детства, сперва дома, потом в ордене. Все эти ваши фокусы вконец истощили Сердце Мира. Источник силы, который принято считать неисчерпаемым, на самом деле уже почти иссяк. Ещё немного — и привет. При этом, как ты понимаешь, никто добровольно не откажется от возможности колдовать в своё удовольствие. В скорый конец Мира мало кто верит, а некоторые, вроде того же Лойсо, очень даже верят, но при этом спят и видят, как бы его приблизить. Нуфлин Мони Мах из Семилистника — единственный Великий Магистр, который не только знает истинное положение дел, но и страстно желает предотвратить катастрофу. Собственно, именно это они с Королём и намерены сделать, когда одержат победу в войне с орденами: запретить Очевидную магию, пока не поздно. То есть им кажется, что ещё долго не будет поздно, а я не спешу их пугать. Это, честно говоря, тоже изрядное безрассудство — воевать, во время войны колдуют гораздо активней, чем в мирное время, и вреда от неё, соответственно, выходит больше, чем пользы. Поэтому я действую иначе. Убиваю особо опасных магистров поодиночке, стараюсь застать врасплох, обычно это мне удаётся — в таких случаях обходится почти без ворожбы. Честно говоря, я бы предпочёл просто погрузить всех на корабли и отправить куда-нибудь в Арварох, подальше от Сердца Мира, но это утопия. Несколько дюжин ловких охотников вроде меня могли бы давным-давно покончить с этой грешной войной. Но нескольких дюжин нет, я один. Теперь нас будет двое. Я очень на тебя рассчитываю.

— Вы намерены убить всех столичных колдунов? — недоверчиво переспросил я. — Ну вот, а в городе говорят, что вы работаете только за очень большие деньги, бесплатно палец о палец не ударите... Но на это уйдёт очень много времени. Целое столетие, да и то если убивать по несколько человек в день, не давая себе передышки.

— Ну, знаешь, я надеюсь, что всех убивать все-таки не понадобится, — Чиффа пожал плечами. — Только самых могущественных

и строптивых. А остальных и правда можно будет куда-нибудь отослать, после того как Его Величество и Нуфлин выиграют свою дурацкую войну, если, конечно, все не закончится раньше.

И пока я обдумывал услышанное, добавил:

— А бесплатно я, конечно же, работаю. Но, честно говоря, очень редко. Как ты понимаешь, к тому моменту, как человек начинает представлять собой реальную опасность, он успевает нажить великое множество врагов и заслужить определённую репутацию, так что смерти ему желают многие, а связываться нет охотников. И поскольку я как раз большой охотник связываться, почему бы не брать за это деньги с других заинтересованных лиц?

— Но зачем нужны деньги, если Мир скоро рухнет?

Моё недоумение было совершенно искренним. Существо, сидевшее передо мной, определённо не могло нуждаться в деньгах. Тем более накануне конца Мира. Какие могут быть деньги, что за бред?!

— А вдруг все-таки не рухнет? — ухмыльнулся Чиффа. — Вот прикинь, Мир все-таки уцелел, жизнь продолжается, все танцуют, а мы с тобой, красивые и благородные, стоим посреди этого праздника с голыми задницами, как распоследние дураки. Нет уж, пусть деньги будут. Лежат в сундуке, никого не трогают, и, если что, никто не заставит меня волочь их с собой в Хумгат. Какие проблемы?

Я пожал плечами. Если человеку нравится прикидываться скрягой — пусть его, ладно. Знавал я людей, которым доставляли удовольствие и куда более дикие выходки. К тому же у меня был один по-настоящему серьёзный вопрос.

— Вы очень не хотите, чтобы Мир рухнул, я правильно понял?

Он очень серьёзно кивнул. Дескать, ещё бы.

— Но почему? — спросил я. — По идее, вам должно быть все равно. Вам же не обязательно пропадать вместе со всеми.

— Совершенно верно, не обязательно. Ну и что с того? Я, конечно, центр собственной вселенной, но это не мешает мне понимать, что кроме моей драгоценной задницы у вселенной есть ещё великое множество центров и других прекрасных вещей, которые не становятся менее прекрасными только потому, что я могу без них обойтись.

Я, надо сказать, изрядно удивился. Прежде я никогда не смотрел на жизнь с такой точки зрения. Идея, что какие-то вещи могут быть прекрасны вне зависимости от того, нужны они лично мне или нет, казалась почти революционной.

— Этот Мир слишком хорош, чтобы вот так взять и исчезнуть, —

говорил меж тем Кеттариец. — Ты, к слову, пока вообще не имеешь представления о предмете разговора. Небось, кроме Ехо и окрестностей, ничего не видел — ни огненных небес над Красной пустыней Хмиро, ни бродячих садов Умпона, ни даже радуг Муримаха, хотя уж он-то совсем рядом.

— Не видел, — согласился я.

— Ну вот ещё одна веская причина сохранить Мир: сэр Шурф Лонли-Локли пока не соизволил осмотреть достопримечательности!

Теперь Чиффа кривлялся, как будто мы беседовали о сущих пустяках. И вдруг снова стал предельно серьёзным.

— Это ещё и принципиальный момент, — сказал он. — Существование само по себе — благо. Если есть хотя бы намёк на возможность сохранить существующее, надо попробовать это сделать. Если бы в небытии скрывался некий высокий, тайный смысл, ничего бы и не было. Но все наоборот: жизнь цепляется за всякий шанс осуществиться, все живое страстно желает длиться — во что бы то ни стало, любой ценой. Я видел, как плотная, осязаемая, живая реальность рождается из последнего сна умирающего, потому что существовать всего несколько часов, пока жив создатель, — лучше, чем не существовать вовсе. Помочь ей, кстати, оказалось несложно, в таких случаях можно просто найти сновидца, исцелить его и продлить его дни; мой учитель сделал это, а я ему немножко помог, — и знал бы ты, как ликовала та земля! Ни одно известное мне наслаждение не сравнится с пребыванием в ликующей реальности; впрочем, долго это выдержать невозможно, мы едва ноги унесли... А наш Мир очень не хочет рушиться, сэр Шурф, — в точности как ты сам не хотел умирать, помнишь? Я всегда ощущаю его страх и смутную надежду, ни дать ни взять больной, от которого отказались все столичные знахари, но родственники уже везут из глухой деревни дряхлую лесную колдунью, она готова попробовать, хотя твёрдо ничего не обещает. Считай, я что-то вроде этой старухи — не самый мудрый, не самый умелый, не самый могущественный колдун этого Мира, но все же кое-что смыслю и, самое главное, готов попробовать... Слушай, по-моему, я тебя совсем заболтал. Тебе надо отдохнуть.

Я не стал возражать. На меня вдруг навалилась усталость столь чудовищная, что даже разговоры о грядущем конце Мира стали казаться всего лишь досадным поводом растянуть и без того долгую беседу до бесконечной.

— Комната для гостей на втором этаже, можешь прихватить с собой вот этот кувшин с камрой и блюдо с пирогом, я не пропаду, добуду ещё что-

нибудь.

— Спасибо, ничего не нужно, — сказал я. — Лягу спать прямо сейчас, не откладывая. Устал. К тому же...

— Конечно, ты должен убедиться, что мёртвые магистры тебя не узнают. Только после этого ты сможешь наконец расслабиться и вволю щебетать со мной о всяких милых пустяках вроде конца света. Я-то за тебя спокоен, твоё сердце, мысли и сны теперь пахнут совершенно иначе. Но мало ли что я говорю, мои слова — это всего лишь слова.

Конечно, он был прав.

Вместо кошмаров мне приснилось море, которого я ещё никогда не видел наяву. С тех пор море снилось мне очень часто, и одно это, надо сказать, могло бы стать мне великим утешением, если бы я нуждался в утешениях.

Но я, конечно, не нуждался. Одно из множества бесспорных преимуществ моей — тогда новой, а теперь уже почти завершившей своё существование — личности состоит в том, что утешениями её не проймёшь. И вообще почти ничем.

Когда я проснулся и принялся вспоминать вчерашний разговор, новость о грядущем конце Мира по-прежнему казалась мне скорее чрезвычайно интересной, чем трагической. Я лежал и думал, что хотел бы сам перейти Мост Времени и увидеть, как это будет, а если все-таки Мир уцелеет, тем более надо пойти и увидеть его конец. Чиффа говорил, что ужасней прогулки по Мосту Времени ничего быть не может, и это тоже очень, очень интересно. Теперь моя жажда нового опыта и знаний была похожа на телесный голод. Терпеть можно почти бесконечно долго, не вопрос, но всякий кусок в чужой тарелке кажется предельно соблазнительным, хоть и знаешь, что он тебя не насытит.

Я понял, что это очень точное сравнение, и тут же почувствовал, что хочу его записать. Внимательно огляделся, но письменных приборов в спальне не нашёл. Поэтому оделся и отправился вниз в надежде, что хозяин дома окажется на месте и поможет мне решить эту проблему.

Чиффу я встретил на пороге гостиной. Он выслушал мою просьбу и пришёл в восторг.

— Проспать почти трое суток, а проснувшись, тут же потребовать письменные принадлежности — это да, отличный ход! Спасибо, сэр Шурф, ты сделал мою жизнь куда более интересной и увлекательной, хотя мне и прежде было не на что жаловаться. Неужели сны собираешься записывать? Эк тебя проняло!

— Нет, — ответил я, — не сны. Уже после пробуждения в голову

пришло одно очень точное сравнение. Честно говоря, не думаю, что оно мне в ближайшее время пригодится для дела, поэтому позволять ему все время крутиться в голове я не хочу. С другой стороны, забывать столь удачную формулировку было бы расточительством. Записать — наилучший выход.

— Тебе виднее, — неожиданно серьёзно согласился Чиффа. — Только видишь, какое дело, самопишущих табличек у меня в доме нет. Давно не были нужны, я и не покупал. Зато один приятель оставил где-то тут свою тетрадь. И забирать, как я понимаю, не собирается, почти год уже прошёл, была бы нужна, давно бы вспомнил... Где-то я её недавно видел. Ага, вот.

Тетрадь в полосатом матерчатом переплёте он извлёк из-под кресла, вместе с немойтой кружкой и красным тряпичным лисом, такие игрушки мастерят своим детям фермеры. Я удивился, но сказал себе, что от беспорядка в доме, вероятно, тоже можно получать особого рода удовольствие, просто я пока не способен это понять.

Несколько страниц тетради были исписаны цифрами. Вероятно, предыдущий владелец заносил в неё свои расходы или, напротив, подсчитывал прибыль; в любом случае речь, судя по всему, шла об очень мелких суммах — если, конечно, я правильно истолковал смысл записей. К счастью, чистых страниц было предостаточно, к тому же обнаружился карандаш, вложенный в тетрадь вместо закладки. Я никогда прежде не писал на бумаге, но не раз на ней рисовал — в раннем детстве, пока не выучился раскрашивать взглядом стены, после чего рисунки в тетрадях были, конечно, забыты. Ну, по крайней мере, я немного умел обращаться с бумагой и карандашом, это облегчило мне задачу. Почерк мой поначалу был ужасен, писал я очень медленно, но дело все-таки шло. А записав наконец свои давешние умозаключения, я испытал облегчение, которое сродни счастью.

— Забирай тетрадь себе, — сказал Чиффа. — Ты, как я погляжу, найдёшь ей применение.

Я не стал отказываться от подарка. Собственно, я с самого начала рассчитывал, что тетрадь мне отдали навсегда, а не одолжили на время. Использовать для записей чужую собственность было бы довольно нелепо.

— Что теперь? — спросил я, пряча тетрадь в карман.

— Теперь я налью тебе камры. И скажу, что день нынче на удивление хорош. Солнечный свет льётся сквозь свинцовые тучи, смешиваясь с тёплым дождём, а над Хуроном — радуга в три дуги. А остальные новости пересказывать лень, да и какое тебе дело, скажем, до трагической гибели Анниты Вьенки, старшего магистра ордена Лающей Рыбы? И прибытие в

речной порт четырех купеческих кораблей из Шиншийского халифата вряд ли тебя заинтересует. И до рождения первенца в семье молодого ректора Королевской высокой школы тебе дела нет, я правильно понимаю?

— Я имею в виду, что мне теперь следует делать? — спросил я, принимая из его рук кружку. — С чего начинать?

— Сейчас расскажу. Только сперва объясни мне, пожалуйста, вот что. Ты в ордене Ледяной Руки просто так, сдуру накуролесил? Или с тайным умыслом?

— С умыслом, конечно. Мне нужна была рука, чтобы сделать Перчатку Смерти. И я её добыл. Собственно, целых две руки, но одна не из кристалла, обычная человеческая рука, в драке откусил. Взял на всякий случай.

— И правильно сделал, что взял. Хорошие трофеи, ничего не скажешь. Почему ты их тогда бросил в разрушенном доме, отлично понимаю. Но теперь, когда опасность миновала, нужно довести дело до конца.

Такого поворота я, признаться, не ожидал.

— Вы имеете в виду Перчатки Смерти? Честно говоря, даже не знаю, с какого конца за это браться. Тогда-то я наперёд не загадывал. Думал, вдруг осенит, как только рука окажется у меня. Со мной в те дни часто так случалось: вдруг, ни с того ни с сего, начинал делать вещи, о которых прежде мечтать не смел или вообще не знал, что такое возможно. А если не осенит, найду кого-нибудь, кто умеет, договорюсь или заставлю — по обстоятельствам.

— Да уж, хотел бы я посмотреть, как ты «заставишь», — ухмыльнулся Чиффа. — Я знаю троих, кто наверняка умеет делать такие штуки. Ни с одним из них я сам не рискнул бы ссориться. И тебе не советую. А сговорчивого мастера ты не найдёшь, можешь и не стараться. Придётся все делать самому.

Я, в общем, понимал, что он прав. Но энтузиазма в связи с этим не испытывал. Перчатки Смерти требовались Безумному Рыбнику, а я мог прекрасно обойтись без этого оружия. Я больше не жаждал быть самым грозным колдуном Мира. И, если уж на то пошло, понимал, что Перчаток для этого, мягко говоря, недостаточно. Поэтому я на всякий случай спросил:

— Это обязательно?

— Конечно обязательно. Во-первых, всякое начатое дело следует доводить до конца, даже если речь идёт о сущих пустяках. А твой случай — совсем не пустяк. Сам подумай: во-первых, ради Перчаток Смерти ты отнял две великолепные жизни. По крайней мере, за высокое качество

одной из них могу поручиться, я немного знал Кибу Аццаха, он был очень могущественный человек, один из лучших в своём ордене. Неудивительно, что он сумел дотянуться до тебя с того света! И его коллега, судя по всему, парень не промах, хоть и порвал ты его на лоскуты — ну, с кем не бывает... Во-вторых, ты сам влип из-за этих грешных рук, как никогда прежде не влипал. В-третьих, именно благодаря тому, что ты влип, мы с тобой познакомились, и все, что с тобой случилось потом, началось именно с твоего дурацкого, необдуманного желания заполучить Перчатки Смерти. Столько важных событий завязано на этих грешных Перчатках, а ты ещё раздумываешь, имеет ли смысл о них хлопотать. Так вот, поверь, имеет. Нет у тебя сейчас более важного дела. Считай, вопрос жизни и смерти. То же самое он говорил о дыхании, перед тем как отправить меня в Хумгат. И как показала практика, ни капли не преувеличивал. Я понял, что возни с Перчатками не избежать. С другой стороны, не все ли равно, чем заниматься? То-то и оно.

— В общем, так, сэр Шурф. Это и есть моё первое поручение: ты должен смастерить себе Перчатки Смерти. Кроме всего, ты уж не обижайся, но пользы от тебя без них будет не слишком много. Мне нужен равноправный партнёр, а хорошее оружие компенсирует тебе отсутствие опыта. Собственно, я хочу максимально облегчить жизнь нам обоим. И совершенно уверен, ты справишься, если захочешь. Хотя сейчас тебе, наверное, кажется, будто я требую невозможного.

— Совершить невозможное, — сказал я, — не такая уж великая проблема, если знаешь, с чего начать. Но я пока не знаю.

— Ну, не беда. Посиди, подумай, допей камру. Хочешь, набью тебе трубку?

— Пожалуй.

— Отлично. С меня трубка, с тебя — план действий. Я в тебя верю, сэр Шурф.

Строго говоря, самый простой план действий у меня уже был, так что придумывать ещё один казалось мне тщетным усилием. Я просто воспользовался наступившей паузой, чтобы перевести дух. Находиться в обществе Чиффы было интересно, но чрезвычайно утомительно. Я не знал, почему так происходит, и даже не пытался пока найти объяснение, но совершенно не удивлялся, что после давешней беседы с ним проспал трое суток. А после этой, вероятно, усну на год — если и дальше так пойдёт.

Выкурив трубку примерно наполовину, я сказал:

— Руки, конечно, надо бы забрать из-под развалин и перепрятать. Это — первым делом. А дальше вот что. Думаю, теперь я снова смогу читать; я

имею в виду, не просто читать, но и понимать прочитанное. Этим и займусь. Я совершенно уверен, что существуют книги или рукописи, в которых подробно описано изготовление Перчаток Смерти.

— Почему ты так уверен?

Удивительное дело, но Чиффа выглядел заинтересованным и даже возбуждённым. Я-то думал, он и слушать не захочет о моем намерении зарыться в книги.

— Это относительно древнее искусство, как и многие другие ритуалы ордена Ледяной Руки. А маги древности, как я успел убедиться, пеклись о продолжении традиции больше, чем о сохранении тайны. Я хочу сказать, они предпочитали тщательно все записывать, вербуя, таким образом, будущих учеников среди ещё нерожденных поколений. Иногда, если речь идёт о самых великих тайнах, инструкция может быть разбита на несколько частей, которые вставляются в разные книги — скажем, под видом комментариев. Собрав вместе как можно больше книг, изготовленных в одной книгопечатне примерно в одно время, и сопоставив некоторые их фрагменты, можно совершить удивительные открытия — при условии, что у вас есть свободное время и вдохновение для подобных игр. Я очень любил так развлекаться, особенно в детстве, до поступления в орден. Но и потом привычка копаться в древних текстах и приобретённая сноровка не раз меня выручали.

— Очень интересно, — искренне сказал Чиффа. — Не знал, что все так лихо закручено. У меня-то как раз совсем нет опыта работы с письменными источниками. Продолжай, пожалуйста.

— Для начала, — сказал я, — мне, наверное, следует отправиться домой и порыться в отцовской библиотеке. Она не слишком хороша, но для начала, чтобы освежить некоторые знания, подойдёт. По крайней мере, там я смогу спокойно работать и размышлять, не отвлекаясь на регулярные драки с охранниками. Это очень важно. Собственно, мне только и нужно — вычислить по некоторым признакам, к какой эпохе относятся нужные мне сведения и в каких источниках их следует искать. Потом придётся собрать подробную информацию об орденских библиотеках, выяснить, где хранятся нужные мне книги. Это трудно, но вполне возможно. Следующий этап — я должен буду совершить несколько внезапных визитов в разные книгохранилища и уйти оттуда живым и с добычей. Это, конечно, работа для Безумного Рыбника, но и я как-нибудь справлюсь. Вряд ли я утратил прежние навыки и способности вместе с безумием. Правильно?

— Правильно. Думаю, в скором времени ты обнаружишь, что не только ничего не утратил, но и очень много приобрёл. Прежде ты был

неуправляемой стихией, а теперь ты — тот, кто способен обуздать стихию. Практически Мёртвый Бог Арвароха. Только живой, — Чиффа подмигнул мне, отобрал давно уже погасшую трубку и принялся тщательно её чистить.

— Не думаю, что я действительно хоть чем-то похож на Мёртвого Бога, который, скорее всего, является плодом воображения невежественных дикарей, — возразил я. — Но если мне удастся разжиться инструкциями, я, скорее всего, смогу изготовить Перчатки Смерти. Вряд ли это труднее, чем расшевелить мёртвого.

— Ничего более нудного и утомительного, чем обряд воскрешения мертвеца, не существует, — согласился Чиффа. — Погоди-ка. Хочешь сказать, ты это умеешь? Ну ничего себе. Я, конечно, подозревал, что ты не так прост, как кажется, но не настолько же!

— Умею, да. Собственно, я почему вспомнил: этому ритуалу я научился, собирая крупницы информации из разных книг, именно так, как только что рассказывал. И все у меня прекрасно получилось — если не принимать во внимание тот факт, что я рассчитывал вернуть мертвецов к настоящей жизни, а получил просто трупы, способные шевелиться и издавать звуки. Для меня это была катастрофа. Но ритуал я восстановил и воспроизвёл правильно, сейчас только это и важно.

— Да уж, — вздохнул Чиффа. — А ты небось хотел победить смерть? Очень хорошо тебя понимаю. Все мы через это проходим. Очень важный, на мой взгляд, этап развития. Непобедимый противник — наилучшая мотивация для бесконечного самосовершенствования. А смерть и есть самый непобедимый противник.

— Строго говоря, этот противник имеется у каждого живого человека, — заметил я. — Не надо представлять собой нечто исключительное, чтобы осознать собственную смертность. И вполне естественно для человека испытывать по этому поводу, скажем так, некоторое недовольство.

— Зато надо представлять собой нечто исключительное, чтобы противостоять смерти. Не бояться её, не грустить, размышляя о неизбежности, не испытывать по этому поводу некоторое недовольство, как ты остроумно заметил, а деятельно ей противоборствовать. Это очень важный опыт, сэр Шурф. Даже поражение в такой битве стоит нескольких дюжин побед. В данном случае важно, что битва имела место. Этого достаточно.

— Спасибо, — сказал я. — До сих пор я смотрел на это дело иначе. Думал, тут нечем гордиться — принял желаемое за действительное,

потратил несколько лет на погоню за бессмысленным и бесполезным знанием, наломал дров, ещё и лиса убил, дурак.

— Какого лиса?

— Обыкновенного серебристого лиса, вашего тёзку. Он жил со мной с детства, был совсем ручной, вернее, не ручной, а настоящий друг, прекрасно понимал Безмолвную Речь... Неважно. Я его убил, чтобы оживить, просто больше никого не оказалось под рукой, и в любом случае я был уверен, что это ненадолго. А потом оказалось, что жизни в этом вяло передвигающемся трупe не больше, чем в обгоревшем полене. Честно говоря, меня это подкосило.

— Понимаю, — кивнул Чиффа. — Тут, конечно, ничего не попишешь, что сделано, то сделано. Но теперь ты просто обязан победить смерть. Не «можешь», а именно обязан.

Я адресовал ему вопросительный взгляд. Дескать, в принципе, никаких возражений, но причинно-следственной связи не улавливаю.

— Вопрос цены, — он пожал плечами. — Всего лишь вопрос цены. Когда оплачиваешь своё участие в битве чужими жизнями, победа становится твоим долгом. Священной обязанностью. Это сродни фундаментальному правилу охотников; просто так жизнь не отнимают. Если убил зверя, съешь его мясо, сшей одежду из шкуры или продай добычу тому, кто в ней нуждается, — это нормально. Но убить живое существо и выбросить труп в болото, не использовав мясо и шкуру по назначению, — преступление против самой жизни; рано или поздно она с тобой поквитается. Это понятно?

— Пожалуй.

— Очень хорошо. Теперь смотри: ты убил лиса ради дела, которое расценивал как важную часть своей битвы со смертью. Правильно? Если после этого ты просто помрёшь как дурак — в трактирной ли драке, в королевской тюрьме или двести лет спустя в собственной стариковской постели, — я хочу сказать, если твоя битва со смертью будет проиграна, считай, что ты выбросил труп своего приятеля в болото. Зато если ты каким-то, даже мне пока непонятным образом победишь смерть, бессмертие станет вашим общим достоянием. Я не обещаю, что в один прекрасный день этот лис выскочит из кустов и заберётся к тебе на колени, но и так может случиться, потому что с человеком, выигравшим главную битву своей жизни, может случиться вообще все что угодно.

Никогда прежде я не думал, что можно стать счастливым только потому, что какой-то человек произносит вслух некоторые слова, складывая их в определённом порядке. Оказалось, бывает и так. Я слушал Кеттарийца

и не плакал от счастья только потому, что ни тогда, ни прежде, ни потом, вообще никогда не был человеком, способным заплакать от счастья. Но только поэтому.

— Та же самая история с этими грешными Перчатками, — задумчиво добавил Чиффа. — Отнял ради них две жизни — всё, будь добр, в лепёшку расшибись, но Перчатки сделай и используй. Кстати, ещё и поэтому я не могу допустить, чтобы Мир рухнул. Такое количество народу ради этого перебил — я и чисел-то таких не знаю. Мои обязательства, как видишь, куда серьёзнее, чем твои.

— Ну, как я понимаю, в скором времени это будут наши общие обязательства.

— Мне очень нравится твой подход к делу, коллега. Знал бы, как приятно иметь с тобой дело, давным-давно прибрал бы тебя к рукам.

— Думаю, мне следует отправиться прямо сейчас, — сказал я. — Не знаю, что творится в отцовском доме, давно не интересовался. Возможно, сперва придётся наводить там порядок. Ну и вообще глупо терять время, когда ясно, что нужно делать.

— А ничего там не творится. Я не поленился, навёл справки, ну и сам поглядел. Стоит пустое здание, люди, которые за ним присматривали, разбежались кто куда в ужасе — а вдруг тебе взбредёт в голову пожить дома? Кузены твоего отца и ваше орденское начальство ждут не дождутся известий о твоей гибели, чтобы с лёгким сердцем затеять имущественную тяжбу. Но пока ты жив, они туда не сунутся. Вот они, преимущества скверной репутации.

— Хорошие новости, спасибо. Значит, можно отправляться прямо туда.

— Можно. Только выслушай один дружеский совет, на прощанье.

Чиффа умолк, нахмурился, немного подумал и добавил:

— И имей в виду, когда я говорю «совет», это значит, что уважение к тебе да и к себе не позволяет мне использовать слово «приказ». Да и с чего бы вдруг я стал тебе приказывать? Но не хотелось бы, чтобы ты всерьёз тратил время на размышления, следовать ли моим советам или поступать по-своему. Следовать, обязательно. Обещаю, что тебе не придётся об этом сожалеть.

— Понимаю, — сказал я. — Спасибо, что внесли ясность.

— Хорошо. Так вот, совет. Ты, будь любезен, на людях держись так, словно ничего не изменилось. Я имею в виду, продолжай прикидываться Безумным Рыбником. А когда захочешь или для дела понадобится вести себя как нормальный человек, изменяй внешность. Умеешь?

Я покачал головой. Насколько мне было известно, перемена

внешности — один из наипростейших фокусов, просто до сих пор мне это было без надобности. Что в детстве, что потом.

— Не беда, дам тебе пару уроков. Ну или сам в книжках поройся, если уж все равно собираешься запереться в библиотеке. Но время от времени обязательно появляйся на публике в обычной, так сказать, роли. Пока никто не понимает, что на смену Безумному Рыбнику пришёл человек, способный держать его могущество под контролем, твоя жизнь будет лёгкой и приятной. Я до сих пор с нежностью вспоминаю те благословенные времена, когда меня самого не принимали всерьёз. Пока мог, прикидывался провинциальным карточным шулером, невежественным горцем, для которого какая-нибудь сотая ступень Чёрной магии — предел возможностей. Но счастье было недолгим, меня довольно быстро раскусили. А у тебя есть шанс как следует поводить за нос эту публику.

— А разве Безумного Рыбника не принимали всерьёз?

Не то чтобы это было так уж важно. Просто до сих пор я был совершенно уверен, что все Соединённое Королевство содрогается при виде меня. И мечтает от меня избавиться. И, строго говоря, правильно делает.

— Я понимаю. — Чиффа глядел на меня с искренним сочувствием. — Ты думал, что круче тебя только Лойсо Пондохва и, может быть, ещё паратройка Великих Магистров. Ты, конечно, жестоко заблуждался, зато был по-своему счастлив. Но теперь тебе придётся отыскать иной источник радости. Можешь начинать поиски прямо сейчас, потому что я намерен открыть тебе страшную тайну: почти никому не было дела до Безумного Рыбника. Великие Магистры самых разных орденов полагали, что ты скорее полезен, чем опасен, поскольку уничтожаешь слабейших и практически безвреден для всех остальных. На мой взгляд, надменные старики тебя недооценивали, это их общая болезнь — недооценивать врага, и хвала магистрам, нам с тобой это только на руку. А всерьёз тебя принимали только трактирщики Старого города. И за твою голову мне заплатили тоже они, в складчину, — прости, если разбиваю тебе сердце, но я никогда не обманываю людей из милосердия. Исключительно ради выгоды.

Он ухмыльнулся и заговорщически мне подмигнул, видимо, счёл нужным уравновесить неприятную информацию дружелюбной подачей. Но меня сейчас интересовало совсем другое.

— Так вам все-таки заплатили за мою голову? Ничего не понимаю. Почему в таком случае?...

— Да погоди ты. — Кеттариец почему-то скривился и даже фыркнул,

как хищный зверь, в морду которому плеснули водой, превратив его на миг в беспомощного щенка. Редкий случай, когда недовольство выглядит обаятельно.

Я, впрочем, прекрасно понимал, что никакого недовольства он вовсе не испытывает. Просто вдруг решил продемонстрировать мне такое настроение. Для разнообразия, вероятно.

— Во-первых, это случилось не сейчас, — сказал он после небольшой паузы. — Меня наняли, чтобы убить тебя два года назад. Я решил, что это будет самое простое из моих заданий, и отнёсся к нему соответственно, то есть крайне легкомысленно. Решил, что даже руки можно не марать. Всего-то забот — дожждаться, пока ты заснёшь, и обрушить крышу на твою горемычную голову. Помнишь, как рухнул дом, в котором ты спал?

Ещё бы я не помнил.

— На самом деле вы меня тогда спасли, — сказал я.

— Я в курсе. Когда я понял, что ты остался жив, ужасно удивился, отправился на место происшествия и хорошенько там все изучил. А откуда, как ты думаешь, я узнал о твоих проблемах с мертвецами из ордена Ледяной Руки?

— Я и сейчас не знаю откуда. Несомненно, изучив руины, можно воссоздать картину происшествия — как падали балки и кирпичи, где находилась жертва, была она убита или ранена, как удалось выбраться... Но узнать, какие сны видел человек, который спал в доме?! Немыслимо.

— Мыслимо, мыслимо. Азы Истинной магии, нормальные люди с этого, как правило, начинают обучение. О том, что творилось в помещении, может поведать любой находившийся там предмет. А если хочешь знать, что снилось человеку, следует заполучить в своё распоряжение крошечный лоскуток подушки, на которой покоилась голова спящего. Ну или щепку от половицы отодрать, если имеешь дело с любителем дрыхнуть на голом полу вроде тебя. Хотя, конечно, гораздо проще и приятнее работать, имея в своём распоряжении самого сновидца, но так редко получается. В любом случае это сущие пустяки.

— Ладно, — согласился я. — Значит, вот какие вещи теперь следует считать пустяками. Постараюсь это учесть.

— Вот-вот, постарайся. Кстати, этому фокусу я научу тебя с полпинка. По сравнению со всем, что ты уже проделал, это — так, детская забава, хоть и небесполезная, конечно, забава... А пока просто поверь на слово: я имел невысказанное счастье созерцать твоё сновидение. Получил море удовольствия, как ты понимаешь. Но мне, конечно, было легче, чем тебе; по крайней мере, я мог прекратить это удовольствие в любой момент. И

разумеется, прекратил, как только удовлетворил любопытство. Все это вместе — я имею в виду и твои причудливые отношения с мёртвыми магами, и тот факт, что я впервые в жизни спас жертву, вместо того чтобы убить, — было настолько необычно, что я вернул деньги трактирщикам, наврал им с три короба: дескать, Безумный Рыбник пока совершенно неуязвим и будет неуязвим ещё несколько лет, ничего не поделаешь, надо ждать и терпеть, — а сам принялся за тобой следить. Мне нужно было разобраться, что ты за птица.

— Погодите-ка, — попросил я. — Это, конечно, хорошо, что вы передумали меня убивать. Но я пока не понимаю почему.

— А ты не любишь не понимать, да-да, я помню. Ну и влип же я с тобой! Нет ничего хуже, чем объяснять самые простые и очевидные вещи, а я сегодня только этим и занимаюсь. Ладно, скажем так. У меня было множество возможностей убедиться, что судьба гораздо мудрее меня. С некоторых пор я ей всецело доверяю. И рассуждаю примерно следующим образом: если уж обстоятельства сложились столь причудливо, что я невольно спас жизнь, которую был намерен оборвать, следует присмотреться к человеку и понять, чем он может быть мне полезен. Присмотревшись к тебе, я увидел, что ты словно бы специально рождён для Истинной магии, а значит, мне придётся бросать все дела и заниматься тобой — спасать, охранять, приводить в чувство и прочие сомнительные удовольствия в таком роде. Непростая задача. Впрочем, я люблю трудности, так что все в порядке.

— Вы обязаны возиться с каждым, кто имеет способности к Истинной магии? — недоверчиво спросил я.

— Можно сказать и так. Только «обязан» все же не слишком удачное слово. У меня нет строгого начальства, которое устроит мне выволочку, если я не справлюсь. Зато у меня есть внутренняя потребность оберегать каждого, кто рождён для Истинной магии, — думаю, она сродни инстинкту продолжения рода, хоть и не сулит обычных в таком деле наслаждений... Наверное, правильно будет сказать, что я просто повинуюсь велению сердца. Звучит паршиво, как строчка из героической баллады времён вурдалаков Клак-ков, зато вполне соответствует действительности.

Кажется, именно тогда я понял, что любая фактическая неточность причиняет мне почти физические страдания. Я не мог спокойно стоять и слушать, как мой собеседник громоздит одну ошибку на другую. Мне вовсе не хотелось его перебивать, но я был вынужден вмешаться.

— Такого рода романтический пафос характерен скорее для героических баллад эпохи правления Королевы Вельдхут. А при Клаках в

моду вошла нарочитая простота, поэтому фраза «по велению сердца» никак не могла... Да что с вами?

Кеттариец закрыл лицо руками, плечи его тряслись, и я впервые за все время нашей беседы ощутил, что в его ледяной невозмутимости пробита изрядная брешь, хотя я так и не смог определить, какого рода эмоции он испытывает. Ну не рыдает же, в самом деле, из-за пустяковой, в сущности, ошибки, это было бы совершенно немыслимо. Даже специалисты порой путаются, датируя тексты старинных баллад, а уж рядовому читателю и подавно простительно.

Чиффа наконец отнял руки от лица, и я понял, что он хохотал — беззвучно, но от души.

— Прости, сэр Шурф. Я не хотел тебя обижать, но и утерпеть не смог. Ты действительно настоящее чудовище. Или самое прекрасное существо в этом Мире — все зависит от точки зрения. Лично я в восторге, а это главное.

— Ладно, — сказал я. — Не понимаю, что именно Вас так восхищает, но это, в сущности, меня не касается.

— Отлично излагаешь, — кивнул он. — Но, если не возражаешь, я все-таки прерву это немыслимое наслаждение. Тебе надо читать книжки, и у меня имеются кое-какие неотложные дела. Кстати, вот что. После того как поймёшь, какие книги тебе нужны, не спеши громить орденовские библиотеки. Приходи ко мне. Возможно, я обеспечу тебе доступ в лучшую библиотеку Соединённого Королевства. Во всяком случае, попробую.

— А какая — лучшая?

— Узнаешь, когда дойдёт до дела. Если, конечно, дойдёт.

Пресекая дальнейшие расспросы, Чиффа проводил меня к выходу. Распахнул дверь и слегка подтолкнул меня в спину. Я вспомнил, что точно так же он толкался, когда мы входили в дом, и сообразил, что это, скорее всего, вовсе не фамиллярный жест, выражающий нетерпение, а какое-то колдовство. Двери-то здесь ох какие непростые. Надо понимать, без помощи хозяина никто не сможет ни войти, ни выйти.

Оказавшись снаружи и оглядевшись, я получил некоторые косвенные подтверждения своей догадки. Я прекрасно помнил, что мы попали в дом Кеттарийца, войдя в дверь сторожки на Зеленом кладбище Петтов. А теперь я вышел из заброшенного амбара, уже за городской чертой. Я прекрасно знал эту опустошённую войной местность. Примерно в полумиле отсюда находилось моё тайное убежище, вернее, то, что от него осталось после той памятной ночи, когда Кеттарийский Охотник безуспешно пытался добыть мою голову. Что ж, подумал я, в конечном

итоге он получил гораздо больше чем голову — всего меня, живого, здорового, связанного по рукам и ногам благодарностью и чувством долга. И, кажется, очень этим доволен. Выходит, иногда поражение может оказаться куда более полезным, чем победа. Странная идея, но, похоже, так оно и есть. Надо будет это записать и обдумать на досуге.

До развалин я добрался, можно сказать, без приключений — если не принимать во внимание, что каждый вздох, каждый шаг, каждая открывающаяся взору картина приносили куда больше новых впечатлений, чем я привык получать. Обострившееся восприятие сделало вполне обыденную, привычную реальность источником удивительных чувственных переживаний, приятных и не слишком. Собственно, мучительными для меня были только встречи с людьми. Несколько случайных прохожих, заведя меня, пугались так, что мои собственные нервы начинали звенеть как натянутые струны, а слипшийся от чужого страха воздух застревал в горле. Памятуя совет Чиффы, я старался вести себя как обычно, принимал угрожающие позы, вопил и громко хохотал, выпускал из ноздрей алых и лиловых демонов, жутких с виду, но, в сущности, безвредных и недолговечных. Мои невольные мучители спасались бегством, а после я сам спасался, как мог, набирался спокойствия, разглядывая облака, восстанавливал дыхание, вдыхая горькие, влажные ароматы осеннего луга. Сентиментальная любовь к природе всегда была мне чужда, но теперь красота мира стала для меня настоящим лекарством, ни один знахарь не мог бы сделать для меня больше, чем эти пригородные пейзажи. Забегая вперёд, скажу, что привычка лечить созерцанием тело и разум осталась при мне по сей день, и пока я не вижу причин от неё отказываться.

Найти в руинах руки мёртвых магистров оказалось проще простого. Я знал, вернее, чуял, где они находятся, в каком месте следует разбирать завал, — так продрогший слепец, оказавшись в незнакомом доме, безошибочно проложит кратчайший путь к пылающему камину.

Тот факт, что обе руки по-прежнему были целы и невредимы, я имею в виду, не тронуты тлением, удивительным считать не следует. Обычное дело: тела могущественных колдунов почти никогда не разлагаются после смерти, разве что найдётся добрый человек, специально для этого поворожит, тогда, конечно, труп быстро теряет привлекательность. Напрасно вы удивляетесь, некоторые люди не могут оставить в покое своих врагов даже после того, как те умрут, — ничего не поделаешь, иного смысла жизни и даже более захватывающих развлечений у них нет, то есть вообще ничего, кроме ненависти, а что ж, ещё и не такое бывает.

Но я опять отвлёкся. Так вот, с моей точки зрения, было вполне естественно, что руки мёртвых магистров, два года пролежавшие в грудке мусора, оказались в превосходном состоянии. Но когда я обнаружил, что одна из них все ещё тёплая, как будто по-прежнему принадлежит живому человеку, а вторая куда холоднее, чем земля, в которой лежала, я, помню, очень удивился. И счёл это добрым знаком — сейчас уже трудно объяснить почему, но тогда у меня не было и тени сомнения.

Я размотал свой тюрбан, аккуратно завернул руки в ткань и спрятал свёрток под лоохи. Прежде я никогда не позволял себе появляться на людях без головного убора и вообще не допускал беспорядка в одежде, в этом смысле тщеславие моё оказалось много сильнее безумия. Но теперь я рассудил, что неопрятный внешний вид лишь подкрепит мою скверную репутацию, так что все к лучшему.

Постаравшись придать своему лицу максимально дикое выражение, я покинул развалины фермы и отправился обратно в город. Поскольку сила, теоретически все ещё заключённая во мне, пока не изъясляла желания поднять меня в небеса, а сам я не знал, как её заставить, надо было искать другой способ добраться до отцовских владений, которые находились в нескольких часах езды от столицы. Например, позаимствовать чей-нибудь амобилер. Прежде я презирал такой примитивный способ передвижения, считал его унижительным, а теперь мне было все равно, лишь бы быстро и без помех достичь цели. Я сам не заметил, как легко стал пренебрегать собственными принципами и пристрастиями ради интересов дела. Прежде такое случалось чрезвычайно редко и всякий раз казалось мне настоящим духовным подвигом.

По дороге я, педантично следуя рекомендациям Кеттарийца, учинил небольшой, но шумный погром в трактире «Кладовая Менки», что на углу Алой улицы и Кривого переулка, на самой окраине Ехо. В процессе, помню, очень удивлялся, что прежде занимался подобными вещами ради удовольствия. Грешные магистры, какое может быть удовольствие, когда ломаешь и портишь хорошие вещи, превращаешь в мусор вкусную, питательную еду, да ещё и людей, и без того нервных и неуравновешенных, приводишь в состояние истерики, так что находиться с ними в одном помещении становится совершенно невыносимо. Но я, конечно, все вытерпел.

Таким образом, я добросовестно исполнял свою роль в течение получаса. Наконец решил, что хозяин и посетители «Кладовой Менки» получили достаточно впечатлений и теперь, несомненно, найдут что рассказать в городе о бесчинствах Безумного Рыбника. С чувством

исполненного долга я покинул трактир, прихватив с собой корзину с провиантом — в последний момент я сообразил, что дома меня ждут пустые кладовые. Трудней всего было бороться с желанием навести перед уходом полный порядок, но я понимал, что такое поведение будет выглядеть, скажем так, не совсем органично.

Амобилер я нашёл на соседней улице. Вокруг не было ни души — окрестные жители уже прослышали, что я ошиваюсь где-то поблизости, и благоразумно попрятались по домам, а ставни наши горожане в смутные времена всегда держали закрытыми, справедливо полагая, что на улице происходит не так уж много событий, наблюдать которые полезно для здоровья.

На заднем сиденье амобилера лежал изумрудно-зелёный шарф из дешёвой блестящей ткани. Я кое-как обмотал им голову, соорудив некое подобие тюрбана, посмотрел в обзорное зеркало, чтобы оценить результат, и, честно говоря, сам себя не узнал. Из зеркала на меня глядел совершенно другой человек — типичный провинциал, изрядно ошалевший от столичной жизни, почти круглолицый, с низким лбом и оттопыренными ушами. Никакого чуда в этом не было, просто я очень уж неумело замотал голову — закрыл лоб, при этом оставил снаружи уши. Вид получился совершенно дурацкий, прежде я бы со стыда сгорел, зато узнать меня сейчас не смог бы даже покойный отец, об остальных и говорить не приходится. До сих пор я и вообразить не мог, что смена головного убора может иметь тот же эффект, что долгая и кропотливая работа Мастера Маскировки. Так я совершил одно из самых полезных практических открытий своей жизни: оказывается, можно изменять внешность до полной неузнаваемости, не прибегая к магии, — при помощи одежды, причёски, осанки, походки и выражения лица. Такие игры по сей день доставляют мне удовольствие. Для человека в моем положении нет ничего лучше возможности оставаться неузнанным всякий раз, когда пожелаешь, а необходимость замаскироваться, не прибегая к привычному колдовству, превращает рутинную задачу в увлекательную игру.

Но мне не следует сейчас углубляться в эту тему. Вас должны интересовать не мои успехи на поприще маскировки, а тот факт, что я благополучно добрался до границы наших фамильных владений, а там вспомнил свои детские ухищрения и без труда преодолел защитный барьер, не нанося ему никакого ущерба. Это было довольно важно, поскольку я хотел полностью сконцентрироваться на решении поставленной задачи, не отвлекаясь ни на охрану дома, ни на сражения со всеми желающими застать меня врасплох.

В доме моем царило запустение. Хороший колдун, покидая своё жилище, обычно выполняет специальный ритуал, благодаря которому дом даже сто лет спустя выглядит так, словно хозяин ушёл всего полчаса назад. Я имею в виду, что не будет ни пыли, ни плесени, окнам не страшен никакой ураган, крыша не прохудится от дождей, и даже постельное бельё останется свежим и благоухающим. Но конечно, было бы странно ожидать такого поступка от слуг — тем более от наших слуг, которые терпели этот дом и его хозяев только потому, что были не в силах отказаться от положенного им отцом щедрого жалованья, а уходили отсюда второпях, даже не уходили, а удирали, исполненные страха и неприязни.

Короче говоря, я получил возможность наглядно убедиться, что теперь пребывание в неприбранном помещении причиняет мне страдания, сродни сильной головной боли. Терпеть, конечно, можно, но сосредоточиться на работе не получится. Поэтому пришлось потратить остаток дня на уборку.

Конечно, я орудовал заклинаниями, а не метлой и тряпкой, но дом наш был столь велик, что работать пришлось до наступления ночи. Покончив с наведением порядка, я как подкошенный рухнул на ковёр в библиотеке, которую убирал последней. Так и заснул — не умывшись, не переодевшись, даже свёрток с руками мертвецов из-за пазухи не достав. Тем, кто хорошо меня знает, трудно, наверное, в это поверить, но в первое время такое то и дело со мной случалось. Когда я находился в одиночестве и в безопасном месте, чувствуя усталость, просто падал где придётся и тут же засыпал, не желая тратить время и силы на лишние движения. Думаю, это давали о себе знать последствия двухлетней бессонницы.

Я до сих пор точно не знаю — так ли это важно, что свёрток с руками остался у меня за пазухой. Вполне возможно, решающим стал тот факт, что я завернул их в свой тюрбан — я имею в виду, что прежде эта ткань долгое время соприкасалась с моей головой. А может быть, все это вообще не имеет никакого значения, достаточно того, что руки мертвецов находились в моем доме. Так или иначе, но в ту ночь со мной случилось очередное невероятное, как мне тогда казалось, событие: мне приснился сон, который стал ответом на вопрос, сформулированный наяву. Я уже знал, что некоторые сны убивают, а другие, напротив, исцеляют. Но найти во сне ответ на конкретный практический вопрос — я и подумать не мог, что такое возможно.

Мне снилось, что руки, спрятанные у меня за пазухой, каким-то образом выбрались наружу. Одна из них неспешно путешествовала по стеллажам, ловко цепляясь пальцами за полки и корешки книг. Некоторые книги падали на пол, мне показалось, что рука сбрасывает их намеренно,

хотя, конечно, трудно утверждать наверняка. Вторая рука тем временем извлекла из моего кармана тетрадь и карандаш и принялась что-то бойко строчить. Это зрелище, помню, совершенно меня заворожило. Я очень хотел разобрать хоть что-то из её записей, но со своего места ничего не мог разглядеть, и пошевелиться тоже не мог, в точности как на Зеленом кладбище Петтов, когда Чиффа наложил на меня заклинание, только тогда это казалось мне непереносимо унижительным и, конечно, опасным событием, а теперь — просто любопытным явлением. Вот ведь, сплю, вижу сон и прекрасно понимаю, что это сон, а действовать в этом сне по собственной воле не могу, и даже разглядеть толком, что мне, собственно, снится, тоже не могу — удивительный парадокс!

Руки ещё долго хозяйничали в моей библиотеке, больше ничего не происходило; в сущности, это был очень длинный, скучный и бестолковый сон. Зато, когда я проснулся, на ковре по-прежнему валялось несколько книг и тетрадь моя была исписана почти до середины крупным, красивым почерком, не чета моим собственным каракулям. Свёрток, впрочем, покоился у меня за пазухой, целый и невредимый, хитроумный узел, которым я его закрепил, тоже был на месте. Я рассудил, что вряд ли сумею самостоятельно решить эту загадку, зато никто не мешает мне при случае обсудить её с Кеттарийцем, он в таких вещах наверняка разбирается лучше. А пока у меня есть более неотложное дело.

Беглый осмотр упавших на пол книг показал, что все они имеют косвенное отношение к интересующему меня предмету. Впрочем, я был совершенно уверен, что книг, имеющих к нему прямое отношение, в отцовской библиотеке нет и быть не может.

Но записи в тетради заставили меня забыть о книгах. Я почти сразу понял, что в моем распоряжении оказалась самая настоящая инструкция по изготовлению Перчаток Смерти. Гораздо более чёткая и подробная, чем я рассчитывал обнаружить в древних рукописях, до которых ещё надо было как-то добраться. В прежние времена я бы уже на потолке плясал от восторга, а теперь просто сделал очередную невидимую зарубку: «В этот момент я должен ощутить восторг».

Не утруждая себя попытками испытать положенную радость, я тут же засел за работу. Чтение отняло у меня больше суток, поскольку в записях то и дело встречались непонятные термины. Значения некоторых мне удалось найти в сброшенных на пол книгах, о смысле остальных я худо-бедно догадывался по контексту, хотя, конечно, предпочёл бы сверить свои догадки с более авторитетными источниками. Но это не казалось мне серьёзной помехой.

Я был так сосредоточен на работе, что не ощущал ни голода, ни усталости, ни даже желания помыться и переодеться, хотя чистоплотность, как я уже говорил, была моей навязчивой идеей с детства. Только покончив с расшифровкой записей, перечитав их заново и убедившись, что в целом понимаю инструкцию и, вероятно, смогу её выполнить, я отправился в ванную, прихватив с собой корзину с продовольствием, чтобы сэкономить время.

Запасов, по идее, должно было бы хватить мне на полдюжины дней, но я истребил их за один присест, после чего заснул прямо в бассейне, не испытывая решительно никаких неудобств оттого, что голова моя покоилась на дне. Сказываюсь орденская выучка, уж чему-чему, а умению подолгу находиться под водой нас, хвала магистрам, обучали добросовестно.

Проснувшись, я снова засел за работу. Принялся составлять список инструментов и материалов, которые могли мне понадобиться. Ничего сверхъестественного, все необходимое можно было купить на Сумеречном рынке, который, надо сказать, процветал даже в Смутные времена. Что меня действительно поражает в новейшей истории Соединённого Королевства, так это мужество и хитроумие наших купцов, торговцев и трактирщиков, которые умудрялись не только уцелеть в эпицентре хаоса, но ещё и дела свои вели с каким-никаким, а все-таки успехом.

Я целиком сконцентрировался на поставленной задаче, и это, безусловно, пошло мне на пользу. Я оказался очень эффективным инструментом, словно бы специально созданным для решения сколь угодно сложных, но конкретных задач. Перерыв гардеробную комнату, я за полчаса до неузнаваемости изменил облик. Всего-то и потребовалось, что связать волосы узлом на затылке и надеть лоохи с капюшоном. Из меня вышел отменный шимарский горец, этакий небогатый искатель приключений из провинции, забавный и безобидный, ни один столичный колдун не сочтёт такого достойной добычей, а значит, поход мой на Сумеречный рынок, скорее всего, обойдётся без ненужных сложностей. Особенно если не забывать надменно щуриться и растягивать гласные, как это иногда делает Чиффа, — я не сомневался, что у меня получится, но на всякий случай как следует отрепетировал перед зеркалом предстоящие переговоры с торговцами.

Важно, впрочем, не это, а вот что. Как только я решил, что готов отправиться за покупками, ко мне вернулась прежняя способность мгновенно переноситься в нужное место. Это оказалось очень просто, гораздо проще, чем прежде, хоть и не сопровождалось больше ни

приступами веселья, ни физическим удовольствием. Но без этого я как раз вполне был готов обойтись.

Хвала магистрам, на Сумеречном рынке в обеденное время такая толкотня, что моё внезапное появление не привлекло внимания. Потратив несколько часов на поиски нужных товаров и до отказа забив корзину, я точно так же, не теряя времени на дорогу, вернулся домой. Отметил, что сила, заключённая во мне, действительно никуда не делась, более того, теперь она не вертит мной как хочет, а сама подчиняется моей воле или даже не воле, а осознанной необходимости. Как и обещал Кеттариец, я понемногу учился обуздывать эту стихию — в смысле, самого себя, хотя, конечно, такая формулировка навязывает нам очередной каверзный вопрос: кто, собственно, учился?

Дома я засел за работу, не теряя времени на переодевание. Это позже я превратил повседневные дела в своеобразные ритуалы и обязал себя неукоснительно их исполнять, сколь бы тягостными и ненужными они мне ни казались; если бы не это ухищрение, я бы, вероятно, по сей день носил то самое шимарское лоохи, потому что всегда находятся дела более неотложные и захватывающие, чем смена одежды, мытьё или, скажем, обед. Но в те дни я ещё не успел приноровиться к своей новой способности полностью концентрироваться на текущей задаче, поэтому даже отсутствие продуктов заметил лишь на третьи сутки; впрочем, не могу сказать, что оно меня тяготило. Голод был небольшим неудобством, но пока он не мешал работать, это не имело никакого значения. Я не сомневался, что, когда пустой желудок станет серьёзным препятствием, я легко решу проблему, а пока об этом и думать незачем.

Проблема с продовольствием, впрочем, решилась сама собой.

В какой-то момент я почувствовал, что в доме кроме меня есть ещё кто-то. Впрочем, в присутствии постороннего не было угрозы, более того, оно показалось мне не просто нейтральным, а доброжелательным, дружественным. Сделав это — удивительное, строго говоря, — открытие, я тут же понял, что присутствующее существо мне знакомо. Утверждать, что я опознал Кеттарию по запаху, будет ошибкой, тем не менее это действительно очень похоже на запах, только чуешь его, конечно, не носом, и вообще обоняние тут ни при чем.

Описание требует слов и занимает довольно много времени, а тогда я потратил на анализ ситуации всего какую-то долю секунды, после чего решил, что, если Кеттариец захочет привлечь моё внимание, он это непременно сделает, а пока можно не отвлекаться, и вернулся к своим занятиям. Таким образом, я сэконобил добрую половину минуты и, будьте

уверены, потратил её с куда большей пользой, чем если бы начал оглядываться по сторонам в поисках гостя.

— Ну ты даёшь! — не то одобрительно, не то укоризненно сказал Чиффа. — Вид у тебя тот ещё, выглядишь как мой земляк, отлично замаскировался, только я не понимаю зачем? Ты же один дома. Впрочем, дело хозяйское. У меня, собственно, другой вопрос. Я тебе зов несколько раз посылал, а ты не откликаешься. До сих пор я думал, что могу докричаться до кого угодно, если припечёт. Оказалось, это не так. Что окружил себя защитой — молодец. Но не от меня же.

Я смирился с необходимостью оторваться от своего занятия и ответил:

— А я не окружал себя защитой. Во всяком случае, не делал этого намеренно. Просто сконцентрировался на работе. Наверное, поэтому.

— Если так, твоя способность к концентрации превосходит мои представления о возможном. Сосредоточившись на деле, ты как бы временно умираешь для всего остального. Во всяком случае, такое объяснение лучше, чем ничего. А я, как и ты, не люблю не понимать.

Невозможность немедленно вернуться к работе причиняла мне почти физическое страдание. Но я понимал, что придётся потерпеть.

— Ты хоть моё появление учуял? — озабоченно спросил он. — Или сидел тут беспомощный, как младенец, с неприкрытой спиной?

— Учуял конечно. Просто я сразу вас узнал. И решил, что можно не беспокоиться.

— Ну, хвала магистрам, что так. Вероятно, ты прекрасно понимаешь, что смерть может стать серьёзной помехой работе, поэтому и не утратил бдительность.

— Вероятно, — вежливо согласился я.

У меня не было решительно никакого желания поддерживать разговор.

Чиффа поставил на пол огромную корзину, вдвое больше той, что я несколько дней назад уволок из «Кладовой Менки».

— Я так понимаю, ты ещё и не жрёшь ничего, — сказал он. — Благородная бледность тебе, конечно, к лицу. И голодать два года кряду ты, не сомневаюсь, вполне способен, если уж без сна столько времени обходился. Но не все, что человек способен выдержать, непременно идёт ему на пользу.

— Вы принесли мне еду?

Сказать, что я удивился, — ничего не сказать. Я не привык быть объектом чужой заботы — если, конечно, речь не идёт о слугах, которым, собственно, за то и платят, чтобы они интересовались, сыт хозяин или голоден. Даже отец никогда не беспокоился, есть ли у меня еда или,

скажем, одежда. Само собой разумелось, что, если у меня возникнет какая-то нужда, я об этом тут же скажу, причём не ему, а тому, кто за это отвечает. А уж чтобы моим телесным благополучием интересовался посторонний человек, да ещё и сам Кеттариец, — такого я и вообразить не мог.

— Как видишь, принёс, — сказал он, доставая из корзины аппетитно пахнущий свёрток. — И никуда не уйду, пока ты не съешь хоть что-нибудь у меня на глазах. Чем больше, тем лучше. Не смотри на меня так, ничего необычного я не делаю, просто выполняю свой долг. Если уж спас сдуру чью-то жизнь, значит, обязан продолжать в том же духе. Никаких привилегий спаситель не получает, только дополнительные обязанности. Это, будешь смеяться, правило, отступить от которого лично я не рискую. А ты сейчас как новорождённый младенец, всему должен учиться заново. В том числе заботиться о себе. Надеюсь, ты хотя бы в уборную сам ходишь — все-таки гений. Лучший из своего поколения.

Я с досадой подумал, что он, пожалуй, излишне фамильярен. Но вслух говорить ничего не стал. Спор не принесёт пользы, зато отнимет время, которое можно потратить на куда более важные дела, вернее, Дело. А пока все равно нельзя вернуться к занятиям, неплохо бы поесть, действительно. И рассказать Чиффе о том, как мёртвые руки сами подсказали мне ответ. Ему, наверное, будет интересно.

Мой отчёт его скорее встревожил, чем обрадовал. Я-то, честно говоря, ожидал иной реакции.

— Покажи-ка мне записи, — велел он, когда я завершил рассказ. — И книги, которые упали с полки. А сам тем временем прими ванну и переоденься. Ты уже давно не на Сумеречном рынке, а значит, притворяться шимарским горцем тебе ни к чему. А пока будешь мыться, постарайся сформулировать какое-то внятное объяснение этого замечательного происшествия. Почему руки пришли тебе на помощь? С какой стати избавили тебя от необходимости годами рыться в древних манускриптах, причём без особой надежды на успех? И зачем были эти книги на полу, если в тетради записана подробная инструкция, не требующая дополнительных исследований? Имей в виду, это очень важно для меня — получить представление о твоём понимании происходящего. Для нас обоих это очень важно. И для дела, которым ты сейчас занят, разумеется, тоже.

Это было очень важное дополнение. Если важно для дела — что ж, значит, я в лепёшку разобьюсь, но сформулирую.

Через час, когда я вернулся, Чиффа сидел в моем кресле и курил трубку. Вид он при этом имел довольный, вернее, даже самодовольный, ни

дать ни взять сытый лис, только что безнаказанно разоривший чужой индюшатник. Поглядев на него, я сразу понял, что он уже разобрался в моих делах или, по крайней мере, думает, что разобрался, но вместо того, чтобы милосердно объяснить все простыми человеческими словами, твёрдо намерен тянуть из меня жилы, сколько возможно и ещё чуть-чуть.

— Ну, как твои успехи? — спросил он. — Понял, почему так случилось?

— Думаю, да.

В качестве награды я получил раскуренную трубку, в которой ещё оставалось довольно много табака.

— Излагай, — потребовал Чиффа.

— Думаю, эти руки обладают каким-то подобием личной воли и сами хотят стать Перчатками Смерти, — сказал я. — Естественное, во всяком случае, понятное мне желание. Быть оружием лучше, чем валяться без дела. Наверное, быть магическим артефактом в каком-то смысле приятно. Мне недостаёт воображения, чтобы понять, как вещь может получать удовольствие, но теоретически я готов принять такую идею...

— Не отвлекайся. Я тебя уже понял. И по большому счёту, ты совершенно прав. Не знаю, как там насчёт удовольствия, которое якобы испытывают предметы, это довольно причудливое предположение, но по своему опыту я точно знаю, что, к примеру, оружие и амулеты, работу над которыми по какой-то причине не довели до конца, обычно находят способ заставить мастера завершить своё дело. Это — да, факт. Продолжай.

— Это, собственно, всё. Как именно руки проникли в мой сон и почему результаты их деятельности не исчезли после того, как я проснулся, мне неизвестно. Но поскольку это уже все равно случилось, можно временно отказаться от поисков объяснений и заняться этим после завершения работы.

— Очень разумный подход, — кивнул Чиффа. — Но мне не нужны теоретические объяснения, хвала магистрам, природу сновидений, подобных твоему, я успел изучить задолго до нашей встречи. И когда-нибудь на досуге с удовольствием расскажу, вернее, покажу тебе, как это происходит. А сейчас, будь добр, подумай: почему одна рука писала инструкцию, а другая — отбирала книги? Это важно.

— Ну, возможно, они просто не договорились между собой? — предположил я. — В конце концов, эти руки принадлежали разным людям. Поэтому каждая делала, что могла.

— Как ни странно, ты дал абсолютно правильный ответ на вопрос. Чего я не понимаю, это как при таких блестящих способностях к

рассуждениям ты совершил столь грубую ошибку?

Но сбить меня с толку оказалось не так просто.

— Мне кажется, я пока не совершил ни одной грубой ошибки, — сказал я. — Во всяком случае, до сих пор мне удавалось в точности следовать инструкциям. Если так пойдёт и дальше, Перчатки Смерти будут готовы примерно через две дюжины дней. Максимум — через три, если мне придётся тратить много времени на сон.

— Да погоди ты, — вздохнул Чиффа. — Я не сомневаюсь в твоей работоспособности. Но если так пойдёт и дальше, ты не доведёшь работу до конца, а я, заявившись к тебе с очередной корзиной гостинцев, обнаружу на полу не то прекрасный аппетитный труп, не то жалкую горстку пепла, это я ещё точно не знаю, но тебе, я думаю, не нравится ни один из вариантов.

Вот на этом месте я все-таки позволил себе испытать самое настоящее удивление.

— С чего вы взяли? Зачем бы мне умирать, не доведя работу до конца?

— Вот и я думаю, что незачем. Ты лучше скажи, пожалуйста, как могло случиться, что инструкцию в тетради ты изучил досконально и уже начал её выполнять, а в книги даже не заглянул? Неужели тебе не было интересно, что присоветует вторая рука?

Я был вынужден согласиться. Действительно, это была моя ошибка. В книги я, конечно, заглядывал, но лишь затем, чтобы найти там значения непонятных терминов, встречавшихся в тетради. О внимательном чтении и речи не было.

— Наверное, дело в том, что я хорошо знаю свою библиотеку, — сказал я. — Книг, в которых описывается изготовление Перчаток Смерти, у нас дома нет и не было никогда. И появиться им неоткуда. А в тетради — подробная инструкция, чего ж мне ещё? Поэтому. Хотя вы, конечно, совершенно правы, я действовал поспешно и без должного тщания.

— Вот-вот. Инструкций в этих книгах, конечно, нет. Зато предостережения есть. Сбросив их на пол, рука предупреждала тебя об опасности — как могла. В одной из этих книг мельком упоминается некий... сейчас, секунду, как там его звали — ага! — Таби Пункалло, учёный-алхимик, который жил шесть с половиной тысячелетий назад и придумал Перчатки Смерти, но не довёл работу над первой парой до конца, потому что погиб при загадочных обстоятельствах. Его брат, тоже учёный, решил продолжить дело покойного и вскоре исчез — в мастерской нашли только пригоршню пепла. Такая же печальная участь постигла девочку-подмастерье и двоих слуг, пока великий колдун той эпохи, сэр Махтер

Фьятт, не забрал недоделанную работу к себе домой, где благополучно её завершил. Как ему это удалось, автор не объясняет, видимо, сам не в курсе... Зато вот в этой книге — видишь, исследование «Тайные языки поэзии» — удивительно, кстати, что тебя не насторожил и не заинтересовал столь странный выбор, казалось бы, при чем тут поэзия? — так вот, здесь упоминается знаменитый в своё время поэт Кланги Юкк, который на какое-то время забросил стихи ради плетения смысловых узоров из разнообразных защитных рун. Он же составил «Подробный перечень защитных рун», что-то вроде словаря, и оказался, таким образом, первым, кто рисовал руны не ради спасения жизни, а с какой-то иной целью. По этому поводу его просвещённые современники подняли страшный шум, Кланги Юкку предрекали ужасную участь, но ничего из ряда вон выходящего с ним, конечно, не случилось. Да и с чего бы, собственно? Так вот, в исследовании чёрным по белому написано, что Кланги, кроме всего, удалось собрать наиболее полную коллекцию защитных рун, пригодных для взаимодействия — внимание! — с Перчатками Смерти. Интересная вырисовывается картина, правда? Одна рука хотела, чтобы ты немедленно взялся за работу и погиб, зато вторая была милосердна и дала тебе шанс спастись, которым ты с какого-то перепугу пренебрёг. Этих двух книг тебе должно было хватить, чтобы, во-первых, забить тревогу, а во-вторых, тут же выяснить, как защитить себя от этих грешных Перчаток, которые представляют собой оружие столь совершенное, что убивают мастера задолго до того, как он завершит работу. С какого-то момента достаточно просто прикоснуться к Перчатке — и привет. Хорош бы я был, если бы... Впрочем, никаких «если бы» не существует. Я навел на тебя очень вовремя, сэр Шурф, осталось только понять, это ты такой везучий или я молодец? Можешь не отвечать, вопрос риторический, сам знаю, что оба хороши.

Я был по-настоящему восхищён. Я отсутствовал около часа, и за это время Чиффа успел проделать столь серьёзную работу. Как исследователь я ему в подмётки не годился, это ясно.

— И вы говорили, что у вас нет опыта работы с книгами! — укоризненно сказал я.

— Когда я говорил, его и не было. До сих пор мне не приходилось заниматься подобными вещами. Когда понадобилось, я постарался, и у меня получилось, потому что у меня все всегда получается. Это совершенно нормально, сэр Шурф. С тобой тоже так будет. Просто не все сразу.

Я молчал — а что тут скажешь?

— Важно на самом деле вот что, — сказал Чиффа. — Чтобы продолжать работу, тебе нужны эти самые защитные руны. Думаю, это не проблема. В библиотеке Семилистника наверняка найдётся и «Подробный перечень защитных рун», и другие полезные книги.

— Где-где?

Я был почти уверен, что ослышался. В библиотеке ордена Семилистника, конечно, могло найтись ещё и не такое. Но от этого никому не легче. Резиденция ордена Семилистника была самым неприступным местом в Соединённом Королевстве. Что-что, а запирались эти ребята умели. Я слышал, что сам Лойсо Пондохва, поклявшийся извести на корню весь орден Семилистника и его Великого Магистра Нуфлина Мони Маха лично, был вынужден отступить от Иафаха — и это колдун, о котором говорили, что все мы живы лишь потому, что лень и мечтательность Лойсо превосходят его ярость и могущество, в противном случае он не только от Ехо, а и от всего Мира камня на камне не оставил бы. И как, интересно, я доберусь до книг при таком-то раскладе?

— Я же сказал: в библиотеке Семилистника. Не притворяйся, что не расслышал. И не смотри на меня как на безумца. Во-первых, мы с Нуфлином союзники, хотя афишировать это не любим. Его резонов я не знаю, а мне, честно говоря, не слишком приятно в этом признаваться. Я уже говорил тебе, Нуфлин Мони Мах — единственный Великий Магистр, который не только верит в скорый конец Мира, но и предпринимает серьёзные усилия, чтобы его предотвратить. И это, увы, единственное достоинство бедняги Нуфлина. Впрочем, нет. Второе его достоинство состоит в том, что у него нет брата-близнеца. Так что знакомить вас я, пожалуй, не буду, вряд ли вы друг другу понравитесь. Но Нуфлин нам с тобой и не понадобится. Делами Семилистника сейчас заправляет мой старинный друг. Я вас сведу, может быть, даже прямо сейчас, чего тянуть? Только пошлю зов, спрошу разрешения.

Переговоры отняли у него всего несколько секунд и оказались успешными.

— Можем идти, — объявил Чиффа. — Не обидишься, если я спрячу тебя в пригоршню? Это проще, чем учить тебя прямо сейчас искусству Тёмного Пути, да и времени у нас мало.

Я не успел ответить, потому что он действовал быстрее, чем говорил, при том что тараторил как заведённый. Пока я раздумывал, допустимо ли обращаться с живым человеком, как с неодушевлённым предметом, Кеттариец успел не только уменьшить меня до ничтожнейших размеров, спрятать между большим и указательным пальцами — до сего дня я был

совершенно уверен, что таким способом хорошо разве что мебель таскать, — но и принести к месту назначения, а там вернуть мне прежний вид. Я как раз успел решить, что его идея мне не слишком нравится, но поскольку все уже случилось, спорить не имело смысла. Тем более процедура не показалась мне мучительной, я вообще почти никаких перемен не успел заметить, только голова слегка закружилась, но это ощущение было скорее приятным, даже удивительно.

Оглядевшись, я обнаружил, что мы находимся в очень маленькой комнате с низким потолком, обставленной чрезвычайно скромно, чтобы не сказать — бедно. Зато окна выходили в сад, роскошь которого даже я, человек далёкий от садоводства, не мог не оценить по достоинству.

Пока я осматривался, с треском распахнулась хлипкая дверь, расписанная уродливыми узорами, больше всего похожими на следы, оставленные на песке агонизирующими змеями. В комнату вошёл молодой мужчина такой ослепительной красоты, что она показалась мне не столько приятной глазу, сколько совершенно неуместной в данных обстоятельствах. В самом деле, тут такие дела творятся, мне Перчатки Смерти надо мастерить, и ещё неизвестно, как выжить в ходе этого рукоделия; в Соединённом Королевстве который год гражданская война, и вообще Мир скоро рухнет, а он тут ходит с таким видом, словно нет у человека более важной задачи, чем быть красивым. Примерно таковы были мои ощущения, хотя, высказанные вслух, они, я сам вижу, звучат чрезвычайно нелепо.

— И вот ведь заметь, Джуффин, — невозмутимо сказал красавчик, — это вовсе не часть тщательно от репетированного спектакля, специально предназначенного для покорения сердца твоего юного приятеля. Просто ты обычно говоришь: «Я сейчас», а приходишь в лучшем случае минут через пять. А сегодня вдруг взял да и объявился без промедления, вот и застал меня врасплох.

— Ничего, — ухмыльнулся Чиффа, — так даже лучше. Но, будь добра, прими все-таки нормальный человеческий вид. А то смотреть больно.

— Больно ему, видите ли...

Не договорив, приятель Чиффы вдруг пронзительно завизжал и принялся вертеться волчком вокруг своей оси. Я начал думать, что Кеттариец предпочитает общаться исключительно с безумцами, потому и мной заинтересовался, а вовсе не по каким-то другим причинам. Впрочем, ещё и не такие причуды бывают у могущественных колдунов, некоторые, я слышал, вообще со степными менкалами спят, и ничего.

Все это, надо сказать, изрядно сбило меня с толку, поэтому я так и не

заметил момент, когда ослепительный красавец превратился в маленькую, полную и совершенно седую леди.

— ...будь честен: тебе просто завидно. — Она закончила фразу, начатую красивым молодым человеком, и почему-то звонко рассмеялась. Потом подошла к Чиффе, приподнялась на цыпочки и крепко его обняла.

— Какого прекрасного мальчика ты ко мне привёл, — сказала она. — Сын Белой Лясы, как же, и, кажется, весь в мать. Благодарю тёмных магистров, что он не девочка, отобрала бы, не спрашивая. Когда его матушка спелась с Хонной, я локти кусала, что не со мной. Но мальчишки мне ни к чему, так что можешь оставить его себе, радуйтесь оба!

— Да уж радуемся, — проворчал Чиффа. — Сэр Шурф сейчас на радостях сознание потеряет, вон как позеленел.

Терять сознание я, конечно, не собирался. Но мне и правда было нехорошо. Не от внезапных превращений и непонятных разговоров, а от близкого присутствия этой пожилой женщины. Если верить не, глазам и ушам, а нахлынувшим на меня ощущениям, она была самым прекрасным и ужасающим существом из всех, кого я когда-нибудь видел. Тот же Чиффа рядом с ней казался простым и понятным, почти уютным, почти безопасным, хоть снова в пригоршню к нему прячась.

— Эй, ты чего? — ласково спросила маленькая леди. — Джуффин, что это с ним?

— Просто видит тебя такой, какая ты есть, — Чиффа снова охотно откликнулся на это странное, непривычное уху, словно бы из старинных книг заимствованное имя.

— Страсти какие, — она передёрнула плечами. — Я сама этого предпочитаю не видеть. Не каждый день, во всяком случае. Я ужасная, да, — теперь она обращалась ко мне. — Но ничего не поделаешь, придётся потерпеть.

Я уже, кажется, говорил, что неточные формулировки стали причинять мне почти физические страдания. Поэтому пришлось собрать волю в кулак и ответить:

— Не «ужасная». Это определение не передаёт вашей сути. Тут требуется другое слово. Я пока не знаю какое, но подумаю.

— Ого! — обрадовалась она. — Ну, если у тебя хватает пороку спорить, значит, выживешь.

Я не мог понять, шутит она или говорит серьёзно, но в любом случае чувствовал себя гораздо лучше. Теперь, когда первоначальный шок прошёл, я начинал понимать, что общество этого существа, кем бы оно ни было, может доставить истинное наслаждение. Только чтобы испытать это

наслаждение, требуется, вероятно, какая-то специальная подготовка. На всякий случай я принялся медленно и ритмично дышать, как делал это в Хумгате.

Чиффа явно заметил, что происходит, и теперь одобрительно на меня косился. Хотя, теоретически, должен был бы строго поинтересоваться, почему я не вспомнил об этой технике с самого начала. Я бы на его месте именно так и поступил.

— Это живое воплощение кошмара предпочитает называться вполне человеческим именем — леди Сотофа Ханемер, — сказал он. — Разумеется, кроме тех моментов, когда она является старшим магистром ордена Семилистника, чьё имя тебе знать совершенно не обязательно.

Мне очень хотелось спросить, кто же все-таки передо мной — женщина, которая время от времени прикидывается мужчиной, или наоборот. Но я не был уверен, что имею право задавать столь интимный вопрос.

— Я, разумеется, женщина, — сказала леди Сотофа. — И хвала магистрам. Мало ли кем мне приходится иногда становиться. Я ещё и дикой кошкой по саду иногда бегаю и птицей летаю, хотя удовольствия тут мало. Но ничего не поделаешь, надо — значит, надо. Невозможно присматривать за делами этого грешного ордена, будучи кем-то одним. У женщин Семилистника свои секреты, у мужчин — свои, и друг другу они не доверятся, что хочешь, то и делай. Даже у деревьев в этом саду, дырку над ними в небе, тоже имеются тайны, и лучше быть в курсе, чем оставаться в неведении. К тому же старому прохвосту Нуфлину кажется, что, если я узнаю о его выкрутасах не все, а скажем, только половину, его задница будет прикрыта более надёжно. Тогда как на самом деле, конечно же, ровно наоборот. Впрочем, тебя это не касается. Джуффин сказал, тебе нужно порыться в нашей библиотеке. Нет проблем. Боюсь, за последнюю дюжину лет ты первый, кому это приспичило. Книги будут рады, что хоть кто-то ими заинтересовался. Пошли.

— Ты что, просто приведёшь его в библиотеку и там оставишь? — с сомнением спросил Чиффа.

— Совершенно верно. Просто приведу и оставлю.

— А это не слишком?

— В самый раз, — отрезала леди Сотофа. — Ну что ты на меня уставился? За кого ты меня принимаешь, Джуффин? Разумеется, его никто не увидит. И не услышит. И не учует. И вообще никому в голову не придёт заходить в библиотеку, пока твой мальчик будет там сидеть. Просто вот не захочется, и все тут. Подумает: «Да на кой мне сдались эти книжки?» — и

пойдёт себе мимо. Можно подумать, ты со мной первый день знаком.

— В том-то и проблема, что не первый день и не первый год, — ухмыльнулся он. — Мне все кажется, что ты — просто бестолковая красotka с окраины. Ничего не могу с собой поделать.

— И не делай, — рассмеялась она. — Должен же хоть кто-нибудь в Мире думать обо мне хорошо. Пока ты помнишь меня бестолковой красоткой с окраины Кеттари, я молода и бессмертна. Поэтому, будь добр, продолжай в том же духе.

— Можно подумать, ты не знаешь других способов оставаться молодой и бессмертной.

— Знаю, конечно. Ещё семьсот тридцать два способа, если быть точной. Но этот — единственный, когда мне самой вообще ничего не надо делать. Подожди меня тут, если у тебя есть время. Я отведу мальчика в библиотеку и вернусь. Пошли-пошли. — Она легонько подтолкнула меня в спину. — Никто тебя не заметит, верь мне. Все будет очень хорошо. В библиотеке и вообще — потом. Всегда.

Её прикосновение произвело сокрушительное действие — тело моё ликовало, а разум не то чтобы вовсе умолк, но притих, в точности как это случалось в детстве, если я подолгу лежал в траве и разглядывал плывущие по небу разноцветные облака — ещё не сон, но уже не бодрствование. Я пошёл за ней как замороженный, довольно слабо осознавая, что я делаю и зачем, но ритмично дышать не прекращал, рассудив, что если уж это упражнение помогло мне в Хумгате, то и сейчас, пожалуй, не помешает.

— Мне нравится, как ты устроен, — говорила леди Сотофа, пока мы шли через сад. — Очень легко впадаешь в транс, отличный медиум, идеальный сновидец, для мальчика такое сочетание качеств большая редкость и большая удача, даже слишком. Скажу Джуффину, чтобы учил тебя помедленней, и сам не торопись, спешить тебе никак нельзя, один раз уже поспешил, сам себя обогнал, и что хорошего? Хвала магистрам, хоть жив остался... А сюда тебе, пожалуй, придётся залезать на четвереньках, извини, но это ближайший вход в наши подвалы, меня вполне устраивает, а больше никто им не пользуется. Ну, давай же!

Мне действительно пришлось встать на четвереньки, чтобы пролезть в отверстие, которое могло бы называться подвальным окном, если бы было проделано в стене дома или, скажем, сарая. Но оно скрывалось в густой траве, само по себе, никакой стены и в помине не было, так что, по идее, я должен был бы уткнуться носом все в ту же траву, но вместо этого оказался в узком коридоре, освещённом яркими грибными фонарями. Низкий сводчатый потолок производил гнетущее впечатление, но присутствие леди

Сотофы, которая последовала за мной, исправило положение — в том смысле, что я снова перестал придавать значение чему бы то ни было, в том числе и высоте потолка.

— Смешной вход, да? — спросила она, неожиданно по-свойски толкнув меня локтем в бок. — Впрочем, у тебя, кажется, нет вкуса к комической составляющей жизни. Ты много теряешь; с другой стороны, даже этому можно научиться, было бы желание. Пошли-пошли. Это ещё не библиотека.

Некоторое время мы шли молча, потом леди Сотофа снова заговорила:

— Наша библиотека устроена чрезвычайно разумно и удобно. Не сомневаюсь, уж ты-то сумеешь оценить. В первую очередь тебе важно знать вот что. У нас нет ни каталога, ни алфавитного указателя, ни даже более-менее осмысленной расстановки книг, которая могла бы помочь при поиске.

На этом месте я, можно сказать, очнулся. Значит, вот что она считает чрезвычайно разумно и удобно устроенной библиотекой. Ну-ну.

— Чтобы получить какую-то конкретную книгу, достаточно произнести её название — вслух или про себя, не имеет значения. И книга отзовётся. Как именно она отзовётся, никогда заранее не знаешь. Некоторые книги сами падают в руки, некоторые начинают светиться, некоторые поют, некоторые кричат: «Я тут, болван!» — или ещё что-нибудь похуже. В общем, получишь, что искал, будь уверен. Когда название нужной книги тебе неизвестно, все ещё интересней. Ты формулируешь вопрос и внимательно глядишь по сторонам, потому что вопить, светиться и подпрыгивать начинают все книги, имеющие хоть какое-то отношение к интересующей тебя теме. Если будешь с ними ласков — это, имей в виду, не метафора, наши книги очень любят, когда им гладят корешки, — они ещё и открываться станут в нужных тебе местах, сэкономишь кучу времени. Ясно тебе?

Я молча кивнул. Описанная система отношений между людьми и книгами была столь прекрасной и гармоничной, что мне хотелось плакать — некоторые люди, я знаю, испытывают сходное желание, когда слушают музыку. Это желание лишь усилилось после того, как леди Сотофа распахнула одну из бесчисленных дверей, то и дело встречавшихся нам на пути, и мы вошли в зал, заставленный книжными стеллажами. Я сразу понял, что это — идеальная библиотека, возможно лучшая в мире. Трудно сказать, в чем конкретно тут было дело, просто и размеры, и цветовая гамма, и степень освещения, и запах, и температура воздуха — все эти параметры полностью соответствовали моим персональным

представлениям о прекрасном.

— Вижу, тебя придётся вытаскивать отсюда силой, — усмехнулась моя проводница, — Надо же, как тебе понравилось! Что ж, вероятно, когда-нибудь эта библиотека станет твоей, хотя я даже представить не могу, что должно произойти, чтобы такое стало возможным. Но у тебя есть такой дар — делать своей собственностью все, что ты любишь. В этом смысле более алчного человека, чем ты, эта земля ещё не носила. К счастью, любовь не так уж часто посещает твоё сердце, а то даже не знаю, как бы ты выкручивался.

— Вот этого я не понимаю, — сказал я. — Насчёт дара делать своей собственностью.

— Можно подумать, ты понимаешь все остальное! — рассмеялась она. — Впрочем, как раз про дар объяснить проще всего, благо имеется наглядный пример. В своё время ты полюбил могущество, чем это кончилось, ты знаешь не хуже меня. К чему приведёт твоя внезапная любовь к этому помещению, подумать страшно. Вероятно, когда-нибудь ты станешь очень грозным колдуном, соберёшь собственный орден, развяжешь очередную гражданскую войну и отберёшь у нас Иафах. А что, было бы смешно.

— Не успею, — возразил я. — Чиффа говорит, этот Мир скоро рухнет. Ну, то есть... — Я умолк, поскольку не был уверен, что имею право все это рассказывать. Кеттариец называл леди Сотофу своим старинным другом, к тому же она производила впечатление существа, для которого нет вообще никаких тайн, но мало ли.

— Хочешь, скажу секрет? — улыбнулась леди Сотофа. — Только Джуффину не говори, то есть Чиффе, или как там ты его называешь. Ему об этом знать нельзя, а нам с тобой можно. Не проболтаешься?

Я молча помотал головой. Дескать, можете на меня положиться.

— Мир не рухнет, — вкрадчиво сказала она. — Все как-нибудь да образуется. Наш с тобой приятель пересекал Мост Времени всего один раз, а я хожу там почти каждый день. Очень люблю эти прогулки. В сущности, Мост Времени — единственное место, где я могу побыть одна, я имею в виду, по-настоящему одна, потому что там нет даже меня, а это — лучшее, что может случиться с человеком. Впрочем, неважно, сам когда-нибудь поймёшь, что я имею в виду. И сотни лет не пройдёт, думаю... Важно другое: я много раз путешествовала по этому Мосту и видела больше возможных вариантов исхода. Там, на другом берегу, куда чаще торжествует жизнь, чем небытие. Почти всегда. Подробностей не разглядеть, но общая картина хороша, сейчас о таком великолепии и

мечтать нельзя.

Я смотрел на неё во все глаза. Причём впечатлило меня не столько доброе предсказание, сколько её небрежное признание насчёт прогулок по Мосту Времени. Вот, значит, как некоторые коротают досуг.

— А почему вы мне рассказали? — наконец спросил я.

— Потому что это лучшее, что я могу для тебя сделать, — вздохнула она. — Тебе, по-хорошему, не магией сейчас надо заниматься, это всегда успеется. Что тебе действительно необходимо — научиться жить в радости. Нет для тебя ничего труднее, и ничего полезнее тоже нет. Справишься ли, не знаю. Но по крайней мере, теперь ты больше не будешь считать все происходящее совокупностью тщетных усилий накануне неотвратимого конца. И надеяться на лучший исход тебе тоже ни к чему — теперь ты знаешь, он неизбежен. Надежда изматывает, а уверенность позволяет сберечь много сил. Сейчас-то тебе почти все равно, а если хоть немного научишься любить жизнь, оценишь мой подарок.

Пока я пытался переварить все, что услышал, леди Сотофа помахала мне рукой и пошла к выходу.

— Ни о чем не беспокойся, — сказала она. — Никто тебе не помешает, и, что ещё важнее, ты тоже никому не помешаешь. Только не вздумай здесь колдовать. Читай, пиши, спи, если устанешь, — это все. Когда закончишь, я приду и выпущу тебя отсюда.

Оставшись один, я ещё какое-то время неподвижно стоял, переваривая наш разговор. Но потом вспомнил, зачем я, собственно, здесь, выкинул из головы посторонние мысли и стал сосредоточенно думать о Перчатках Смерти и защитных рунах. На ближайшей ко мне полке тут же вспыхнул зеленоватый огонёк, где-то в глубине зала кто-то громко заверещал; я пошёл на шум и обнаружил, что это вопит толстый манускрипт в драгоценном переплёте из кожи арварохского паука. Пока я снимал крикуна с полки, ещё одна книга сама упала к моим ногам. Я поднял её, бережно погладил корешок и неспешно пошёл вдоль стеллажей, высматривая — кто ещё хочет быть прочитанным? Собрав всех желающих, засел за работу и на какое-то время забыл обо всем.

Я провёл в библиотеке Иафаха несколько суток. Исполняя инструкцию леди Сотофы, читал, писал и спал; впрочем, сны мои тоже были заполнены внимательным чтением, так что позже я не смог бы точно сказать, какие сведения почерпнул из книг наяву, а какие мне попросту приснились. Впрочем, я уже начал понимать, что разница между сном и явью не столь велика, чтобы придавать ей значение.

Несколько дней спустя, когда я не без удивления понял, что, кажется,

нашёл исчерпывающий ответ на интересующий меня вопрос, и начал раздумывать, что бы мне ещё почитать, пока есть возможность, леди Сотофа, как и обещала, вернулась, взяла меня за руку и вывела из библиотеки. Она была почти права, когда предполагала, что меня придётся уводить силой. То есть я, конечно, не сопротивлялся, но только потому, что её присутствие почти лишало меня воли. Если бы за мной, скажем, пришёл Чиффа, я бы, скорее всего, стал его уверять, что ещё не закончил работу, и выторговал бы день-другой. А тут встал и пошёл.

На сей раз леди Сотофа была молчалива; я чувствовал, что ей не до меня, и тоже помалкивал. Мы довольно долго петляли по подземным коридорам, пока наконец не остановились перед очередной очень низкой дверью — не настолько, чтобы снова становиться на четвереньки, но пригнуться пришлось бы даже моей невысокой спутнице.

— Войдешь в эту дверь, а выйдешь из кухонного шкафа трактира «Синяя ложка», что на улице Пузырей. Трактир уже год как закрыт, а на улице сейчас глубокая ночь, так что, думаю, обойдётся без приключений, — скороговоркой сказала она. — Ты большой молодец, все у тебя получится, а теперь давай иди, увидимся ещё, и не забывай: все будет очень хорошо. Но не сразу.

Я послушался, распахнул дверь, согнулся в три погибели, шагнул, огляделся и поспешно покинул пустую, холодную кухню заброшенного трактира через окно. Оказавшись на улице, подумал, что корчить сейчас из себя Безумного Рыбника у меня нет ни сил, ни желания, да и жаль тратить время на такую ерунду, а значит, было бы неплохо сразу оказаться дома, — окончание фразы я додумал, уже сидя в своём кресле у погасшего камина. И надо сказать, остался почти равнодушен к собственному достижению. Полезное умение, конечно, хорошо, что я так быстро взял его под контроль, но такого рода фокусы не могут быть настоящей великой целью. Теперь, имея дело с по-настоящему могущественными колдунами, я страстно желал превратиться когда-нибудь в существо, подобное им. Но отдавал себе отчёт, что до этого мне пока очень, очень далеко — в самом лучшем случае.

Поэтому, сказал я себе, кончай с мечтами и принимайся за дело. Чего тянуть?

Миг спустя выяснилось, что с работой все-таки придётся повременить. Я вдруг понял — если чутьё меня не подводит, сейчас откроется дверь, войдёт Чиффа и скажет: «Опять несколько дней не жрал?» Все-таки удивительно, что его всерьёз интересуют такие пустяки. Но если учесть, что за его причудами стоит солидный жизненный опыт и огромное могущество, возможно, мне тоже следует серьезнее относиться к

распорядку дня и режиму питания? Мало ли, вдруг в этом есть какой-то тайный смысл. Дверь распахнулась.

— Опять несколько дней не жрал? — спросил Чиффа строго, насмешливо и одновременно очень добродушно, в точности как я себе представлял.

— В библиотеке не было еды, — откликнулся я. — Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я как раз сидел тут и думал, что надо быть более дисциплинированным в житейских вопросах.

— Правильно думал. Но, подозреваю, ещё какое-то время дальше благих намерений дело не пойдёт. Зароешься в работу и опять обо всем на свете забудешь. Собственно, делу такая одержимость только на пользу, так что буду пока за тобой присматривать, ничего страшного... Ты мне вот что скажи, с защитными рунами разобрался? Знаешь, что теперь делать?

— Знаю. В Иафахе прекрасная библиотека и послушные книги, готовые по первому зову сами упасть в руки. Я нашёл там все, что рассчитывал, и ещё многое сверх того. Десять защитных рун для работы с Перчатками Смерти, по одной на каждый палец, и тайная, одиннадцатая, которую следует единожды, перед началом работы с остальными рунами, начертить на собственном нёбе раствором специального яда, разведённым в такой пропорции, чтобы не умереть, а только, как сказано в тексте, «навсегда отравить кровь». Изумительной красоты концепция, и сами руны ей под стать. Совершенные очертания, благозвучные древние названия...

— Да погоди ты! Куда тебя понесло? Я тебя уверяю, даже если эти грешные руны имеют форму задницы и их названия, все до единого, созвучны слову «задница», но при этом они все-таки сохраняют тебе жизнь, я буду совершенно удовлетворён.

— Это потому, что для вас красота мира — приятное излишество, а для меня — лекарство, — объяснил я.

— Да, действительно. Хорошо, что ты это осознаешь. Скверно, что я об этом забываю. В качестве извинения прими этот горячий пирог индюшатиной. Я его, можешь вообразить, украл. Честность отнимает слишком много времени, в той лавке ещё человек пять желающих толкались. И имей в виду, пока ты его не сожрёшь, я с места не двинусь. Зато потом оставлю тебя в покое и пойду спать. У меня была та ещё ночка, а перед ней — на диво весёлый вечер, которому предшествовал донельзя интересный день. Я охотился на троих старших магистров ордена Лающей Рыбы, а за мной, в свою очередь, зачем-то гонялся начальник Правобережной полиции — нашёл время! Уж не знаю, что случилось с сэром Йохом, то ли на солнце перегрелся, то ли бальзаму Кахара перепил,

до сих пор у него хватало здравого смысла не совать нос в мои дела, а тут вдруг, ни с того ни с сего, — нате вам! Но все закончилось хорошо — в смысле, мало того что он меня не поймал, так ещё и я его при этом не зашиб, что особенно радует. Он отличный мужик, такие раз в тысячу лет рождаются.

Я подумал, что только очень могущественный человек может себе позволить так искренне радоваться, что ему удалось не убить врага. В одной старинной книге я как-то встретил поговорку «сильный великодушен», тогда она показалась мне полной чушью. Но теперь понятно, о чем речь. Когда никого не боишься, можно спокойно и трезво выносить суждения о людях, не интересуясь тем, как они сами относятся к тебе. И, соответственно, оставить в живых опасного противника может позволить себе лишь тот, для кого по большому счёту никто не опасен.

— Я рад, что моё общество доставляет тебе удовольствие, которое ты изо всех сил стараешься растянуть, — насмешливо сказал Чиффа. — Но пирог все-таки ешь. Зря я, что ли, его воровал?

— Спасибо, — поблагодарил я. — Просто слишком много информации, и я не успеваю её обработать.

Подумал, понял, что объяснение вышло невнятное, и добавил:

— Еда — это тоже информация. И вообще все.

— Понимаю. Ты прав, на твоём месте любой захлебнулся бы. Одна Сотофа чего стоит. Но ты справишься. У тебя прекрасная голова, несмотря ни на что.

— Вот да. Леди Сотофа, — сказал я, разрезая пирог. — Кто она. что это было? Они все такие в ордене Семилистника? Но если так, почему война затянулась надолго? Они же одним взглядом могут всех победить.

— Ну уж — все! Сотофа одна такая в Мире. Девочки у них, впрочем, все ничего, но ей в подмётки не годятся. Мужчины — тем более. Если бы не Сотофа, у Семилистника не было бы ни единого шанса — не только выиграть войну, вообще уцелеть. Но ребятам повезло, Сотофа — человек чести, она их никогда не бросит. С другой стороны, если бы не она, их Великий Магистр не остался бы без Тени, и тогда, кто знает, возможно, все было бы не столь безнадежно.

— Примерно после слов «никогда не бросит» я перестал вас понимать, — заметил я. — Хотя речь, мне кажется, пошла о чрезвычайно интересных вещах. Как человек может остаться без тени? Он перестаёт её отбрасывать? В жизни не слышал ни о чем подобном. И какой от этого может быть вред? Впрочем, я допускаю, что дела ордена Семилистника и леди Сотофы меня не касаются...

— Да уж конечно не касаются, — подтвердил Чиффа. — Но поскольку ты пока не раздобыл для себя защитные руны, помогающие не умереть от любопытства, придётся спасать твою жизнь ещё раз. Боюсь, со временем это станет дурной привычкой, и я стану спасать тебя трижды в день, как сейчас курю трубку. Кошмарная перспектива. Вот он, истинный Ужас Магов, а вовсе не глупости, которыми пугают непутёвых младших магистров их просвещённые наставники.

Я уже привык к его манерам и окончательно перестал обращать внимание на насмешливые интонации. Если такое могущественное существо ведёт себя столь причудливо, вероятно, у него есть на то серьёзные причины, которых я пока не понимаю, как и многого другого, увы. А ведь подумать только, большую часть жизни я считал себя очень умным и блестяще образованным человеком.

— Так вот, Тень, — продолжил Чиффа. — Речь вовсе не о той тени, которую отбрасывает человек в солнечный день. Дела обстоят примерно так: у каждого живого существа есть своего рода двойник — брат, сестра, как ни назови, это лишь ещё больше нас запутает. Другое живое существо, неизвестной и непонятной нам, а потому неопикуемой природы. Обитает оно в совсем иной реальности, устройство которой я тебе объяснить не могу, потому что сам толком не знаю. Там я пока не был. Могу только сказать, что отличий между нашими Мирами куда больше, чем между тобой нынешним и Безумным Рыбником, но и сходства — не меньше. Так понятно?

— Более или менее. Насколько это вообще возможно. Продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо. Продолжаю. Между человеком и его Тенью, безусловно, существует прочная связь. Но ощутить эту связь и уж тем более осмысленно взаимодействовать с Тенью может только чрезвычайно могущественный колдун, получивший к тому же соответствующую подготовку. Для всех остальных знание о Тени совершенно бесполезно. Бессмысленная, неинтересная сказка, которая только вносит путаницу в мысли и будит ненужные фантазии. Поэтому, а вовсе не по какой-то иной причине это знание, скажем так, не слишком распространено. Как и всякая настоящая тайна, оно само себя стережёт, не обременяя посвящённых обетом молчания. Зато для колдуна, сумевшего наладить с Тенью хотя бы некое подобие контакта, открываются совершенно неопикуемые перспективы. Я не преувеличиваю. Тот, кто лично знаком со своей Тенью, неуязвим и непобедим, всегда бодр, радостен и почти бессмертен, но таких — раз, два и обчёлся. Впрочем, в этом деле всякая малость на пользу, один

раз услышать голос своей Тени во сне — уже великое дело. Причём, насколько я понимаю, встреча полезна обеим сторонам. Поэтому иногда Тень сама прикладывает усилия, чтобы контакт состоялся. Мне рассказывали, бывает даже так, что человек не представляет собой ничего выдающегося, магии не учится и вообще ничему, живёт спустя рукава, зато его Тень оказывается великим магом — там, у себя дома, — и в конце концов добивается своего. И наш бездельник практически даром получает все дары, которые сулит связь с Тенью. А уж когда оба чего-то стоят и стараются наладить связь, результат превосходит самые смелые ожидания. У Нуфлина Мони Маха, насколько мне известно, именно такой случай. Сам он, что бы ни говорили его враги, был чрезвычайно способным и неутомимым колдуном, особенно в юности. О, думаю, тогда ему не было равных, благо Король Мёнин уже давно исчез, Лойсо Пондохва ещё не повзрослел, а остальные достойные противники занимались своими делами и не принимали участия в соревнованиях... Так вот, Тень Нуфлина, как я слышал, оказалась ему под стать. Когда эти двое встретились, началось нечто невообразимое. Именно тогда Нуфлин основал орден Семилистника, и от желающих присоединиться отбоя не было, опытные старики охотно становились младшими магистрами, потому что чуяли силу, как кошки свежее мясо, и не собирались упускать возможность подойти поближе к кормушке. Какое-то время, то есть несколько столетий, дела обстояли примерно таким образом. Я-то, конечно, пою с чужих слов, потому что в ту пору жил в Кеттари, где, кроме всего, водил нежнейшую дружбу с девочкой по имени Сотофа. В один прекрасный день эта красotka объявила, что у неё, видите ли, внезапно обнаружилось Призвание, поэтому все, включая меня, идут в задницу, а она едет в столицу, где поступит в первый попавшийся орден, куда её согласятся взять, поскольку, если она немедленно не начнёт серьёзно изучать магию, всему конец. Аргумент, что и говорить, сильный, кто-кто, а я ни за что не встану между человеком и его Призванием, даже если такой поступок будет в моих интересах. В общем, Сотофа укатила в Ехо, а я остался в Кеттари, поскольку незадолго до описанных событий мой наставник заваялся неведомо куда, объявив, что у меня есть лишь один способ отблагодарить его за обучение — присматривать за этим городом ещё триста лет, так что своей воли у меня было куда меньше, чем у тебя сейчас. Сидел, как дурень, в кресле шерифа, делал вид, будто меня всерьёз беспокоят карманники да картёжники; впрочем, более важные дела у меня тоже имелись, но о них я тебе пока рассказывать не стану, и так уже знаешь больше, чем способен переварить. Для нашей истории только то и важно, что юная Сотофа отправилась в Ехо

и я на время перестал следить за её делами.

Чиффа выразительно посмотрел на пирог, которым я, заслушавшись, совсем перестал заниматься, укоризненно покачал головой, извлёк из кармана трубку и принялся её набивать.

— Продолжение этой истории я узнал много позже, когда честно оплатил свои счета и наконец приехал в столицу. Вышло так, что первым делом Сотофа заявила в резиденцию ордена Семилистника, причём не из каких-то особых соображений, а лишь потому, что гостиница, в которой она остановилась, была в двух, что ли, кварталах от Явного входа Иафаха, вот она и уткнулась носом в ворота, свернув за ближайший угол. Конечно, её тут же взяли в послушницы, поскольку девочка молодая и способная, такую никто не упустил бы. Какое-то время она там потихоньку чему-то училась, пока в один прекрасный день не попала на глаза Великому Магистру Нуфлину Мони Маху. Все бы ничего, но Тень Нуфлина в этот момент была рядом с ним. И, увидев Сотофу, Тень полюбила её больше жизни. Немыслимо! Я больше никогда не слышал ничего подобного — чтобы в человека влюбилась чужая Тень. Однако факт остаётся фактом, Тень Нуфлина решила, что знать ничего не знает, а хочет теперь быть Тенью Сотофы, и у неё хватило силы и мастерства это устроить. С тех пор у Сотофы две Тени, а у Нуфлина — ни одной.

— И что это значит? — спросил я.

— Это значит, что Нуфлин утратил на первый взгляд малую, но чрезвычайно важную часть себя и с тех пор живёт за счёт силы, накопленной в юности, но все равно понемногу стареет и чахнет. Всякое пламя гаснет, если его не кормить, а Нуфлин, с юных лет избалованный близостью своей Тени, не потрудился изучить другие способы. Меж тем они есть, поверь мне, безвыходных ситуаций вообще не бывает, вернее, они — лишь следствие человеческой склонности считать всякий затруднительный случай безнадёжным... Ну а Сотофа стала тем, чем стала, ты давеча сам имел счастье любоваться и, если я все правильно понял, узнал о ней несколько больше, чем способны увидеть человеческие глаза. И едва пережил это откровение. Неудивительно, когда я сам увидел её впервые — я имею в виду, после долгого перерыва, — мне тоже стало здорово не по себе, хотя, казалось бы, видывал я вещи и пострашнее, чем старые подружки. Но все-таки — единственное в этом Море существо о двух Тенях. Лойсо Пондохва, искренне полагающий себя лучшим из лучших, от зависти удавился бы, если бы с нею познакомился, бедняга! Но это вряд ли, Сотофа с некоторых пор больше не интересуется Великими Магистрами, даже очень красивыми... Ах да. Самый интересный нюанс

этой истории. Нуфлин, по всей видимости, так и не узнал, что случилось. То есть он, конечно, понимает, что остался без Тени, но как и почему, это ему неизвестно. Он, в общем, молодец, справляется как может, делает хорошую мину при скверной игре, хотя от прежнего могущественного основателя ордена уже почти ничего не осталось. Ну а Сотофа, разумеется, очень хорошо знает, что произошло. Из первых, так сказать, рук. Её вины в этом, конечно, нет, она вовсе не намеревалась похитить Тень Великого Магистра и вообще в тот момент не подозревала о её существовании, таким вещам её попросту не учили. И все же она решила принять на себя ответственность за последствия. В первую очередь сделала стремительную карьеру в ордене, чтобы иметь возможность нянчиться со своим ополоумевшим Великим Магистром, как с неразумным младенцем. И большую часть времени выглядит как старуха, ты сам видел, — из чувства солидарности, так сказать, чтобы Нуфлину не было грустно стареть в одиночку. Кроме того, именно она сделала Иафах совершенно неприступным и поддерживает его в этом состоянии, принимает все важнейшие стратегические решения, следит, чтобы молодые магистры наделали не больше глупостей, чем это допустимо, и воспитывает для ордена замечательных девочек. Такой большой компании превосходных ведьм, как у Сотофы, даже в древности никому не удавалось собрать. Почти во всех известных мне орденах мужчины мельтешат на виду, а женщины за их спиной стараются делать дело, это общая тенденция, но орден Семилистника держится исключительно на Сотофе и её девчонках. При том, что о них мало кто слышал; некоторые умники считают, что в Семилистнике вообще нет женщин или почти нет. Сотофа этим чрезвычайно довольна. А что ж, пока тебя не принимают всерьёз, твои руки развязаны — этому я именно у неё научился, хоть и трудно мне было сначала принять такую концепцию.

Я был изрядно озадачен его рассказом. Причём драматическая история про сбежавшую Тень Великого Магистра, которую я так толком и не понял, удивила меня гораздо меньше, чем мнение Чиффы о женщинах орденов. До сих пор я смотрел на вещи совершенно иначе. Даже в ту пору, когда я водил близкую дружбу с женщинами ордена Дырявой Чаши и учился у них чрезвычайно интересным вещам, о которых прочие мои ровесники не имели понятия, я высокомерно полагал, что мои могущественные подружки — просто своего рода украшение ордена, дань древним традициям, а так-то практической пользы от них немного. Поэтому теперь я был изрядно сбит с толку. Чиффу это, кажется, изрядно забавляло, но вслух он меня не подначивал. Вероятно, действительно устал после

трудного дня.

— Ну а чего ты хочешь? — наконец заговорил он. — Конечно, Мир устроен не так, как ты себе это до сих пор представлял. Скажу больше, я уверен, он устроен даже не так, как я себе сейчас представляю. И именно это делает его особенно привлекательным.

Я неопределённо пожал плечами. Дескать, предположим, я согласен, и что с того? Все равно я предпочёл бы иметь под ногами более твёрдую почву, хоть и понимаю, что такая роскошь в ближайшее время мне не светит.

— У Сотофы есть один пунктик, — неожиданно улыбнулся Чиффа. — Она искренне уверена, что мужчинам лучше бы держаться подальше от серьёзного колдовства. Дескать, вреда от нас больше, чем толку. Конечно, она признает, что есть исключения. Вот мы с тобой, например. Такие прекрасные, а все равно — немного не то. «Какой хороший мальчик, жалко, что не девочка» — это её наивысшая похвала, большего ты от неё не дождёшься. Причём на первый взгляд с нею можно согласиться. Женское колдовство почти не наносит ущерба Сердцу Мира. Если бы в орденах были только женщины, Мир ещё долго не подошёл бы к самому краю.

— Впервые о таком слышу. — Больше ничего я не мог на это сказать.

— Ты почти обо всем слышишь впервые, — отмахнулся он. — Это неважно. Важно другое: когда дело доходит до Истинной магии, никакой разницы нет. Хумгат, знаешь ли, не разглядывает, что у кого под скабой. Удивительно все-таки, что Сотофа этого не понимает. Удивительно.

— Ну почему, — я возразил неожиданно для самого себя. — Наверное, я бы тоже снисходительно относился к человеку, чья Тень предпочла меня хозяину. Возможно, если бы человек был женщиной, я бы стал снисходительно относиться ко всем женщинам, а если бы он был, скажем, из Ландаланда — ко всем ландаландцам.

— Так то ты, — ухмыльнулся Чиффа. — Тебе можно, ты пока молодой и глупый. А Сотофа — почти моя ровесница. И одно из самых могущественных существ, каких когда-нибудь носила эта земля. Впрочем, наверное, она сама долго и тщательно выбирала себе подходящую слабость, чтобы не стать совершенством раньше времени... Ладно, половину пирога ты все-таки сожрал под мою сказку. Вторую прикончишь самостоятельно. А я пойду домой, поскольку больше всего на свете люблю спать, но почему-то слишком мало времени уделяю этому прекрасному занятию. Такая непоследовательность не делает мне чести.

— Подождите, — попросил я. — Только один вопрос.

— Хочешь узнать, научу ли я тебя, как связаться с Тенью? Не знаю.

Все может быть. Но вряд ли тебе понадобится моя помощь. Скорее всего, ты сделаешь это сам. Или даже не ты. У тебя вполне может оказаться могущественная Тень, сэр Шурф. Кстати, это многое бы объяснило. Хорошего утра.

Он ушёл, а я остался. И засел за работу, поскольку, в отличие от погони за Тенью, к которой вообще не известно, как подступиться, Перчатки Смерти были делом неотложным.

Дальше рассказывать особенно нечего. Дождавшись полудня, я ещё раз посетил Сумеречный рынок, закутавшись в шимарское лоохи, без особых проблем отыскал там все, что мне требовалось, а потом приготовил ядовитый раствор, и первая, самая главная защитная руна, как и было обещано в древнем рецепте, не убила меня, а лишь навсегда отравила мою кровь. Дальнейшее было делом техники. На остатках раствора я замешал специальную несмываемую краску, начертил на ногтях защитные руны и наконец вернулся к изготовлению перчаток.

Чиффа регулярно меня навещал и искренне радовался всякий раз, обнаружив, что я по-прежнему жив. Мне это, надо сказать, пошло на пользу. Я имею в виду, что, когда в Море вдруг появляется человек, который предпочитает видеть тебя живым, а не мёртвым, это постепенно смягчает характер. Особенно если прежде дела долгое время обстояли иначе, как это было в моем случае.

Так или иначе, но сведения о рунах, которые я отыскал в библиотеке Семилистника, оказались достоверными, инструкция, записанная в моей тетради мёртвой рукой, — подробной и понятной, а я не совершил ни одной серьёзной ошибки, претворяя эти новые знания в жизнь. Примерно три дюжины дней спустя Перчатки Смерти были готовы. Причём я сам, без чужих подсказок, заранее подумал, что мне понадобится ящик для их хранения, нашёл в отцовском шкафу красивый деревянный ларец работы куманских мастеров и украсил его все теми же защитными рунами, расположив их в особой последовательности, специально предназначенной для защиты неживого. Когда я сидел в библиотеке Иафаха и читал описание ритуала, все не мог понять, с какой стати может понадобиться «защищать неживое», а тут наконец-то сообразил.

Чиффа был чрезвычайно доволен и, как мне показалось, изрядно удивлён, поскольку до последнего момента ожидал подвоха. Он тут же потащил меня на охоту — опробовать обновку. Тогда же мы обнаружили, что убивает только моя левая перчатка, бывшая рука Кибы Аццаха, которую я извлёк из магического кристалла. Правая перчатка, сделанная из руки магистра Йука Йугтари, убитого в драке, обладала милосердным нравом —

она лишь парализовала жертву, не причиняя ей никакого вреда. Чиффа по этому поводу пришёл в восторг, а мне было все равно, потому что к тому времени я как-то незаметно выучился быть равнодушным вообще ко всему — в смысле, стал столь искусно игнорировать бушующие в моем сердце бури, что сам почти поверил, будто никаких бурь нет вовсе. И не было никогда.

Так прошли без малого три дюжины лет, о которых мне почти нечего рассказать. Они, конечно, были насыщены событиями, потому что Чиффа то и дело подбрасывал мне работу, без особых скидок на неопытность. Если бы в юности мне показали поимённый список моих будущих жертв, я был бы счастлив и горд, а теперь лишь чувство долга понуждало меня производить все эти, в сущности, бессмысленные действия: изменив облик и запах, покидать свой кабинет, часами сидеть в засаде, убивать каких-то малоинтересных мне посторонних людей, получать за это деньги, которые я почти не имел возможности тратить, а потому просто сваливал в кучу на чердаке отцовского дома. Чиффа, я видел, находил в делах такого рода азарт и удовольствие, вполне искренне радовался всякому успеху; впрочем, редкие неудачи тоже его веселили, поскольку сулили новый, ещё более захватывающий виток игры. Я же просто старался безупречно выполнить порученную работу. Думаю, если бы мне пришлось переписывать королевские указы или, скажем, чинить амобилеры, моё отношение к работе не изменилось бы. Надо — значит, надо, соберись, забудь о собственных предпочтениях и делай дело. Если удача твоя окажется столь велика, что доживёшь до утра, получишь передышку, снова будешь вдыхать воздух, глядеть по сторонам, слушать звуки, прикасаться, к чему пожелаешь, станешь ходить, лежать, летать, спать и видеть сны; все это не вернёт тебе утраченную способность радоваться, зато подарит наслаждение, и это лучше, чем ничего, уж во всяком случае много больше, чем можно было рассчитывать, потому что рассчитывать тебе, честно говоря, было не на что.

Но если вам показалось, будто мне все эти годы жилось тяжело, значит, я ввёл вас в заблуждение, не нашёл нужных слов, чтобы сказать: существование моё наконец исполнилось совершенно особого смысла, в нем не осталось места ни страданиям, ни страху; в то же время мне было абсолютно все равно, хороша моя жизнь или плоха, и этот новый взгляд на вещи стал для меня подлинным сокровищем. Потому что Чиффа, конечно, очень правильно говорил — дескать, если тебя не принимают всерьёз другие люди, это развязывает руки; так вот, когда ты сам перестаёшь придавать значение себе и своей жизни, узнаешь вкус подлинной свободы.

Во всяком случае, со мной вышло именно так.

И конечно, была в моей тогдашней жизни чрезвычайно важная составляющая, назвать которую счастьем мне не позволяет лишь внутренняя потребность в точных определениях. Однако это было очень похоже на счастье: я все время чему-нибудь учился. Чиффа оказался прекрасным наставником, а я, надо думать, был почти идеальным учеником, по крайней мере, меня не нужно было ни понукать, ни уговаривать, ни призывать к серьёзности. В результате мы оба были друг другом чрезвычайно довольны, а это, насколько я знаю, большая редкость.

Вас, наверное, позабавит моё замечание, но только теперь мы приблизились к началу истории, которую я изначально намеревался вам рассказать. Вступление моё, мягко говоря, несколько затянулось, это противоречит всем известным мне законам композиции, но я отдаю себе отчёт, что из всех сидящих за этим столом законами композиции интересуюсь только я сам, а значит, интересам слушателей не было нанесено существенного ущерба. Это отчасти примиряет меня с собственным несовершенством.

Ранней осенью — я сам только сейчас сообразил, что все наиважнейшие, ключевые события моей жизни почему-то происходили именно осенью, кроме разве что рождения; родился я, если верить отцовским воспоминаниям, в конце зимы. Можно подумать, моей судьбе очень нравится, как звучит слово «осень», особенно в моем исполнении. Когда я говорю: «Однажды осенью», она замирает от удовольствия и бежит сочинять для меня какое-нибудь новое приключение, которое непременно случится осенью, когда же ещё.

Кстати, там, у нас дома, в Ехо, сейчас тоже осень, так-то.

Но не буду больше отвлекаться. Итак, ранней осенью три тысячи сто восемьдесят седьмого года эпохи орденов мы с Чиффой ужинали в крошечной рыбацкой забегаловке, расположенной на границе двух безымянных прибрежных селений страны Ташер. Тут, наверное, следует отдельно разъяснить, что мы почти каждый вечер отправлялись поужинать туда, где нет ни единого шанса встретить знакомое лицо. Лучше всего для этого подходили страны, удалённые от Соединённого Королевства на максимально возможное расстояние. Ну, положим, отправляться в Арварох нам все же в голову не пришло бы: на этой неприветливой земле мы были бы вынуждены коротать досуг, отбиваясь от воинственных аборигенов и гигантских птиц, да и поужинать там толком негде, если только очередной завоеватель Арвароха не пришлёт приглашения к своему столу, а 11а это надежды мало.

Конечно, мы с Чиффой были не единственные такие умники. Многие уставшие от почти столетней войны магистры, с грехом пополам овладевшие искусством Тёмного Пути, предпочитали отправляться на отдых в Куманский халифат, благо жизнь там роскошна и относительно дешева, нравы более чем свободные, кухня отменная, а наивные местные жители обычно столь восхищены возможностью познакомиться с настоящими угуландскими колдунами, что им в голову не придёт прикинуть расстояние до Сердца Мира и сообразить, что грозный заморский гость сейчас беспомощен, как младенец. Поэтому Кумон и Капутту мы считали прекрасными местами для охоты и использовали соответствующим образом. А для дружеских обедов и прочих развлечений в таком духе выбрали Ташер — маленькую приморскую страну с превосходным тёплым климатом, невежественным, но дружелюбным населением и кухней столь изысканной, что я до сих пор не могу понять, каким образом ташерским поварам удаётся добиться столь блистательных результатов, не прибегая к Очевидной магии, использовать которую на большом расстоянии от Сердца Мира, разумеется, совершенно невозможно.

Я снова отклонился от темы, зато вы получили хоть какое-то представление о моей тогдашней жизни. Как я уже говорил, в ней было немало приятных сторон. Взять хотя бы возможность коротать вечера в полной тишине, на пустынном берегу тёплого моря, в обществе прихваченной из дома книги или Чиффы, беседы с которым доставляли мне не меньшее удовольствие, чем чтение, поскольку он оказался неисчерпаемым источником интересных и полезных сведений и, в отличие от меня самого, прекрасным рассказчиком.

Итак, мы в очередной раз ужинали в облюбованном нами рыбацком трактире, где были чуть ли не единственными завсегдатаями и даже специально приплачивали хозяину, чтобы он не вздумал ни прикрывать заведение, ни, напротив, зазывать к себе новых клиентов. Чиффа был в тот вечер на удивление молчалив — если, конечно, сравнивать с его обычной говорливостью. То есть он не молчал, уставившись в одну точку, а кое-как поддерживал беседу, пересказывал мне придворные сплетни, щедро приправленные историческими справками, куда более увлекательными, на мой взгляд, чем описания актуальных событий, но вид при этом имел рассеянный и отрешённый. Зная его, я, конечно, ни на миг не сомневался, что рассеянность эта — показная и нужна она лишь затем, чтобы меня заинтриговать и таким образом подготовить к некоторому важному сообщению, которое будет сделано в конце ужина. Зная, в свою очередь, меня, Чиффа прекрасно понимал, что особенности моего восприятия

делают ответ на уже возникший вопрос гораздо более ценным и заслуживающим внимания, чем любая другая, сколь угодно важная информация, ставшая моим достоянием по инициативе собеседника и, следовательно, не оплаченная ни ожиданием, ни попытками догадаться самостоятельно. Потому и тянул паузу. Я вообще со временем убедился, что за всяким его действием всегда стоял точный расчёт. Чиффа даже трубку свою раскуривал не когда попало, а только в нужный момент — чтобы, к примеру, создать атмосферу душевного разговора или, скажем, обеспечить себе возможность в любой момент незаметно для окружающих использовать весьма эффективное древнее оружие, известное некоторым специалистам по эпохе Ульвиара Безликого под названием Дым Никруеха.

Вот и тогда он принялся набивать трубку не потому, что хотел закурить после еды, а чтобы дать мне понять: мы пока не встаём из-за стола и никуда не уходим, следовательно, важный разговор состоится прямо сейчас.

Я вопросительно приподнял бровь и изготавился слушать.

— Вот ты думаешь, я нарочно тяну паузу, а я действительно не могу решить, с чего лучше начать, — сказал Чиффа. — Наверное, давай так. Я сперва должен сказать тебе вот что: все мои предыдущие задания, советы и просьбы были завуалированными приказами; мы с тобой оба это прекрасно знали, никакого недопонимания на сей счёт между нами не было, и хорошо. На сей раз не так. Моя просьба будет именно просьбой, а не приказом. В своё время я взял на себя обязательство руководить твоей жизнью, но оно не даёт мне внутреннего права насильственно втягивать тебя в смертельно опасную игру. Зато предложить тебе выбор — играть или стоять в стороне — я, конечно, могу. Поэтому решение будешь принимать сам — после того, как меня выслушаешь.

Вступление вышло, что и говорить, впечатляющее. Даже меня проняло, хотя меня в ту пору вообще ничего не могло глубоко затронуть, как я уже говорил. Но оказалось, не «ничего», а «почти ничего» — существенная разница! Не сомневаюсь, именно на это Чиффа и рассчитывал. Тогда-то я, конечно, поверил его разглагольствованию насчёт выбора, но относиться к ним серьёзно сейчас — увольте. Когда человек вроде Чиффы предлагает тебе самостоятельно принять решение, это означает лишь одно: он заранее знает, какой выбор ты сделаешь, и это целиком соответствует его собственным планам.

Но, повторяю, это мне только теперь стало понятно. А в тот вечер я ни на миг не усомнился в его искренности.

— Тут такое дело. Мне заказали Лойсо, — небрежно заметил Чиффа. И снова умолк, давая мне возможность хорошенько осознать сказанное.

— Вас попросили убить Лойсо Пондохву? Великого Магистра ордена Водяной Вороны, я правильно понял? — на всякий случай уточнил я.

Чиффа кивнул и принялся раскуривать трубку, давая мне возможность высказаться более развёрнуто. Но сказать мне было почти нечего. Разве что спросить, не будет ли более милосердным сразу отправить заказчика в Приют Безумных. Несколько дюжин Кристаллов Смирения, и он больше никогда никого не будет просить о невозможном. Потому что Чиффа, конечно, очень могущественное существо. Очень. У меня человеком его назвать не всегда язык поворачивается. Но Лойсо Пондохва есть Лойсо Пондохва. Даже когда я был Безумным Рыбником, практически ничего не соображал и, соответственно, ничего не боялся, имя Великого Магистра ордена Водяной Вороны обычно действовало на меня отрезвляюще. По крайней мере, я понимал, что Лойсо мне не по зубам. И это понимание — вероятно, единственное, что с тех пор для меня не изменилось.

Впрочем, вопрос насчёт Приюта Безумных так и остался незадаанным. Ясно же, что заказчик, скорее всего, носит королевскую шляпу, а придворных знахарей до конца войны к нему близко не подпустят, потому что, исцелившись, Его Величество Гуриг Седьмой вполне может лишиться своих полководческих талантов, а это было бы несколько преждевременно.

— Нет-нет, не Король, — Чиффа покачал головой, отвечая на мои невысказанные предположения. — То есть он тоже этого хочет, ещё бы он не хотел, но официальный заказчик — Нуфлин. А значит — Сотофа. По крайней мере, она в курсе. И не возражает. Очень настойчиво не возражает, я бы сказал. При том что она в принципе не одобряет кровожадности своего Великого Магистра. И старается его в этом смысле ограничивать. С переменным успехом, но все-таки.

— А почему леди Сотофа сама не убьёт Лойсо Пондохву? — поинтересовался я. — Мне кажется, у неё больше шансов, чем у кого бы то ни было. Или я её переоцениваю?

— Да нет, пожалуй, не переоцениваешь. Мне тоже всегда было интересно почему. У самой Сотофы имеется великое множество ответов на этот простой вопрос, она в них иногда путается, а когда я ловлю её на враньё, смеётся и велит мне отправляться к тёмным магистрам или ещё куда подальше, — что тут будешь делать? Но мне кажется, я понимаю, в чем тут загвоздка. Будь у меня Тень со столь переменчивым сердцем, я бы сам постарался никогда не встречаться с Лойсо.

— Почему?

Теперь я совершенно не понимал его логики.

— Потому что Лойсо Пондохва, дырку над ним в небе, самое

обаятельное существо в этом Море. Никто не может устоять. А Тень, которая уже однажды сбежала от хозяина... Нет, Сотофа правильно делает, что не рискует. Хороша бы она была!

— А вообще это возможно — убить Лойсо Пондохву? — спросил я. — Хотя бы теоретически? Я всегда был уверен, что он бессмертен. Не знаю, кстати, с чего я это взял. Но когда речь идёт о колдуне вроде Лойсо, бессмертие как бы само собой разумеется. Нет?

— В чем я совершенно уверен, так в это в том, что твоя левая рука превратит его при удобном случае в горсть пепла, как всякое другое живое существо, — если, конечно, ты не забудешь надеть свои Перчатки. Да и у меня самого в запасе имеется пара-тройка прекрасных способов превращения бессмертного в мертвеца. Проблема в том, что Лойсо это знает. И меня к себе не подпускает. И не подпустит никогда, он не дурак. Я был удивлён.

— Не думал, что проблема выглядит именно таким образом. Мне казалось, Лойсо невозможно убить, а его просто трудно поймать — правильно?

— Скажем так, его почти невозможно убить и почти невозможно поймать, — безмятежно сказал Чиффа. — Но «почти» — воистину волшебное слово, я его очень люблю. Небольшой шанс у тебя есть. Вопрос в том, захочешь ли ты им воспользоваться. Вообще-то, конечно, рановато отправлять тебя на такую охоту. Я бы предпочёл сделать это, скажем, лет через сто. Но Лойсо надо убить сейчас. Пока он жив, война не закончится, а для всех нас это вопрос больше чем жизни и смерти. Ничего не поделаешь, именно так обстоят дела.

Я хорошенько обдумал все услышанное, все взвесил и твёрдо сказал:

— Я не верю.

— Чему именно? Что Лойсо возможно убить? Или что он — единственная реальная причина затянувшейся войны? Но...

— Нет, я не верю, что вы не можете к нему подобраться. Помните, вы напоили меня своей кровью, чтобы я мог поспать и мёртвые магистры меня не узнали? Собственно, они по сей день не узнают меня — с тех пор, как я побывал в Хумгате. Вы тоже можете отправиться в Хумгат или просто напиться чужой крови — к примеру, моей. Впрочем, я почти не сомневаюсь, что есть великое множество других способов, о которых я пока не знаю.

— Кстати, не такое уж великое. Раз, два и обчёлся. Впрочем, неважно. Я понимаю твоё недоверие. Я и сам, собственно, до последнего времени думал, что сумею обмануть Лойсо. Но я потратил почти год на бесплодные

попытки, и ничего не вышло. Он всегда меня узнает, как бы я ни хитрил. А потом оставляет на пороге моего дома — дальше-то ему не пробраться — любовные послания, вроде этого.

Он вынул из кармана аккуратно сложенный лист плотной зеленой бумаги и протянул его мне. К моему удивлению, там были не слова, а рисунок. Кривая длинноносая рожица с косыми глазами и высунутым языком. Будь на моем месте кто-то другой, ему пришлось бы прилагать усилия, чтобы не рассмеяться: рисунок был отличной, узнаваемой и очень злой карикатурой на Кеттарийского Охотника. Поскольку оригинал сидел напротив, это было особенно очевидно.

— Хорошая шутка — для студента-первокурсника, — ухмыльнулся Чиффа. — И это самый ужасающий колдун нашего времени! Дитя неразумное. Впрочем, это, конечно, куда более тонкое издевательство, чем может показаться на первый взгляд.

Лойсо меня раскусил. Знает, что самая моя большая слабость — дети. Я имею в виду, люди, которые всю жизнь остаются детьми — в сердце и не только. Понятно почему: всякий стремится к тому, чего ему самому не хватает, а я, сколько себя помню, всегда был слишком взрослым. Даже лёжа в колыбели, раздумывал, что все вокруг живут неразумно и все делают неправильно, только я один знаю, как надо. Сейчас смешно вспоминать, но это ничего не меняет... И вот Лойсо подбрасывает мне все эти трогательные свидетельства своего мальчишества. Дескать, посмотри, дурень, на кого охотишься. Ребёнка решил умучить? Остроумный ход, кто бы спорил. Но со мной такие фокусы, хвала магистрам, не работают.

Все это было чрезвычайно интересно, но я счёл необходимым вернуться к основной теме нашей беседы.

— Так, значит, вы уже год пытаетесь поймать Лойсо?

— Ну да.

Я подумал и понял, что это, пожалуй, звучит весьма правдоподобно. И многое объясняет. В частности, участившиеся исчезновения моего наставника. Прежде он никогда не оставлял меня без присмотра больше чем на пару дней, а в последнее время стал пропадать надолго. Причём всякий раз строго-настрого предупреждал меня, чтобы я ни в коем случае не вздумал посылать ему зов, дескать, это может стать настоящей катастрофой, если случится не вовремя. К тому времени мы уже выяснили, что я, если нужно, могу пробиться с Безмолвной Речью к кому угодно, защитные барьеры для меня не препятствие. Чиффа говорил, что все дело в моей способности концентрироваться на задаче, оставаясь при этом абсолютно равнодушным к результату. Собственного мнения на сей счёт у

меня не было, но я полагал это своё умение чрезвычайно полезным и при всяком удобном случае старался его тренировать.

— Все ещё хуже, я уже почти год пытаюсь хотя бы начать ловить Лойсо, — сказал Чиффа. — И дальше этого дело не идёт. Это меня сердит. Я не привык играть по таким правилам. Обычно мне удаётся заставить жертву врасплох или, напротив, разозлить настолько, чтобы желание покончить со мной при личной встрече стало сильнее разумной осторожности. С Лойсо такие дешёвые приёмы не работают. Его, конечно, можно понять. У него есть великая цель — присутствовать при разрушении Мира. А ещё лучше — самолично поспособствовать его скорейшему наступлению. Что он рассчитывает выгадать, я в точности не знаю. Но подозреваю, его переполняют примерно те же прекрасные фантазии, что и тебя, когда ты подбирался к орденским аквариумам, только масштабы совсем иные. При таком раскладе встреча со мной ему действительно ни к чему. Именно сейчас Лойсо очень не хочет — не только умереть, даже потерять на время форму для него катастрофа. Риск становится нежелательным, когда ставки так велики. Это, надеюсь, понятно.

Я пожал плечами. Какая разница, почему Лойсо Пондохва не желает назначать свидание Чиффе. Вполне достаточно того, что на сегодняшний день это — так. А нам надо, чтобы было иначе. Ничего не попишешь.

— А почему вы думаете, будто у меня есть шанс? — наконец спросил я.

— Только потому, что ты можешь заставить его врасплох. Лойсо не принимает тебя всерьёз, я уже не раз говорил, как это важно. Ты молодец, не забываешь время от времени развлекать горожан выходками Безумного Рыбника. Поскольку делаешь это без особого удовольствия и интереса, пошли слухи, что Безумный Рыбник понемногу теряет силу. Именно теперь, когда ты по-настоящему опасен, тебя никто не боится. Это настолько прекрасно, что слов нет! И конечно, никто не подозревает, что у тебя есть Перчатки Смерти. Зато все заинтересованные лица уверены, что они есть у меня. Уж прости, сэр Шурф, но мне пока достаётся вся твоя слава. Это несправедливо, зато очень полезно.

Я укоризненно покачал головой. Знает же, что мне нет никакого дела до так называемой славы. С этой точки зрения высокомерия у меня только прибавилось: люди представлялись мне слишком незначительными персонами, чтобы я стал интересоваться и тем более дорожить их мнением о себе. Единственное существо, чью симпатию я с некоторых пор искренне хотел заслужить, обитало неведомо где, называлось неведомо как и, скорее всего, вообще не имело понятия о том, что я есть. Потому что если бы у

него тоже обнаружился старший товарищ, готовый объяснить, что у каждого имеется Тень, встреча с которой сулит немислимые ощущения и невообразимые перемены, это было бы воистину удивительное совпадение. Я на такое не особо рассчитывал.

— Если ты разозлишь Лойсо как следует, он захочет тебя убить, — мечтательно сказал Чиффа. — На его месте кто угодно решил бы, что проще избавиться от назойливого мальчишки, чем терпеть его приставания. Тем более риска — никакого. Ну, то есть он будет уверен, что никакого. А у тебя Перчатки Смерти и прекрасная реакция. Просто великолепная реакция, сэр Шурф, я не преувеличиваю. Пока ещё похуже, чем у меня самого, ну так я пятьдесят дюжин лет тренировался, а ты — тридцать с хвостиком.

— Ну, Лойсо небось тоже лет шестьсот учился, — заметил я. — Если не больше.

— Больше, больше. Он постарше меня, а в Высокую школу Холоми поступил чуть ли не младенцем. Но при встрече с тобой он будет расслаблен и небрежен. Он же не сражаться с равным придёт, а так, заглянет на минуточку, чтобы уничтожить негодного мальчишку и бежать дальше по своим делам. Ты сам, при всем моем уважении, вряд ли стал действовать на пределе своих возможностей, если бы возникла необходимость убить, скажем, Толстую Флосси. Или её близнецов. Я имею в виду, до того, как я тебе о них рассказал.

Чиффа, не сомневаюсь, нарочно вспомнил о Флосси, чтобы поднять мне настроение. Толстая Флосси была самой добродушной и одновременно бестолковой лавочницей на обоих берегах Хурона. Её сыновья-близнецы, тощие белобрысые подростки с круглыми птичьими глазами, напротив, были редкостными пакостниками, однако бестолковостью пошли в мать, поэтому их неутомимые попытки как-то навредить посетителям лавки обычно заканчивались полным провалом, к полному удовольствию потенциальной жертвы. В лавку Толстой Флосси ходили не столько за покупками, сколько за развлечениями, как в цирк. Если у вас скверное настроение, много свободного времени и дешёвое лоохи, о котором, в случае чего, не станете рыдать, визит к Флосси на предмет закупки продуктов для ужина — именно то, что требуется. Возможно, именно поэтому никому не приходило в голову их обижать. Я сам не трогал эту семейку, даже когда был абсолютно безумен, — очень уж жалкие существа. Чиффа, однако, по секрету поведал мне, что под личиной Толстой Флосси и её шумных сыновей скрывается его старинный друг, один из самых могущественных колдунов этого Мира, достаточно мудрый, чтобы

отказаться от какого бы то ни было участия в неразберихе, вошедшей в историю под названием Смутные времена, но слишком любопытный, чтобы покинуть столицу в разгар таких интересных событий. Поэтому он распустил орден Часов Попятного Времени, Великим Магистром которого являлся на протяжении нескольких тысячелетий, и занял, по его собственным словам, «самую удобную ложу поближе к сцене». Уж не знаю, каким образом этот колдун умудрялся существовать в трех телах одновременно, но, по словам Чиффы, для могущественных людей такие фокусы — скорее дополнительное удовольствие, чем тяжкий труд, а мне оставалось лишь верить ему на слово.

— Ты, с точки зрения Лойсо, ничем не будешь отличаться от любого из мальчишек Флосси, — сказал Чиффа. — И это — твой шанс. Наш общий шанс одним махом покончить с войной и вплотную заняться исцелением умирающего — я имею в виду этот Мир. Если вся эта свистопляска затянется ещё на дюжину лет, я, пожалуй, сдамсь и начну присматривать для себя уютный домик на окраине какой-нибудь иной вселенной. И для тебя подыщу где-нибудь по соседству, так и быть. На морском берегу, конечно же. Я в курсе, что ты без ума от моря.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — Очень любезно с вашей стороны дать мне понять, что моя собственная участь не зависит от того, соглашусь ли я охотиться на Лойсо.

— Разумеется, не зависит. Когда я говорю человеку, что он должен сам сделать выбор, это означает, что я заранее согласен с любым возможным решением. Я не могу предложить тебе никаких особых наград, если ты рискнёшь сразиться с Лойсо. Но и никакого наказания на случай отказа не предусмотрено. В наших с тобой отношениях в любом случае ничего не изменится. Шантаж — дело хорошее, но я стараюсь по возможности обходиться без него, когда имею дело со своими. К счастью, своих не так уж много, а то даже и не знаю, как бы я выкручивался, — Чиффа скорчил отвратительную гримасу, совсем как на давешней карикатуре, и дружески мне подмигнул.

Я, впрочем, прекрасно понимал его тактику. Чиффа неплохо меня изучил и, соответственно, знал, чем меня можно пронять. Если бы он поставил мне жёсткие условия, посулил награду, пригрозил наказанием, мне было бы гораздо проще отказаться от его предложения. Трудно придумать наказание, которое хуже почти гарантированной скорой гибели. Можно, но трудно. О наградах и говорить глупо. А этот хитрец оставил меня наедине с моим чувством долга и моими же представлениями о чести. Они были серьёзными противниками, ничем не хуже Лойсо Пондохвы. Я

хочу сказать, что у меня почти не было шансов с ними справиться. Но я решил попробовать.

— Мне нужно подумать, — сказал я. — Пожалуй, останусь тут, на пляже. Заплыву подальше, лягу на дно и постараюсь понять, как мне следует поступить. Всегда предпочитал принимать важные решения в ванной, а море — это гораздо лучше.

— Как скажешь, — невозмутимо кивнул Чиффа. — Мне посидеть на берегу или прийти завтра?

— Завтра. Мне надо побыть одному.

— Понимаю. Тогда до встречи.

Чиффа встал из-за стола и тут же исчез, ушёл Тёмным Путём по каким-то своим делам. А я остался один, как и хотел. Расплатился с трактирщиком и пошёл вдоль берега, стараясь шагать по почти неразличимой в темноте границе между мокрым и сухим песком. Мне почему-то казалось, это очень важно сейчас — аккуратно ступать по вертлявой черте, как по канату. Я и теперь время от времени так хожу, благо границ великое множество — между мостовой и тротуаром, между травой и дорогой, между темнотой и освещённым участком, да мало ли между чем и чем. Смысла в этом не много, просто мне так нравится.

Несколько часов отдыха и размышлений на дне моря пошли мне на пользу. Обдумав все, я окончательно убедился, что вполне могу не выполнять просьбу Чиффы. Во-первых, он сам так сказал — этого довольно, когда речь идёт о человеке, который имеет достаточно силы и внутренней правоты, чтобы потребовать от тебя чего угодно. Во-вторых, мне ясно дали понять, что конец этого Мира не станет концом лично для меня. Чиффа недвусмысленно обещал, что в любом случае поможет мне эвакуироваться. Очень хорошо. Жизнь в какой-то иной реальности — лучшее, о чем я сейчас вообще могу мечтать. В-третьих, отказаться от предложения убить Лойсо Пондохву не стыдно. Я же не стыжусь того факта, что не пытаюсь изо дня в день покончить с собой. И не считаю это проявлением трусости. Чиффа, похоже, придерживается такого же мнения; к тому же, при всем моем к нему уважении, собственное мнение о себе для меня много важнее.

Я почувствовал облегчение. Откажусь, а там пусть все идёт, как идёт. Зная Чиффу, я не сомневался, что у него есть в запасе ещё несколько хитроумных идей. Не может такого быть, что я — его последняя надежда. В конце концов, в этом Мире полным-полно куда более могущественных и умелых колдунов, чем я. Взять хотя бы этого загадочного господина, который прикидывается толстой мамашей и двумя её сыновьями

одновременно. Да и леди Сотофа вряд ли действительно так уж боится, что её краденая вторая Тень сбежит к Лойсо, мало ли что Чиффа мне говорил, небось сам на ходу придумал это невразумительное объяснение. И ещё с полдюжины немыслимых приятелей у моего наставника наверняка найдётся, не сомневаюсь. Не может такого быть, что никто из них не вмешается, если наши дела пойдут совсем уж скверно. Не может такого быть.

Приняв решение, я встал и пошёл по дну по направлению к берегу. Это была прекрасная прогулка. Кроме обычного удовольствия, которое мне всегда доставляет хождение под водой, я испытывал изрядное облегчение. Очень приятно, оказывается, позволить себе не умирать. Воистину изысканное наслаждение. Хотя, казалось бы, что может быть проще и естественней.

И только выбравшись на берег, я вдруг понял, что какая-то часть моего существа чрезвычайно недовольна принятым решением. Голос её был тих, невнятен, он не оставлял места сомнениям. «Упускаешь шанс, идиот. Величайший в своей жизни шанс совершить невозможное» — вот что она говорила.

Хуже всего, что это был мой собственный голос и моё собственное желание. А все разумные аргументы против, которые я столь тщательно подбирал, принадлежали моей маске, совершённого сосуду, прекрасно подходящему для хранения хаоса, который по сей день оставался моей сокровенной сутью. И всегда ею останется.

Я не стал обманывать себя. Даже не пытался. Факты выглядели так: я хочу убить Лойсо Пондохву — на любых условиях, вернее, почти на любых. При этом у меня нет к нему никаких личных претензий; собственно, я уже забыл, что это такое — личные претензии. Я хочу убить его только потому, что это невозможно, а если время от времени не совершать невозможное, непонятно, зачем вообще было рождаться на свет. Вот и все.

Это было очень неожиданное открытие. Я хочу сказать, что как-то незаметно забыл, каков я на самом деле. Давно перестал понимать, где заканчиваюсь я сам и начинается моя маска, очень уж хорошо она на мне сидела, была впору, не мешала ни дышать, ни смотреть по сторонам, и вообще не мешала — до сегодняшнего дня. Но теперь все вдруг прояснилось. Я таков, каков есть, в этом смысле ничего не изменилось, просто я обрёл способность держать себя на цепи — хорошее, полезное дело, но это не значит, что цепь следует затягивать слишком туго, умирать заживо нет дураков, во всяком случае, я точно не из их числа. Поэтому

придётся, пожалуй, сделать то, чего я на самом деле хочу, — попробовать убить Лойсо, а там будь что будет.

Утром я вернулся в рыбацкий трактир, где уже сидел в ожидании завтрака Чиффа. Ещё издали, увидев его довольную физиономию, я понял — он не сомневается, что я поступлю, как он хочет, потому что прекрасно знает: мы оба хотим одного и того же. Собственно, все его задания, советы, просьбы и поручения всегда укладывались в формулу «немедленно сделай то, чего хочешь сам», — только этого, в сущности, и можно требовать от людей, если желаешь, чтобы они делали все по-твоему.

Вместо приветствия я сказал:

— У меня два вопроса. Первый: если я буду убит, мои мертвецы меня поймают?

— Нет. Да и с чего бы? Они же больше не ловят тебя на пороге сна, потому что не узнают. А граница между жизнью и смертью похожа на границу между сном и бодрствованием. Моих скудных, в сущности, знаний об этом предмете достаточно, чтобы утверждать — разница не столь велика, как может показаться.

— Просто чувствую, что, умирая, вполне могу снова стать Безумным Рыбником, — сказал я. — Смерть — серьёзная встряска, от такого любая маска может слететь в самый последний момент. И что тогда?

— В таком случае маска Безумного Рыбника точно так же с тебя слетит. Не думаешь же ты, будто являешься им на самом деле? Но поскольку считать возможным следует абсолютно все, что приходит в голову... Ладно, смотри. Я вполне в состоянии окончательно уничтожить Кибу Аццаха и Йука Йуггари. И мог сделать это с самого начала. Кроме всего, это был бы очень милосердный поступок по отношению к ним. Оставаться тем, во что они превратились, несладко. Но я пальцем о палец не ударил, потому что это твоё дело — ты его начал, ты и должен когда-нибудь завершить. Это не моя придурь, а очередное правило, из тех, что без нужды лучше не нарушать. Но если ты погибнешь, заканчивать твои дела будет некому — кроме меня. И я, будь спокоен, все улажу. Это я тебе твёрдо обещаю.

— Ладно, — сказал я. — Принято. Теперь второй вопрос. Если я убью Лойсо, вы позволите мне его съесть?

Чиффа поглядел на меня с неподдельным изумлением.

— Сожрать Лойсо Пондохву? Целиком? Ты что, действительно этого хочешь? Ну у тебя и фантазия!

— Это не фантазия. Общеизвестно, что, съедая могущественного врага, можно получить его силу. Если, конечно, соблюдать определённые

ритуалы, а не просто котлеты из него жарить.

— Общеизвестно, видите ли... Как по мне, это просто ваше угуландское суеверие и ничего больше. Я однажды сдуру решил проверить, сожрал одного колдуна, вполне себе могущественного, и ничего, кроме изжоги, не заработал.

— Потому что вы были сильнее, — объяснил я. — Есть менее могущественного человека, чем ты сам, совершенно бессмысленно. А может быть, даже вредно.

— В любом случае я не очень понимаю, что именно ты собираешься жрать. Твой единственный шанс убить Лойсо — Перчатки Смерти. Если все получится, от него останется только пепел.

— Ничего, — я был твёрд. — Съем пепел.

— Делай что хочешь, — отмахнулся Чиффа. — Крутиться у тебя под ногами и кланяться: «Оставь кусочек!» — я точно не стану.

— Хорошо, — решил я. — На таких условиях я согласен попробовать.

— Все-таки, сэр Шурф, ты чудовище, — вздохнул Чиффа. — Или самое прекрасное существо в этом Мире, это как посмотреть. Впрочем, я уже не раз говорил тебе что-то в этом роде.

— И я по-прежнему не понимаю, что именно вас так восхищает, — заметил я. — Мне кажется, моя личность не представляет собой ничего выдающегося. Впрочем, это совершенно неважно.

— Вот именно. Теперь слушай внимательно, — сказал он. — За сердце хватать тебя на сей раз не буду, и так все запомнишь, если захочешь. Имей в виду, я, конечно, могу повторить инструкции и дважды, и трижды, но лучше без этого обойтись. В идеале, мы с тобой должны расстаться после завтрака и встретиться на похоронах Лойсо. Если я буду хотя бы изредка появляться рядом с тобой, он учует моё присутствие. И станет относиться к тебе гораздо серьезнее. А это — провал.

— Он и так учует ваше присутствие, разве нет? — спросил я. — Мы же довольно долго были рядом. И вы имеете на меня огромное влияние.

— Это как раз дело поправимое. Дам тебе одну уандукскую пилюлю, называется «Улада покинутого». Вот ты глядишь на меня с недоумением, а любой нормальный человек под столом от хохота валялся бы, услышав это название. Я сам валялся, когда знакомый купец привёз мне в подарок коробку этого добра.

— А что смешного в этом названии? Обычно я теоретически понимаю, почему людей веселят те или иные вещи, хоть и не смеюсь сам. Но сейчас мне действительно непонятно.

— Ну как же! Название отсылает нас к знаменитой уандукской

любовной магии, ради практического изучения которой в прежние времена, я имею в виду до войны, все столичные студенты проводили каникулы в Кумоне или Капутте. Соль в том, что пилюли действительно из арсенала уандукских любовников. Их принимают, когда хотят не просто смягчить горечь разлуки, но и освободиться от влияния неверного возлюбленного. Я хочу сказать, когда люди долгое время проводят вместе, они перенимают вкусы и привычки друг друга, а расставшись, бывают рады избавиться от этих приобретений, да не выходит, слишком уж все перепутано и переплетено. А курс пилюль позволяет мгновенно развязать этот узел. Хлоп — и как не было ничего! Память, конечно, хранит лица, имена и события, но не более того.

— Очень интересно, — сказал я. — И, не сомневаюсь, чрезвычайно полезно в некоторых житейских ситуациях. Но мне-то зачем? Я дорожу нашей дружбой, но вряд ли стану страдать, если нам придётся расстаться на год или даже больше, а я по-прежнему буду курить ваш любимый сорт табака, к которому успел пристраститься.

— Да погоди ты, — отмахнулся Чиффа. — Твоё согласие поохотиться на Лойсо совершенно не отменяет необходимости слушать не перебивая, когда я рассказываю важные вещи.

— Да, действительно, — согласился я. — Прошу прощения. И все же...

— И все же, дай мне закончить. Я как раз собирался сказать, что многие, если не все заморские зелья изменяют свойства, попав к нам, в Сердце Мира. И «Услада покинутого» становится у нас превосходным способом не только избавиться от влияния неверного возлюбленного, но и скрыть свою связь от тех, кого это не касается. Одна пилюля — и, с точки зрения самого проникательного колдуна, ты будешь выглядеть, пахнуть и вести себя как человек, последние несколько лет просидевший взаперти, в полном одиночестве. Очень удобно. И что прекрасно — кажется, никто, кроме меня, об этих свойствах зелья пока не прознал. Потому что только мои приятели делают мне столь нелепые подарки. А так-то «Усладу покинутого» даже на Сумеречном рынке не отыщешь, спроса на неё нет, чем-чем, а переизбытком чувствительности угуландцы никогда не страдали. Так что сожрёшь пилюлю, и, думаю, даже Лойсо ничего не учует. Ему в голову не придёт, что мы с тобой знакомы. В любом случае других идей у меня нет. Твоя способность к концентрации поразительна, но, боюсь, даже ты не сумеешь одним волевым усилием вычеркнуть меня из собственного опыта.

Он замолчал, я кивнул, давая понять, что готов слушать дальше.

— После того как мы расстанемся, ты вернёшься в Ехо и продолжишь разыгрывать партию Безумного Рыбника, как делал все эти годы. С одной поправкой: ты начнёшь вполне настоящую, серьёзную охоту на адептов ордена Водяной Вороны. Убей, кого сможешь, да хоть парочку послушников, все равно, лишь бы твой повышенный интерес к людям Лойсо стал очевиден. Делай что хочешь, только Перчатки Смерти не надевай. Но ты, хвала магистрам, и без них кое-что можешь.

Я снова кивнул. Кое-что, несомненно, могу. Никаких возражений.

— Одновременно постарайся как-то достать Лойсо. Я почти уверен, ты сможешь вступить с ним в безмолвный диалог. У меня, скажу сразу, не получается.

Но ты в этом деле давно меня превзошёл. По крайней мере, ты способен пробиться ко мне через любую защиту, а я к тебе — лишь в те моменты, когда ты не слишком увлечён чтением.

— Это было всего один раз, — напомнил я.

— Ничего, впечатлений мне хватило надолго. Думаю, с тех пор тебе просто не попадались настолько захватывающие тексты.

Тут он, конечно, был прав.

— Напоследок могу помочь тебе подобрать ключик к сердцу Лойсо, — неожиданно сказал Чиффа. — Из бесчисленных слухов и сплетён, которые о нем ходят, Лойсо по-настоящему льстит лишь предположение, будто убитые им люди не умирают по-настоящему, а возрождаются к жизни в каком-то ином Мире, восхитительном и совершённом или просто чрезвычайно подходящем для приятной жизни — тут мнения расходятся...

— Это правда?

— Скорее всего, чушь собачья. Способность воскрешать, убивая, древние тексты приписывают лишь Вершителям. Лойсо — не Вершитель, это совершенно точно. Так что вряд ли. При всем моем уважении.

— А что такое Вершитель? Я читал, так называли Короля Мёнина, но думал, это просто часть его титула.

— Это не часть титула, — вздохнул Чиффа. — Это могущество совершенно особого рода, нам с тобой такое и не снилось. И не приснится, даже если каждую ночь засыпать в объятиях собственной Тени. К счастью, в нашей с тобой жизни есть свои бесхитростные радости. Например, этот омлет с сыром из молока морской козы. Или, скажем, потребность время от времени совершать что-нибудь невозможное. Вот это удовольствие, в отличие от омлета, Вершителям уж точно недоступно, потому что для них возможно все. Вообще все, прикинь. Арварохский Мёртвый Бог может рыдать от зависти.

— Вы шутите? — спросил я.

— Я серьёзен как никогда. Убийственно серьёзен, можно сказать. Впрочем, все это не слишком актуально, о Вершителях поговорим как-нибудь потом. Лучше просто запомни байку, которую я тебе рассказал, и имей в виду, Лойсо её очень любит. Если он по какой-то причине решит тебя пощадить, можешь рассказать ему свою трагическую историю о мёртвых магистрах и попросить, чтобы убил тебя из милосердия. Дескать, устал прятаться от непобедимых врагов и хочешь начать все сначала.

— Сомнительная какая-то идея.

— Как скажешь, дело хозяйское. Вот, держи «Усладу покинутого», а я пошёл.

— Как, уже?

Я был неприятно удивлён. После того как Чиффа сказал: «Теперь слушай внимательно», я все ждал каких-то невероятных откровений. А практически ничего интересного не услышал. Несколько вполне очевидных советов, какая-то дурацкая уандукская пилюля и ещё более дурацкая байка на закуску. А эти его туманные рассказы о каких-то Вершителях словно бы специально придуманы, чтобы дразнить меня чужим могуществом. Дескать, что ты ни делай, как из собственной шкуры вон ни лезь, да хоть Лойсо Пондохву убей, а на самой вершине тебе не стоять никогда. Я здорово рассердился, почти как в старые времена, но, конечно, виду не подал, с чем, с чем, а уж с гневом я давно научился справляться. И все же надо говорить правду, в первую очередь себе: испытывать гнев было очень приятно. Я уже начал забывать насколько.

— Рад, что тебе оказалось несложно войти в роль, — невозмутимо сказал Чиффа. — В ближайшее время тебе придётся проводить в таком состоянии довольно много времени. Я имею в виду, что Безумный Рыбник вполне может погулять на воле. Не забывай только вовремя укладывать его спать. Колыбельная тебе известна: вдох на счёт четыре, пауза, выдох...

— Уже давно на счёт шестьдесят шесть, — сказал я. — В остальном вы, конечно, абсолютно правы.

Он кивнул, приветливо мне улыбнулся, поднялся было из-за стола, но в последний момент передумал, вернулся на место и сказал:

— Я, конечно, рад бы следить за тобой и ситуацией в целом, чтобы вытащить тебя из игры, если что-то пойдёт не так. Но не буду. У Лойсо прекрасное чутьё, а моё внимание имеет резкий запах, придётся пока направить его на совсем другие вещи. Но ты и сам можешь остановиться в любой момент, помни об этом. Я имею в виду, если ты почувешь неладное или просто по какой-то причине передумаешь, выходи из игры. Я никогда

прежде тебе этого не говорил, но «Победа любой ценой» — не мой девиз. Мой девиз звучит иначе: «Победа, недорого». Мы, кеттарийцы, прижимистый народ.

— Хорошо, — кивнул я. Подумал и добавил: — Спасибо.

— Честно говоря, не за что, — ухмыльнулся Чиффа. — По крайней мере, пока.

Потом он ушёл, а я остался. Повертел в руках большую пилюлю цвета пустынного мёда и положил её в рот. Вкус у пилюли тоже был медовый, приторно-сладкий, как у большинства уандукских зелий, а больше я ничего особенного не почувствовал.

Вернувшись домой, я приступил к последовательной реализации нашего плана. На первом этапе это было легко и отчасти даже приятно. Безумный Рыбник все чаще будоражил столицу своими выходками и заодно развлекал меня самого. Теперь, когда ярость и упоение силой находились под моим контролем, удовольствия от них можно было получить не меньше, а даже больше, чем в прежние времена. Это было чрезвычайно интересное открытие. Я почти сожалел, что не потрудился сделать его раньше, тогда от моих регулярных выступлений в этом качестве было бы куда больше радости. Но, конечно, лучше поздно, чем никогда.

Я почти оставил в покое трактирщиков и лавочников, которые и так изрядно уже пострадали во имя сохранения легенды о Безумном Рыбнике, зато не прошло и дюжины дней, как я выследил и убил одного за другим трех послушников ордена Водяной Вороны, позаботившись о том, чтобы свидетели уцелели и могли сообщить имя убийцы всем желающим его узнать. К старшим магистрам ордена я даже не подступался, понимая, что мне пока нечего им противопоставить, кроме Перчаток Смерти, наличие которых следовало скрывать любой ценой. Зато кое-как справился с одним из младших, а второго, его совсем юного приятеля, напугал до полусмерти и заставил бежать с поля боя. Я решил, все к лучшему, очень рассчитывал, что он пожалуется своему Великому Магистру и Лойсо наконец захочет мне отомстить, но этого почему-то не случилось. Лойсо Пондохва и пальцем не пошевелил. Не искал меня, не посылал за моей головой своих людей; насколько я знаю, даже на словах не пообещал, что на досуге мною займётся. Это было довольно странно, поскольку до сих пор попытки задеть ребят из ордена Водяной Вороны никому не сходили с рук. В прежние времена Лойсо убивал даже городских сплетников, которые отзывались о нем без подобающего почтения, это было общеизвестно. Но меня он демонстративно игнорировал. Словно бы и не было на свете никакого Безумного Рыбника, мало ли что люди болтают.

Впрочем, я почти не сомневался, что рано или поздно добьюсь своего. Всякому терпению есть предел.

И вряд ли Лойсо Пондохва являет собой образец смирения. Не то у него воспитание и не те привычки. Я, со своей стороны, делал что мог, одного за другим убил ещё трех младших магистров ордена Водяной Вороны; должен сказать, все они оказались серьезными противниками, всякий раз жизнь моя висела на волоске, и мне нередко приходило в голову, что надо бы, наверное, отступить, пока не поздно, потому что охотиться на основателя и главу ордена, с младшими магистрами которого едва можешь справиться, все-таки сущее безумие. Но потом я вспоминал о Перчатках Смерти — с таким кукишем в кармане у меня, пожалуй, все-таки оставался небольшой шанс, поэтому я всякий раз подавлял желание послать зов Чиффе и сказать: «Я выхожу из игры».

Так прошло больше полугода. Началось лето. Я старательно безумствовал согласно специально составленному распорядку: не больше шести часов в сутки; ровно столько же времени следует посвятить дыхательным упражнениям, больше — можно, меньше — ни в коем случае, потому что Безумный Рыбник только и ждёт возможности взять власть надо мной в свои руки. Впрочем, как я ни старался, но искренности в моих представлениях с каждым днём становилось все больше, и это мне не слишком нравилось. А Лойсо Пондохва по-прежнему знать не желал о моем существовании. Я начал думать, что Чиффа напрасно был так уверен, что наше с ним сотрудничество оставалось тайной для всех. Скорее всего, Лойсо прекрасно понимает, кто за мной стоит, и в этом случае его поведение, конечно же, вполне объяснимо.

Наконец я не выдержал неопределённости и послал ему зов. Это был, можно сказать, жест отчаяния. — Мне не нравилась идея вступать в переговоры с намеченной жертвой — хотя бы потому, что прежде я так никогда не поступал. Но тянуть было бессмысленно, я зашёл в тупик и очень хорошо это понимал.

Я не сомневался, что, послав зов Лойсо, нарвусь на защитный барьер и потрачу много времени и сил, чтобы добиться своего. Но он откликнулся сразу, словно уже не первый день ждал возможности со мной поговорить. Если вам когда-нибудь доводилось всем своим весом обрушиваться на дверь, которая вдруг, вопреки ожиданиям, оказывается незапертой, вы поймёте, что я почувствовал.

«Я тебя очень внимательно слушаю», — в устах Лойсо Пондохвы это вкрадчивое приветствие прозвучало весьма неожиданно.

«Я хочу тебя убить, Лойсо», — сказал я. И умолк, не понимая, что тут

ещё можно сказать.

«Какая оригинальная причуда! — тут же отозвался он. — С чего бы это вдруг? Хотел бы я знать, как способные молодые люди приходят к столь безрассудным идеям?»

Его вопрос застал меня врасплох. Стыдно признаться, но я совершенно не подготовился к разговору, хотя времени на это у меня было предостаточно. Но мне в голову не приходило, что Лойсо станет со мной вот так запросто болтать, да ещё задавать вопросы, которые требуют ответов. Был почему-то уверен, что он будет так возмущён моей наглостью, что тут же примчится меня убивать. Поэтому пришлось сказать первое, что пришло в голову: «Мне надоело довольствоваться кровью слабых».

Глупо, конечно, зато вполне в духе Безумного Рыбника.

«О, как я тебя понимаю! — откликнулся Лойсо. — Кровь слабых всюду, куда ни глянь, жидкая кровь слабых, глаза бы на неё не глядели. Каждое утро вместо кружки камры — чаша с кровью слабых! И что тут будешь делать? Бедный, бедный Рыбник. Заведи себе приличного повара, вот мой совет. Ты же богатый наследник, насколько мне известно. И в любом случае оставь меня в покое. Ничем не могу быть тебе полезен».

Переговоры, таким образом, зашли в тупик. Поэтому мне пришлось начинать все сначала.

«Я хочу убить тебя, Лойсо».

«Будь честен хотя бы с собой. Расстановка сил тебе известна, иллюзий быть не должно. Твоя настойчивость свидетельствует, что на самом деле ты хочешь умереть от моей руки, — откликнулся он. — Экий нетерпеливый. Скоро этот Мир прекратит своё существование и ты вместе с ним. Или ты не любишь заниматься важными вещами в большой компании? Такие предпочтения делают тебе честь, но все же это твои проблемы. Я не обязан их решать. Убей себя сам — да хоть о ближайшую стену».

Лойсо оказался прекрасным собеседником, но я не мог показать себя достойным партнёром в диалоге и продемонстрировать понимание. Для этого пришлось бы выйти из роли, а такую роскошь я не имел права себе позволить. Разумное поведение могло бы насторожить и менее проницательного человека, чем Лойсо Пондохва. Хотя, если быть совсем уж честным с собой, роль неменяемого болвана меня тяготила. Обаяние Лойсо было таково, что мне сразу захотелось ему понравиться. Потом я не раз слышал, что все его жертвы чувствовали то же самое. Думаю, так оно и есть.

Но чему-чему, а выдержке я, хвала магистрам, успел научиться. Поэтому продолжил в том же духе: «Мне нет дела до того, когда прекратит

своё существование Мир. Мне нужна твоя кровь, поэтому я хочу тебя убить».

«Ты глупый и буйный, как все молодые колдуны, — откликнулся Лойсо. — И в голове у тебя каша. Все могло бы сложиться иначе, если бы твой дурень отец бросил тебя на пороге моей резиденции, вместо того чтобы тащить в орден, где его самого из способного мальчишки быстро превратили в полное ничтожество. Знаешь ли ты, что я бы согласился взять тебя в ученики? Твой отец об этом прекрасно знал, но не посмел ссориться со своим орденским начальством. И думаю, дело не только в этом. Родители почти всегда инстинктивно, но безошибочно выбирают для своих детей наихудшую участь из всех возможных. И чем больше любви испытывает человек к своему ребёнку, тем сильнее в нем потаённый инстинкт убийцы. Интересный парадокс, да? Но сделанного не воротишь, теперь ты слишком взрослый, да и времени почти не осталось, так что не станем грезить о несбыточном».

Он говорил очень интересные вещи, но я упрямо гнул своё, поскольку именно так вёл себя в бытность Безумным Рыбником. Ещё раз повторил: «Я убью тебя, Лойсо» — и умолк.

«Твоя настойчивость вызывает сочувствие, но убить меня невозможно. Я бессмертен, и с этим ты ничего не сможешь поделать. Тебе не достанется ни единого глотка моей крови. И ни единого шанса выжить у тебя не будет. Поэтому подумай как следует».

«Тут не о чем думать, — отрезал я. — Я хочу тебя убить. Это все».

«Ладно, посмотрим, — неожиданно сказал Лойсо. — Может быть, я тебя все-таки убью, если уж так неймётся. Иногда надо делать людям подарки».

После столь обнадеживающего обещания Лойсо исчез из моего сознания, и я не стал связываться с ним снова. Эта, можно сказать, дружеская беседа почему-то совершенно меня вымотала. Если бы Лойсо заявился ко мне прямо сейчас, я бы вряд ли нашёл в себе силы поднять руку, о прочем уж и не говорю.

Но он не заявился. Зато прислал мне зов — ночью, когда я лежал на спине, глядя в потолок, и, забыв обо всем на свете, медленно вдыхал и выдыхал воздух. Его появление оказалось полной неожиданностью. К нападению я уже был более-менее готов, а вот к необходимости поддерживать беседу — нет.

«Днём у меня не было времени с тобой болтать, — сказал он. — Теперь есть. Нынче ночью у меня никаких развлечений. Поэтому будем говорить. Мне интересно».

«Что может быть интересного в болтовне? — вполне искренне огрызнулся я. — Лучше приходи. Будешь развлекать меня разговорами, чтобы не было скучно грызть твою глотку».

«А ты забавный, — обрадовался Лойсо. — Только знаешь что? Кончай придуриваться. Я вижу тебя насквозь. И знаю, что ты вовсе не такой безумный болван, каким зачем-то притворяешься. Ты давно держишь своё безумие под контролем, это совершенно очевидно. Не знаю, из каких соображений ты продолжаешь ломать комедию, но со мной этот номер не пройдёт. Только удовольствие упустишь. Я имею в виду, удовольствие от беседы. Что касается моей глотки, она тебе не по зубам, причём ты сам это прекрасно понимаешь. Но зачем-то упорствуешь, как будто и правда безумен».

Он меня раскусил, что тут скажешь. Оставалось одно — стать искренним. Не до конца, конечно, до какого-то предела, но только искренность могла сейчас спасти ситуацию.

«А я действительно безумен. Тот факт, что я это контролирую, ничего не меняет. Поэтому я не прикидываюсь, а просто иногда отпускаю себя на волю. Почему нет? Это — желанный отдых».

«Вот это я как раз могу понять. Я тоже иногда отпускаю себя на волю, — сказал Лойсо. Помолчал и добавил: — Но не слишком часто».

«Интересные дела», — откликнулся я. Потому что не знал, что тут ещё можно сказать.

«Как раз не слишком. Есть вещи и поинтереснее, даже в этом Мире, который, по правде сказать, скучен чрезвычайно».

Мир не казался мне скучным — ни в ту пору, ни сейчас, вообще никогда. Прежде чем с лёгким сердцем объявить его таковым, мне бы понадобилось как минимум перелопатить содержимое всех библиотек, публичных и частных, побывать во всех городах и пересечь все континенты, завоевать Арварох, потом уступить его в сражении новому завоевателю и бежать, прихватив с собой нескольких верных друзей и сундук, набитый драгоценными жуками, поступить на службу к укумбийским пиратам, сделать карьеру при дворе куманского халифа, рыбачить в Ташере и торговать рабами на границе Великой Красной пустыни, поучиться в нескольких университетах, основать и возглавить хотя бы один орден и, конечно, обязательно найти свою Тень и поглядеть, что из этого выйдет. Если бы ни одно из перечисленных действий не показалось бы мне увлекательным, я бы с чистым сердцем согласился с Лойсо. Но и возражать ему я не стал. Что толку?

«Ты стал безумным после того, как выпил воду из орденских

аквариумов? — спросил тем временем Лойсо. — В своё время, три дюжины, что ли, лет назад, об этом много судачили. Самая смешная история в череде дурацких саг об охоте за силой. Лихо ты обстряпал это дельце!»

Он говорил со мной насмешливо, но и одобрительно, совсем как Чиффа. То ли эти двое были похожи, то ли я сам был таков, что опытный, могущественный человек не мог реагировать на меня иначе. В любом случае меня это изрядно бесило — в те редкие моменты, когда я не давал себе труд помнить, что на самом деле мне все равно.

«Я раньше сам думал, что все дело в избытке силы. Но теперь понимаю, что это не совсем так. Когда я выпил воду из орденовских аквариумов, я просто окончательно утратил контроль, — сказал я. — В остальном все осталось как прежде. Думаю, я таким и родился».

«Никто не рождается безумным. Это Сердце Мира сводит нас с ума. Кого-то раньше, кого-то позже. Восприимчивый, чуткий к магии человек не может сохранить здесь рассудок. Никчёмный тупица — да, пожалуй. Если, конечно, считать это убожество рассудком».

Беседа становилась все увлекательней. Я уже не слишком огорчился, что не могу вот так сразу добиться своего и заставить Лойсо ввязаться в драку. Уж больно интересные вещи он рассказывает. Но тут удовольствие и закончилось.

«У меня тут внезапно наметились кое-какие дела, — внезапно сказал Лойсо. — Потом как-нибудь продолжим разговор. Расскажу тебе, как я сам сошёл с ума. И, может быть, подскажу, как с этим можно справиться. Сперва научить уму-разуму и только потом убить — это будет одно из самых бессмысленных, а потому прекрасных деяний моей жизни. Но на порцию моей крови все же не рассчитывай. Так далеко моё великодушие не зайдёт. И свои Перчатки Смерти можешь пока снимать перед сном. Я за тобой не приду. Не сейчас».

Дав таким образом понять, что затея моя провалилась, сюрприза не будет, потому что моё тайное оружие является таковым лишь для несведущих обывателей, Лойсо исчез. А я остался лежать на спине, дурак дураком. Подумал, что надо бы связаться с Чиффой и сказать, что ничего у нас не выйдет. Но потом решил, что это всегда успеется. Потому как вполне возможно, что именно теперь Лойсо и заявится за моей головой. Когда противник советует тебе расслабиться, самое время быть начеку. И тот факт, что Лойсо знает о моих Перчатках, вряд ли помешает им его испепелить — при условии, что я успею поднять руку. А я наверняка успею.

Но Лойсо Пондохва не пришёл за моей головой. Ни в ту ночь, ни на следующую, ни в середине лета. Мне очень не нравилось сидеть сложа руки, но я ничего не мог сделать, кроме как регулярно посылать ему зов. «Да-да, конечно. Ты по-прежнему хочешь меня убить и напиться моей крови, я в курсе, — говорил Лойсо. — Но, видишь ли, именно сейчас я очень занят. Поэтому наберись терпения». Ничего иного я от него добиться не мог.

Терпения мне было не занимать, и оно мне пригодилось. Следующий наш разговор состоялся только в начале осени.

Лойсо снова прислал мне зов ночью, когда я сидел в саду, умирал себя размеренным дыханием и смотрел на звезды. Иных занятий у меня в ту пору не было.

«Так вот, — сказал он так, будто с момента нашей доверительной беседы прошло минут пять. — Я обещал рассказать тебе, как свихнулся. Моя история в каком-то смысле ничем не лучше твоей эпопеи с орденскими аквариумами. Пожалуй, даже ещё более дурацкая. Однажды — в ту пору я был юным, вдохновенным студентом Высокой школы Холоми, лучшим на своём курсе, то есть самым блистательным и беззаботным молодым болваном, какого только можно вообразить, — я задремал над книгой в своей спальне, и мне приснилось, что в изголовье моей постели сидит человек с двумя лицами и твердит как заведённый, с позволения сказать, дуэтом: „Шёл я лесом, вижу мост, под мостом ворона мокнет. Взял её за хвост, положил на мост, пускай ворона сохнет. Шёл я лесом, вижу мост, на мосту ворона сохнет. Взял её за хвост, положил под мост, пускай ворона мокнет. Шёл я лесом, вижу мост, под мостом ворона мокнет. Взял её за хвост, положил на мост, пускай ворона сохнет. Шёл я лесом, вижу мост, на мосту ворона сохнет. Взял её за хвост, положил под мост, пускай ворона мокнет. Шёл я лесом, вижу мост...“ Не сомневаюсь, что тебе уже смертельно надоело, но мне пришлось куда хуже. Я был вынужден его слушать, поскольку больше в этом сне было решительно нечем заниматься, а проснуться я почему-то не мог, хоть и учился с детства повелевать сновидениями. Но оказалось, что грош цена моему высшему баллу. Я был вынужден спать и видеть сон, в котором человек с двумя лицами твердил про ворону. Это продолжалось по меньшей мере несколько часов; впрочем, в какой-то момент я утратил чувство времени. Думаю, слушая его, я получил некоторое представление о природе вечности. Теоретически я помнил, когда он начал бубнить, осознавал, что до этого момента у меня была какая-то другая жизнь, наполненная интересными и важными событиями, но воспоминания не спасали меня от ужасающего,

пронзительного понимания: на самом деле двуликий болван твердил про ворону всегда и я слушал его всегда, у нашей с ним общей истории не могло быть ни начала, ни конца, лишь бесконечное настоящее время, натянутое над моей головой, как огромный тент, закрывающий небо до самого горизонта. С тех пор я знаю, что вечность сильнее человеческой неспособности её постичь. Если уж она решит предъявить себя во всей красе, тут хочешь не хочешь, а примешь её как фундаментальное правило чужой игры, в которую тебя давным-давно втравили, не спросив. И, что ещё хуже, это открытие не убьёт тебя, ты непременно выживешь. Вечность вообще никого не убивает, только сводит с ума. Кстати, если ты понимаешь, о чем я толкую, могу тебя поздравить: ты один такой в Мире. Всем остальным кажется, что я говорю полную чушь. Даже моим старшим магистрам. Они, конечно, ни за что не признаются, вечно делают вид, будто все уяснили, но меня непросто провести».

«Но я, кажется, действительно понимаю».

«Очень хорошо. Я, видишь ли, немного устал жить в Мире, где ни одна скотина не понимает нормальных человеческих слов».

Это признание меня тронуло. Ещё недавно я мог бы сказать о себе то же самое. Конечно, в последнее время судьба одарила меня несколькими встречами с существами, способными понять куда больше, чем я был способен сказать, но, в сущности, это мало что меняло. Я все ещё прекрасно помнил, что это такое — одиночество лучшего из лучших, лестное для самолюбия, но порой почти невыносимое. Лойсо жил гораздо дольше и за это время успел стать действительно лучшим из лучших, а не просто самым большим умником в своём окружении, — каково же было ему? Вообразить невозможно.

«А что было потом? — спросил я. — Ты проснулся? Или это г сон длится до сих пор, а все остальное происходит как бы между делом и не имеет особого смысла?»

«Смотри-ка, ты и правда примерно представляешь, о чем речь. Если бы мы с тобой вдруг решили отправиться за помощью в Приют Безумных, нами занимался бы один знахарь и поместили бы нас в одном корпусе, в соседних спальнях, и Кристаллы Забвения пришлось бы делить пополам... В каком-то смысле так и есть, тот сон длится до сих пор, вечность назойлива, единожды прицепившись к твоему рукаву, уже никогда не отпустит. Но, конечно, моя память хранит сведения о том, как и чем он закончился».

Лойсо замолчал, и я попросил: «Продолжай».

«Я слушал двуликого до тех пор, пока не понял, что его дурацкая

бесконечная история про ворону и мост — история обо всех делах человеческих. Превосходная, наглядная, поучительная метафора! Что бы ни делал человек, в конечном итоге окажется, что он посвятил свою жизнь просушке вороны, которую сам же перед этим намочил. Или, наоборот, увлажнению сухой вороны, которую после этого снова придётся сушить. Это — все, на что способны люди. И ещё спорить друг с другом о том, какой путь является истинным: сушить или мочить? А если и то и другое, то в какой последовательности? Все войны в истории Мира начинались по сходным поводам. И ладно бы только войны... В то время как совершенно очевидно, что ворона дохлая и смердит. Она издохла давным-давно, задолго до того, как самый первый человек в Море взял её за хвост, чтобы положить на мост. Или наоборот. Понимаешь? Подозреваю, что да. Тем хуже для тебя».

«Пожалуй, понимаю. Хочешь сказать, при таком раскладе следует быть вороной, а не прохожим? Мёртвой вороной, которая вдруг воскресла и теперь сама решает, мокнуть ей или сохнуть? И никому не позволит убрать её с этого грешного моста, пока ей самой не заблагорассудится удалиться?»

«Кажется, ты действительно кое-что понимаешь. Ты довольно умен, хоть и безумен; впрочем, такое сочетание — обычное дело. Я и сам таков. Напоследок открою тебе секрет: ворона так и не воскресла. И не думала воскресать. Как околела за дюжину миллионов лет до Халлы Махуна Мохнатого, так с тех пор и валяется дохлая. Но она все равно никому не позволит брать себя за хвост и перемещать с места на место. И это лучше, чем ничего».

Голос Лойсо становился все тише, пока наконец не исчез из моего сознания окончательно. Я с досадой подумал, что он, конечно, прекрасный собеседник — глубок и остроумен, да и рассказывает поразительные вещи, однако любовь к эффектам в нем явно сильнее стремления передать смысл. Именно сейчас у меня появилось несколько важных уточняющих вопросов, а задавать их уже некому. Конечно, можно попробовать послать ему зов, но лучше, наверное, все-таки приготовиться к драке. На месте Лойсо я бы напал на противника именно в такой момент — когда он заворожён беседой, искренне заинтересован в её продолжении и думать забыл о том, с чего все началось.

Но Лойсо на меня, конечно же, не напал. Думаю, с его точки зрения, я был настолько лёгкой добычей, что действовать, руководствуясь разумными тактическими соображениями, представлялось ему скучным и даже оскорбительным. Зато болтать со мной ему почему-то нравилось, по крайней мере на следующую же ночь Лойсо снова вышел на связь.

«Вчера я не успел рассказать тебе, как мне удалось проснуться. Потому что мне все-таки удалось проснуться — настолько, что я поднялся с постели и пошёл умываться, а потом отправился слушать лекцию о лесной магии драххов⁸, скучную и бесполезную, если тебе интересно моё экспертное мнение по этому вопросу. Так вот, когда моя ненависть к рассказчику, мосту и вороне дошла до предела, я вдруг понял, что самый простой выход из положения — испепелить их. Мост, дохлую птицу, суетливого прохожего и заодно двуликого зануду, который мог бы, к примеру, спеть и сплясать, если уж пришла охота мне сниться. В некоторых случаях понимание становится началом эффективного действия; в идеале так должно быть вообще всегда, а я стараюсь соответствовать идеалу. И всегда старался. Поэтому стоило мне только подумать, как моё сновидение вспыхнуло и запылало, а я проснулся в постели, покрытой толстым слоем ещё тёплого пепла».

«И теперь ты решил спалить ещё одно докучливое сновидение? — спросил я. — Такая последовательность заслуживает уважения. Но меня это не устраивает. Я, в отличие от тебя, только-только начал смотреть этот сон. Мне все ещё интересно».

«Понимаю, сочувствую, но ты сам виноват. Надо было родиться хотя бы несколькими столетиями раньше, тогда у тебя было бы время и порезвиться, и заскучать. В любом случае я очень рад, что ты наконец-то перестал молотить чушь насчёт моей крови и приоткрыл истинную подоплёку своей враждебности».

«Кровь это тоже важно, — парировал я. — Нужно быть дураком, чтобы не хотеть поживиться чужим могуществом. Тут всякий шанс, даже самый ничтожный, — великий соблазн».

«Вот всегда так с вами, молодыми. Только что был умный и вдруг — хлоп! — снова дурак, — вполне добродушно откликнулся Лойсо. — На твоём месте я бы все-таки кинулся в ноги бывшему приятелю, я имею в виду Кеттарийца. Уж не знаю, что вы там не поделили, но он, пожалуй, мог бы преподать тебе пару уроков, как смотреть в другую реальность, пока не поздно... Что именно вы не поделили, кстати? Или ты ему просто надоел после дюжины лет возни? Он очень ненадёжный человек, это правда. Ни на чем не способен надолго сосредоточиться, а то бы цены ему не было».

Мой разум завопил было: «Провал, провали — но вовремя притих. Решил, что с паникой можно не спешить. Сперва надо оценить ситуацию. Соображать мне пришлось очень быстро, но я все-таки понял: вопрос Лойсо означает, что ему известно о нашей с Чиффой дружбе, однако он совершенно уверен, что она продолжалась всего дюжину лет, после чего

мы якобы разругались и я снова остался один. То есть проницательный-то он проницательный, однако дурацкая уандукская пиллюля, в пользу которой я не слишком-то верил, работает, и ещё как. В глазах Лойсо я выгляжу человеком, который провёл последние годы в полном одиночестве. Поэтому можно спокойно собраться с мыслями и отвечать.

«Чиффа все время врёт, — сказал я. — Обещает и не делает. Мне надоело. Не люблю, когда меня водят за нос. Я хотел его убить, но не вышло, а теперь он окружил себя какой-то специальной защитой от меня одного, так что я не могу к нему приблизиться. И даже зов послать, поговорить не могу. Странно, вообще-то. Я не думал, что он может меня бояться».

В целом, я был доволен своей импровизацией. Не так плохо для человека, который не научился врать в детстве. Во всяком случае, Лойсо проглотил мою ложь. И даже, кто бы мог подумать, вступился за честь Чиффы.

«Скорее всего, он просто тебя щадит, как и я. Опасается зашибить ненароком. Уж не обижайся, но, с точки зрения любого мало-мальски опытного и могущественного колдуна, ты удивительно трогательный. Как, впрочем, все талантливые дети, обречённые на недолгую жизнь».

«Да какой же я, к тёмным магистрам, ребёнок?!»

Возмущение моё, надо сказать, было совершенно искренним. Как будто не было у меня иных забот, кроме как заставить этого не в меру снисходительного злодея признать меня равным и убить по-человечески, без сентиментальных причитаний.

«Всякий колдун, которому ещё нет трехсот, ребёнок, — объяснил Лойсо. — Триста лет, срок жизни обычного человека, — раннее детство мага. Только потом начинается постепенное взросление — для того, кто доживёт, конечно. У тебя, увы, мало шансов. Хоть ты их и заслуживаешь».

Его Безмолвная Речь имела ярко выраженный оттенок неподдельного сочувствия. Вот сейчас я растерялся по-настоящему. Куда больше, чем когда выяснилось, что Лойсо знает о моем союзе с Чиффой. Быть первым в Мирах человеком, которого пожалел Лойсо Пондохва, — что за причудливая форма избранничества! Впрочем, даже если бы я, окончательно обезумев, стал хвастать этим на всех перекрёстках, мне бы все равно никто не поверил.

«А что именно Чиффа тебе обещал и не сделал? — спросил тем временем Лойсо. — Мне интересно».

Тогда я рассказал ему историю о мёртвых магистрах из ордена Ледяной Руки. Выложил все как есть, только финал слегка

подкорректировал. Дескать, Чиффа научил меня правильно дышать и это помогает обходиться без сна. Но он твёрдо пообещал уничтожить мертвецов, если я буду действовать в его интересах, после чего годами вил из меня верёвки, не предпринимая никаких действий.

Я вложил в эту ложь столько неподдельной искренности, что под коней сам уже нетвёрдо помнил, как обстоят дела, а ярость, с которой я думал о Чиффе, более слабого человека, пожалуй, вполне могла бы если не убить, то хотя бы изуродовать, и расстояние тут не помеха. Неудивительно, что Лойсо принял мой рассказ за чистую монету, если я сам себе начал верить.

«Ненавижу, когда мной помыкают, — подытожил я. — Мне и твоя-то кровь нужна, чтобы расправиться с ним. И с мертвецами, конечно. И вообще со всеми. Может быть, дашь выпить глоток, если уж говоришь, что у меня нет шансов тебя убить?»

«Каков наглец, — изумлённо сказал Лойсо. — С ума сойти можно. Такого я ещё не встречал».

«В моей просьбе нет ничего особенного. Мне нужна сила. Все равно чья, лишь бы стала моей. Я старался разозлить тебя, чтобы получить хотя бы крошечный шанс убить. Ты, как я вижу, злиться на меня не хочешь или не можешь, кто тебя разберёт. И убивать, судя по всему, не собираешься. На мой взгляд, это проявление столь необъяснимого великодушия, что попросить у тебя глоток крови — вполне естественный поступок. А вдруг дашь?»

«Резонно, — согласился Лойсо. — Ты меня почти убедил. Я постепенно начинаю склоняться к мысли, что твоя смерть — действительно наилучший выход, поскольку избавит меня от великого множества хлопот. Я об этом подумаю. Ну и ты поразмысли на досуге о том, чего на самом деле хочешь. Могущества?

Славы? Власти над Миром, который доживает свои последние дни? Сбежать в иную реальность и таким образом выжить? Отомстить Чиффе? Убить меня? Умереть от моей руки? Уничтожить мёртвых магистров и выпастся? Готов спорить, ты сам не знаешь, что тебе нужно».

«Ну как же. Все перечисленное, кроме разве что умереть. И ещё очень многое, — ответил я. — Почему непременно нужно выбирать что-то одно?»

Но этого Лойсо уже не услышал, поскольку исчез из моего сознания несколькими секундами раньше.

«Неужели моя просьба действительно так его разозлила? — подумал я. — Интересные дела». Ещё немного, и я бы, наверное, вспомнил, что

обычно чувствуют люди, когда говорят: «Мне стало смешно».

Впрочем, за моей головой Лойсо все-таки не пришёл. А я-то был так доволен собой, решив, что впервые за все время ухитрился всерьёз рассердить Великого Магистра ордена Водяной Вороны. Но, видимо, не так уж всерьёз.

Лойсо снова объявился всего день спустя.

«Что забавно, я совсем не вижу будущего, — сразу сказал он. — У меня никогда не бывает даже предчувствий, все, что я могу, — это анализировать информацию и строить предположения. Обычно они оказываются верными, но все же это не то. У каждого могущественного человека есть своё уязвимое место; мне хотелось бы стать исключением из этого правила, но пока не выходит, и поэтому я совсем не вижу будущего. А ты?»

«Нет», — ответил я. И не соврал.

«Неудивительно. А все же жаль. Мне вот что интересно: с какой стати ты свалился мне на голову? И почему мне так не хочется тебя убивать? На кой ты мне сдался? Если рассуждать здраво, никакой пользы от тебя быть не может».

«Зато от меня может быть вред». — Тут я был вполне честен.

«Тоже не вижу с чего бы. Не того полёта ты птица, чтобы от тебя был серьёзный вред. Не строй на сей счёт иллюзий».

Отвечать ему я не стал, но про себя пожал плечами. Слушать такие речи довольно обидно, но как же хорошо, что он меня недооценивает! Значит, шанс у меня по-прежнему есть. Совсем ничтожный, а все-таки.

«Я вот думаю, может быть, просто принять тебя в орден? — неожиданно сказал Лойсо. — Все же тебе удалось убить несколько моих младших магистров. Самых никчёмных мальчишек, можно сказать позор ордена, но и это неплохо. Значит, ты сам вполне можешь стать младшим магистром. А на большее у меня даже старшие магистры других орденов рассчитывать не могут».

Переоценить его предложение было невозможно. Поступить в орден Водяной Вороны у взрослого человека почти не было шансов. Лойсо старался брать к себе совсем маленьких детей, чуть ли не младенцев, и только самых способных. Было несколько исключений, но речь шла об очень могущественных и опытных колдунах, готовых к тому же поделиться с Лойсо секретами своих орденов. И им приходилось, отринув гордыню, принять звание младших магистров, тут Лойсо меня не обманывал.

Что и говорить, я был весьма польщён, но отказался наотрез; «Ни в какие ордена я поступать больше не намерен. Хватит с меня».

Был, конечно, у меня расчёт, что уж сейчас-то он наконец рассердится. Однако снова ничего не вышло.

«Дело хозяйское, — сказал Лойсо. — Я-то, честно говоря, думал, что за всеми твоими дурацкими выходками стоит надежда получить от меня такое предложение. И решил, что риск и безумие заслуживают награды. Удивительно, что я ошибся на твой счёт. Что же тебе от меня в таком случае надо? Я имею в виду, на самом деле».

«Тоже мне тайна. Я сказал правду с самого начала. Я хотел тебя убить. Впрочем, умереть от твоей руки тоже неплохо, действительно. Я слышал, люди, которых ты убиваешь, не умирают по-настоящему, а возрождаются к жизни в каком-то ином Мире. Это так?»

«Чушь собачья, — отрезал Лойсо. — Хотел бы я знать, откуда взялась эта дурацкая сплетня. Я все же не Король Мёнин. И вообще не Вершитель».

Что ж, по крайней мере, в этом вопросе они с Чиффой были единомышленны.

«Жаль, — сказал я. — Но все равно. Остаться в истории безумцем, который пугал трактирщиков да орденовских послушников и в конце концов был побеждён бессонницей и разгневанными покойниками, или безумцем, который пытался убить Лойсо Пондохву, — это разные вещи. Если уж из моей жизни не вышло ничего путного, можно хотя бы умереть с честью. А там — будь что будет».

«Все — таки ты мне очень нравишься, — сказал Лойсо. — Хоть и дурак, каких этот Мир не видывал. А ведь, казалось бы, чего-чего, а дураков тут в избытке. Ладно. Будь по-твоему».

На моё плечо легла тяжёлая рука, такая горячая, что, если бы не плотная ткань лоохи, вполне могла бы обжечь.

Нельзя сказать, что я не был готов к такому повороту. Собственно, именно этого я добивался в течение целого года. И Перчатки Смерти, разумеется, были на мне. С тех пор как началась охота на Лойсо, я не снял их ни разу, только надевал сверху вторую пару — обычные перчатки тонкой кожи, исписанные изнутри защитными рунами. Для того чтобы от них избавиться, не требовалось никакой возни, стоило только пожелать, и перчатки исчезали, как не было; времени это не отнимало, лишь какую-то долю секунды, столь жалкую, что для обозначения её протяжённости и числа-то нет. Этот фокус я отрабатывал годами и добился очень неплохих результатов, но теперь почему-то не мог повторить.

Впрочем, понятно почему. Я не хотел этого делать. Мне не нужно было оборачиваться и смотреть на Лойсо, я и так уже знал, что рядом со мной

находится самое восхитительное существо во Вселенной, умереть от его прикосновения — великая удача, что бы он сам по этому поводу ни говорил. А я-то с ним на «ты» был, болван, ещё и убить совершенно всерьёз планировал, все высчитывал свои шансы, наивная душа, но я-то ладно, не представлял, с кем придётся иметь дело, а вот Чиффа хорош, конечно...

Я не умер от прикосновения Лойсо, поэтому все-таки обернулся и поразился нашему внешнему сходству. Помню, даже сперва подумал, сейчас выяснится, что на самом деле он мой настоящий отец, и тогда, конечно, понятно, почему я до сих пор жив. Впрочем, я тут же с негодованием отбросил эту идею. Ясно, что у такого существа не может быть обычных человеческих детей. Куда уж мне. Мало ли кто на кого похож. Ещё и не такие бывают совпадения.

— Я же говорил, что у тебя нет даже намёка на шанс, — почти ласково сказал мой ослепительный двойник. — А ты не верил. Надежда на так называемое лучшее испепеляет разум и не даёт смотреть на вещи объективно. Впрочем, ты не зря старался. Эта твоя затея с охотой на меня настолько нелепа, что я решил принять вызов и ответить на неё ещё более нелепым поступком. Знаешь, что я сейчас сделаю? Напою тебя своей кровью и погляжу, что из этого выйдет. Если результат мне понравится, отпущу тебя на все четыре стороны. Пусть этот Мир хотя бы в финале развлечётся как следует.

В глазах его плясало весёлое пламя, было ясно, что Лойсо от души хохочет — не утруждая работой ни лицевые мускулы, ни гортань, совершенно беззвучно и при этом столь заразительно, что я не мог не улыбнуться в ответ. А улыбнувшись, я наконец-то понял, что наша встреча — не драматическое, а бесконечно радостное событие, потому что...

В этот миг Мир рухнул — для меня. Будь я поэтом, я бы, вероятно, всю оставшуюся жизнь подбирал слова, пригодные для того, чтобы рассказать, как ослепительная волна накрыла нас с Лойсо, мой дом, землю, небо и, наверное, вообще все, не уничтожив, а попросту отменив для нас самую возможность существовать. Но я не поэт, поэтому вряд ли у меня есть хоть малейший шанс достоверно описать, каково это, когда Хумгат врывается в Мир через разбитое окно, которым оказываешься ты сам. Больше всего это похоже на небытие, но небытие очень деятельное, подвижное, до отказа переполненное событиями и ощущениями, причастность к которым не оставляет ни малейшего шанса выжить, но и мёртвым при этом быть невозможно, зато все остальное возможно, я имею в виду — абсолютно все, кроме жизни и смерти. Я ничего не понимал, но

безошибочно чувствовал, что источником бури, которая смела нас с Лойсо с лица земли, вышвырнула за пределы реальности, был я сам, хоть и не знал, конечно, как мне это удалось.

Когда способность упорядочивать хаос, вернее, создавать для себя более-менее убедительную иллюзию порядка отчасти вернулась ко мне, я обнаружил, что стою посреди каменистой, бесплодной долины, со всех сторон окружённой унылыми холмами. Здесь было невыносимо жарко, а небо имело цвет бледного пепла, словно беспощадное солнце давным-давно выжгло его дотла. Прямо передо мной плясали два высоких столба пламени, ослепительно белый и изумрудно-зелёный. Это было фантастически красивое зрелище; по правде говоря, я бы дорого дал, чтобы увидеть его ещё раз, хотя бы когда-нибудь.

Но платить за такое и вообще за любое прекрасное зрелище жизнью, на мой взгляд, все-таки не стоит. А вдохнув полной грудью, я понял, что цена именно такова: здешний воздух совершенно не подходит для дыхания. Я могу прожить без воздуха чуть больше, чем нетренированный человек, но разница, по правде сказать, не столь существенна, как хотелось бы, к тому же я набрал полные лёгкие этой отравы, а значит, даже нескольких минут у меня, скорее всего, нет, и вот это обидно, действительно очень обидно — до слез.

Глаза мои уже застилал густой, алый туман, а я все смотрел на пляску разноцветных огней, смутно надеясь, что это зрелище отпечатается не только на дне зрачков, но и в самой глубине моего существа и останется со мной даже после того, как я утрачу себя. И вдруг в самом центре белого огненного столба я увидел лицо Чиффы, даже не лицо, только ухмылку, но такое ни с чем не перепутаешь. Мой приятель наконец перестал притворяться человеком, он пылал, он был счастлив и весел, как никогда, он, судя по всему, побеждал, потому что безграничная радость не может быть спутником поражения. Но если так, выходит...

О да. Ещё как выходит.

Сознание угасало, и все же я успел сообразить, что все это время был не игроком, а козырной картой в чужой колоде, не рыбаком, а наживкой — оскорбительная роль. Но я ощутил не гнев, а искреннее сожаление, что уже никогда не узнаю подробностей этого, вне всякого сомнения великолепного плана, и чем закончится драка двух огней, тоже не узнаю, конечно, и как теперь все будет — я имею в виду, вообще все, потом, после, без меня. Почти забыв об отсутствии воздуха, почти не мучаясь от удушья, я умер, терзаемый любопытством, можно сказать, умер от любопытства, и, на мой взгляд, это не худший финал.

Зато воскрес я, содрогаясь от ярости, и это, в свою очередь, не худшее начало новой жизни. Впрочем, я отдаю себе отчёт, что в этом вопросе мало кто со мной согласится.

Я почти ничего не видел, пальцем пошевелить не мог, каждый вдох давался с таким трудом, словно мои лёгкие заполнялись не воздухом, а каменной крошкой, но я прекрасно помнил, что произошло, очень ясно понимал своё положение, и этого было достаточно, чтобы гнев переполнил меня до краёв и изготовился выплеснуться наружу.

— Имей в виду, все вовсе не так страшно, как тебе кажется, — сказал Чиффа.

Судя по голосу, он был где-то рядом, видеть его я пока не мог, и вообще ничего, только какие-то мутные цветные пятна, тусклые и сияющие, вперемешку. Присутствие Кеттарийца, как всегда, действовало на меня целительно, даже умиротворяюще, но все же не настолько, чтобы гнев мой взял и вот так сразу утих. Другое дело, что дать ему выход я пока не имел ни единого шанса, тут уж ничего не попишешь.

— У меня обычно тоже хватает дури мнить себя великим игроком, — вздохнул Чиффа. — Тогда как ясно, что и я — только карта в чужих руках. И кстати, не факт, что непременно козырная. Иногда, вот сейчас например, это меня совершенно не печалит, потому что я в состоянии оценить подлинные масштабы этого непостижимого игрока. Но понять тебя я могу, как никто другой. Дыши, сэр Шурф, дыши, поначалу это будет больно и трудно, но потом пойдёт гораздо легче. Правильное дыхание, конечно, никогда не изменит истинного положения наших с тобой дел, зато сделает твою жизнь проще и приятнее. Настолько, что ты наконец-то обрадуешься, что остался в живых. Как я понимаю, это должно было стать для тебя полной неожиданностью. Умирал ты, во всяком случае, очень добросовестно, с полной самоотдачей, как и все, что делаешь.

Говорить я не мог, какие уж тут разговоры, когда даже разумный совет насчёт дыхательных упражнений был пока совершенно невыполним. Я хотел воспользоваться Безмолвной Речью и сказать Чиффе, что он втянул меня в отвратительную игру, потому что одно дело — охотиться на Лойсо Пондохву и совсем другое — оказаться капканом для человека, который искренне предложил тебе свою кровь. Есть граница между хитроумной стратегией и обычной подлостью; переступать её, наверное, можно, почему нет, но делать это следует осознанно и добровольно, а не сдуру, игрушкой в чужих руках. Но и Безмолвная Речь мне пока не давалась. Оставалось надеяться, что Чиффа самостоятельно прочитает мои мысли, как не раз делал прежде, и заткнётся хотя бы на полчаса, а ещё лучше — вовсе

исчезнет, потому что невыносимо.

Уж не знаю, читал он мои мысли или нет, но действительно заткнулся, вздохнул и небрежно коснулся моей макушки — усypил. И правильно сделал. Потому что проснулся я почти зрячим. И почти вменяемым — насколько это вообще возможно.

— Кроме всего, я тебя ещё и крыши над головой лишил, — весело сказал Чиффа. — Вашего фамильного замка больше нет. Мне очень жаль.

Не думаю, что он действительно испытывал сожаление. Столь жизнерадостным тоном обычно сообщают только очень хорошие новости. Впрочем, по большому счёту ситуация была именно такова. Узнать, что остался без дома, можно только будучи живым. Выходит, я действительно жив. Интересные дела.

Обдумав все это, я понял, что не только жив, но к тому же ещё и проснулся. Открыл глаза и обнаружил, что вижу почти так же хорошо, как прежде. Перед моим носом стоял большой кувшин с камрой и ещё один, маленький, с каким-то незнакомым зельем. Пахло оно, впрочем, довольно приятно.

Чиффа сидел на подоконнике. Вид он при этом имел настолько лучезарный и самодовольный, что я предусмотрительно отвернулся, опасаясь нового приступа ярости. На это у меня пока не было сил. На усмирение себя — тем более.

— Так я крови Лойсо и не напился, — сказал я. — Придётся довольствоваться вашей камрой. А это, при всем моем уважении к качеству напитка, совсем не то.

Это была скорее проверка работоспособности голосовых связок, чем настоящий упрёк. Ясно же, что упрёками его не проймёшь. И вообще ничем.

— Тебе, должен сказать, очень повезло, — жизнерадостно откликнулся Чиффа. — Кровь у него ядовитая. Это не метафора, а просто констатация факта. Одной капли крови Лойсо Пондохвы достаточно, чтобы убить взрослого, крепкого человека. Ты, конечно, очень живучий, но глотка тебе, не сомневаюсь, хватило бы с избытком. К слову, это одно из его любимых развлечений. Время от времени Лойсо заводит себе очередного приятеля, какого-нибудь могущественного — прочих он вообще людьми не считает, — но юного и несведущего колдуна вроде тебя. Учит уму-разуму, обещает принять в орден, да ещё и свою кровь сулит, как высшую милость. В финале бедняга умирает на руках у своего благодетеля, счастливый и восхищённый, не успев сообразить, что случилось, а Лойсо, насколько я понимаю, получает от этого не только моральное удовлетворение, но и ещё

кое-какие бонусы. Какие, в точности не знаю. И знать не хочу, потому что, кажется, догадываюсь... Впрочем, Лойсо и его выходки — уже часть истории. И хвала магистрам. Хотя, строго говоря, вовсе не каким-то неизвестным магистрам хвала, а нам с тобой.

Наверное, последняя фраза должна была доставить мне удовольствие, но меня занимало совсем другое.

— Ядовитая кровь? Это правда? Или вы просто наспех выдумали это утешение, чтобы меня не мучила совесть?

— Ну знаешь. Ты что, действительно способен представить меня в роли утешителя? Что же до ядовитой крови Лойсо Пондохвы, теоретически у тебя по-прежнему есть возможность проверить правдивость моих слов. Но я бы, честно говоря, не советовал. По крайней мере, не в ближайшее время. А вот лекарство надо пить прямо сейчас. Я, конечно, с превеликим удовольствием буду с тобой возиться, но примерно до вечера, не больше. Надоест. Поэтому в твоих интересах встать на ноги как можно скорее. А зелье отличное, его девочки Сотофы готовят. Нужно пить понемногу, по маленькому глотку, делая перерывы в несколько минут. Пока пациент болен и слаб, лекарство кажется сладким, а по мере выздоровления его вкус будет портиться. Последние глотки — потрясающая гадость, думаю, ничего горше ты в своей жизни не пробовал. Но допить придётся до конца, иначе процесс повернёт вспять. Заранее тебе сочувствую. Давай начинай, а я за это буду отвечать на твои вопросы. У тебя их, подозреваю, великое множество.

— Вопросов хватает, — согласился я и попробовал лекарство.

Вероятно, дела мои были пока совсем плохи, потому что вкус показался мне восхитительным.

— А что вы имели в виду, когда сказали, будто я могу проверить ваши слова? Ну, про кровь Лойсо Пондохвы. Хотите сказать, он остался жив? Вы разошлись вничью? Но почему тогда вы говорите, что его дела — уже часть истории? Или вы его все-таки убили, а кровь сцедили в сосуд? Что-то я совсем запутался.

— Сцедить кровь врага в сосуд? Ну ты даёшь, сэр Шурф. Вынужден тебя разочаровать, домашнее консервирование — не моя стезя. Проще вовсе не убивать врага, чем потом запастись его впрок. Я и не убил, совершенно верно. И не собирался. Собственно, в этом и состояла моя главная проблема — как бы не убить ненароком Лойсо Пондохву. А то он, знаешь ли, такое хрупкое, нежное существо...

Ещё недавно я бы подумал, что его слова похожи на обычное хвастовство, глупое и неуместное, даже если речь идёт о поверженном

противнике. Но я хорошо помнил, как плясало весёлое белое пламя, поэтому никаких выводов делать не стал. Мало ли какие искры могут лететь от такого костра.

Чиффа тем временем стал немного серьёзней.

— На самом деле я даже не знаю, чем завершилась бы моя драка с Лойсо, если бы она состоялась здесь, в Ехо, — сказал он. — Возможно, я бы его убил, а может быть, мне самому пришлось бы удирать в Хумгат и потом носа в столицу не совать. Что совершенно точно, я бы не смог взять его в плен живым. А я хотел именно этого. Иные варианты меня не устраивали.

— Но почему? — спросил я. — На вас тоже действует его обаяние?

Чиффа неопределённо пожал плечами.

— Можно сказать и так. Если, конечно, мы договоримся считать обаянием не его явное сходство с моей, вне всякого сомнения, прекрасной персоной, а...

— Но между вами нет никакого сходства! — Я так удивился, что перебил его на самом интересном месте. — Вообще ничего общего.

— Конечно, как я не сообразил. На самом деле Лойсо Пондохва очень похож на тебя, — ухмыльнулся Чиффа. — Правильно?

— Ну да. Я очень удивился, когда его увидел.

— Ещё бы ты не удивился. Могу вообразить. Но на самом деле Лойсо Пондохва не похож ни на тебя, ни на меня. Я, кстати, видел однажды его юношеский портрет времён учёбы в Высокой школе Холоми. У Лойсо довольно необычная внешность, редкий для Соединённого Королевства тип, с нашими рожами — вообще ничего общего. Но его настоящий облик давным-давно все забыли. Лойсо — зеркало, причём зеркало чрезвычайно льстивое для собеседника. И дело, конечно, не только в его физиономии, которую ты увидел лишь в финале. Разговаривая с тобой, Лойсо приобретал сходное с твоим настроение, твой темперамент, даже взгляды на жизнь у него временно становились более-менее близкими тебе, с поправкой на опыт и знания разумеется, однако надёжную платформу для взаимопонимания это обеспечивало. Все это время ты, можно сказать, имел дело с самим собой. Исправленной, дополненной и максимально улучшенной копией. Когда говорят о сокрушительном обаянии Лойсо Пондохвы, имеют в виду именно это его свойство. Но меня трогает не оно, а его несомненное избранничество. Лойсо Пондохва рождён для Истинной магии, и, в общем, не его вина, что жизнь сложилась иначе. Мне повезло гораздо больше, именно поэтому я был обязан предоставить ему шанс попробовать.

— И что?

— Как — что? Предоставил, конечно. Строго говоря, я сделал для него примерно то же, что когда-то для тебя. Теперь у Лойсо будет время и, я бы сказал, насущная необходимость заняться самосовершенствованием. И решительно никакой возможности отвлекаться на разные глупости вроде Очевидной магии и разрушения Мира. Что из этого выйдет, пока не знаю. Но думаю, он превосходно справится. А ты пей своё лекарство. И камрой не пренебрегай. Зря, что ли, я её варил?

Новый глоток зелья слегка горчил, но не настолько, чтобы это испортило вкус. Скорее наоборот, добавило ему изысканности.

— Ага. Не плюёшься и даже не морщишься. Значит, плохи пока дела, — жизнерадостно констатировал Чиффа. — Ну, твоё счастье. Развлечения продолжаются. Что ещё тебе непонятно?

— Мне по-прежнему непонятно вообще все. Ладно, положим, Лойсо жив и в плену. И обречён заниматься там всякими полезными вещами. Хорошо. Но где он? Как туда попал? Вернее, как мы все туда попали? Что это было за место — знойное, с отравленным воздухом? Зачем вам был нужен я? Какая польза вышла от моего участия? И почему я все-таки не умер?

— Начну с конца, поскольку ответить на твой последний вопрос проще всего. Ты не умер потому, что я тебя оттуда вовремя вытащил. Ну не то чтобы совсем вовремя, чуть позже, чем следовало, но я неплохой знахарь, да и ты, хвала магистрам, живуч... То ещё местечко, конечно. Воздух чужого сна вообще редко бывает пригоден для дыхания бодрствующего человека. А там он ещё и отравлен.

— А как же Лойсо?... — начал было я.

— А что ему сделается? Я уже говорил тебе, в его жилах течёт ядовитая кровь. Это значит, что Лойсо не страшна никакая отравка и дышать он может любой дрянью или не дышать вовсе, ради этого подобия бессмертия все и затевалось. А молодых колдунов своей кровью травить — это уже дополнительное развлечение, а вовсе не первоначальная цель.

— Ясно, — сказал я. — Никогда не слышал ни о чем подобном. Но я все чаще убеждаюсь, что в моих устах «не слышал» — не аргумент.

— Ты правильно оцениваешь ситуацию. И это на сегодняшний день твоё величайшее достижение. Пока человек отдаёт себе отчёт, что его знания и опыт — ничтожная крупинка реальной картины мира, он настолько не безнадёжен, что пари впору заключать, делая ставку на его блестящее будущее.

Я пожал плечами. Возможно, знать себе цену действительно полезно.

Но радости от этого знания мало, честно говоря.

— Вы бы все-таки рассказали все по порядку, — попросил я. — Потому что я не просто ничего не понимаю, а понимаю гораздо меньше, чем ничего. А это уже слишком.

— Да ладно тебе. Впрочем, по порядку — это разумное требование. Смотри, ситуация была такова. Я сам давно понимал, что обезвредить Лойсо — дело первостепенной важности. Пока он жив, война не закончится. Ну или закончится — официально, с приличествующими случаю торжествами, но по сути будет продолжаться. Понимать-то я понимал, но не знал, с какого конца взяться за это дело, потому что, как уже сказал тебе, очень не хотел убивать Лойсо.

Жизнь человека со столь незаурядными способностями к Истинной магии в моих глазах почти священна. И пока есть хоть малейший шанс её сохранить, это следует сделать. Твоя жизнь, к слову сказать, тоже почти священна, поэтому, будь добр, ещё глоток лекарства. Неужели все ещё не горько? Ничего, значит, у тебя все ещё впереди.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — Но вы все-таки продолжайте, пожалуйста.

— В какой-то момент к моим лирическим размышлениям о Лойсо и войне присоединилась маленькая, но сплочённая компания сочувствующих — я имею в виду Короля и Нуфлина. Сказать по правде, они крепко на меня надели. Что хорошо — они меня все же здорово недооценивают. И когда я говорил, что не способен убить Лойсо Пондохву, мне, в общем, охотно верили. Но при этом продолжали настаивать, чтобы я все-таки попробовал. Его Величество — от безысходности, а Нуфлину, надо понимать, было абсолютно все равно, кто кого убьёт. Лишь бы уже наконец убили хоть кого-нибудь. Одним гипотетическим соперником станет меньше — и хвала магистрам.

По моим расчётам, именно в этом месте Чиффа должен был умолкнуть и начать набивать трубку, чтобы дать мне возможность обдумать сказанное и самостоятельно составить суждение о характере Великого Магистра ордена Семилистника. Он покосился на меня с явным одобрением, ухмыльнулся и действительно полез в карман за кисетом с курительными принадлежностями.

— В общем, даже хорошо, что Король и Нуфлин приняли меня терпеть. Потому что я как-то уж чересчур затянул с этим делом. В таких случаях постороннее вмешательство обычно на пользу, хоть и бесит, конечно. Сперва я — просто чтобы отвести душу — придумал три сравнительно несложных способа устранения Короля и захвата престола и

составил вполне осуществимый план убийства магистра Нуфлина Мони Маха. А потом ещё один, совсем простой. Это меня освежило, и я наконец понял, что делать с Лойсо. Если хочешь слушать дальше, выпей ещё одну порцию лекарства, это обязательное условие. Ага, вижу, оно тебе уже не нравится. Ну и хвала магистрам, значит, скоро будешь здоров.

Он подождал, пока я запью горькое зелье остывшей камрой, и продолжил:

— Идеальную тюрьму для Лойсо я давно уже присмотрел. Эта знойная долина, где невозможно дышать, — просто чужой сон. Сон смертельно больной старухи, которая, подозреваю, обладает весьма тяжёлым характером и врождённым талантом видеть так называемые плотные сны, развить который у бедняжки не было решительно никакой возможности. Но у неё и так очень неплохо получилось. Я, когда случайно туда заглянул, путешествуя через Хумгат, сразу понял: вот прекрасное место, чтобы запереть Лойсо Пондохву. Прямо как специально для него создано. Я там кое-что исправил по своему вкусу, заодно подлечил сновидицу, чтобы не умерла раньше времени, а то столько усилий прахом. Оставалось только заманить туда Лойсо. Ясно, что по доброй воле он за мной в иную реальность не сунется. И ни за кем другим. А в одиночестве тем более не сунется, потому что, страшно сказать, пока не умеет. Лойсо взял от Очевидной магии все, что возможно, это правда, однако в таких делах, как путешествия в иные Миры, от его умений никакой пользы. Даже наоборот. Тому, кто привык изо дня в день совершать насилие над реальностью, немыслимо трудно повиноваться её потаённым желаниям. Оставалось одно — спустить на него Хумгат, как спускают с цепи собаку, или нет — как заклинают море выйти из берегов. А ведь похоже получилось, правда? Словно бы волна вас накрыла. Великолепное, доложу тебе, было зрелище!

Я пожал плечами. До сих пор у меня были совсем иные представления о море. Наверное, потому, что я часто коротал дни на пустынных ташерских пляжах и ещё никогда не попадал в настоящий шторм.

— Ты, наверное, думаешь, что стал в моей охоте обычной приманкой. Это не совсем так. Я сделал тебя потайной дверью, открыть которую можно только изнутри, а ключ спрятал у себя — до поры до времени. Честно говоря, это было самой трудной частью моего плана. Насколько я знаю, ещё никто никогда не пробовал сделать живого человека входом в Хумгат. Обычно в таких случаях ограничиваются нормальными дверьми, воротами и калитками, благо их предостаточно. Ты же помнишь, как я вытолкнул тебя в пустоту, распахнув дверь своей гостиной, это вполне

традиционный подход к делу. Но я не мог рисковать. У меня не было сомнений, что рано или поздно Лойсо заинтересуется тобой настолько, что захочет подойти поближе. А вот заманить его в какой-нибудь конкретный дом да ещё и заставить собственноручно открыть заколдованную дверь — утопия, почти никаких шансов. Так что пришлось использовать тебя. Я занимался тобой, когда ты спал, действовал на ощупь, почти наугад, потратил на это полгода, но добился успеха. Ты, к счастью, ничего не заметил, потому что в твоей жизни и без того было великое множество удивительных перемен, каждый день что-нибудь новенькое, так что незнакомые ощущения и странные сны стали для тебя нормой.

— Честно говоря, я так и не понял, во что вы меня превратили, — вздохнул я. — И что из этого следует? Теперь так будет часто? Я имею в виду...

— Я понял, что ты имеешь в виду. Можешь быть спокоен, я не думаю, что подобное ещё когда-нибудь случится. Ты перестал быть дверью после того, как она однажды открылась, так что все в порядке. Конечно, какое-то время тебе лучше воздерживаться от путешествий между Мирами. Хотя бы лет сто. Чтобы твоё тело окончательно забыло, что это такое — быть дверью. Но если я правильно понимаю, ты и сам пока не слишком рвёшься в Хумгат. А значит, все в порядке. Займёшься этим позже, а пока для тебя найдутся другие дела. И другие места для приятных прогулок.

— Ладно, — согласился я. — Хорошо, если это правда.

— Каждый сам выбирает, что станет для него правдой, а что нет. Не пренебрегай возможностью делать этот выбор осознанно, тогда правдой будет становиться все, что тебе нравится. Чем плохо?

— Вы бы все-таки объяснили, как превратили меня в «дверь», или чем там я стал на самом деле. Потому что...

— Извини, но объяснить не могу. Возможно, когда-нибудь, если наша с тобой жизнь сложится максимально благоприятным образом, смогу научить. А пока просто имей в виду: все что угодно может стать дверью в бесконечность. И кто угодно. Это что, некоторые ещё и ключами иногда становятся. Высокая участь, завидная судьба. Для нас с тобой — прекрасная, неотвратимая неизбежность.

Он сочувственно мне подмигнул и продолжил:

— После того как я превратил тебя в дверь и хорошенько запер — до поры до времени, — оставалось только свести вас с Лойсо и подождать, пока вы подружитесь. Зная тебя, я не сомневался, что ты захочешь принять такой вызов. Зная Лойсо, я не сомневался, что, как только тебе удастся обратить на себя его внимание, он не устоит перед искушением. Ради

возможности очаровать и убить очередного юного гения Лойсо и с разрушением Мира вполне способен повременить. Так, собственно, и вышло. Думаю, ты его действительно тронул. На прощанье Лойсо велел мне тебя беречь. Сказал, если уж вышло так, что он тебя не убил, теперь ты просто обязан стать бессмертным. Все остальные варианты он будет рассматривать как серьёзный ущерб своей репутации... Ну да, разумеется, мы поговорили по-человечески, перед тем как расстаться. Не все же кострами пылать. Тем более без моих инструкций Лойсо пришлось бы несладко — я, как мог, облегчил ему жизнь, и он это оценил. Он, как ни удивительно, умеет проигрывать, и приноравливаться к обстоятельствам тоже умеет, а это для угуландского колдуна большая редкость. Вас воспитывают своенравными, что, честно говоря, не во всех случаях полезно. Только в некоторых.

— Наверное, когда вы беседовали, Лойсо был похож на вас, — заметил я. — Поэтому вам и понравилось, как он себя держал. Или вы лишили его способности быть зеркалом?

— Ну что ты. Конечно не лишил. Незачем это, и вообще неизвестно, возможно ли. И объяснение твоё очень похоже на правду, — Чиффа покачал головой. — Хотел бы я все-таки знать, каково ему наедине с собой. Наверное, нелегко. А может, вовсе никак. А тебе тем временем...

— Да, — кивнул я. — Ещё глоток.

На сей раз понадобилась вся моя воля, чтобы не выплюнуть неописуемо горькую пакость. Отвратительный вкус обволок нёбо, проник в гортань, потом в желудок и стал медленно расползаться по телу. Чувствовать горечь лбом и спиной, коленями и кончиками пальцев, как будто все моё тело превратилось в один огромный язык, — это было совершенно необычное переживание. До сих пор я не знал, что такое по-настоящему невкусное питьё. И не сказал бы, что это знание было таким уж желанным. Ещё менее желанными казались мне остатки зелья на дне кувшина. Но я понимал, что наше воссоединение неизбежно.

— Поскольку последний глоток этой мерзости, скорее всего, сведёт меня в могилу, я хотел бы напоследок узнать две вещи, — сказал я. — Во-первых, как мы с Лойсо оказались в Мире, который вы заранее для него выбрали? Я помню, что из Хумгата можно попасть куда угодно, но для этого следует сделать какое-то подобие выбора, а мы вряд ли могли единодушно выбрать столь неуютную реальность, о существовании которой к тому же не подозревали. И во-вторых. Почему вы сказали, что я остался без крыши над головой? Я, конечно, переживу, но хотелось бы понять, каким образом все это ваше невообразимое колдовство могло

повредить моему дому? Если уж я сам уцелел, хоть и был, как вы говорите, дверью, то есть самым эпицентром происходящего... Как-то не укладывается в голове.

— Ничего, сейчас уложим, — Чиффа обезоруживающе улыбнулся. — Конечно, вы с Лойсо ничего сами не решали. И вообще от твоей воли, ты уж прости, ничего не зависело. Я неотлучно был рядом с тобой, но не прятался где-нибудь в тёмном углу, а болтался в Хумгате, с другой стороны, с ключом наготове, прильнув, так сказать, к замочной скважине. Такие дела нельзя пускать на самотёк. Как только Лойсо подошёл к тебе достаточно близко, я распахнул дверь и, пока вы всю наслаждались новыми, интересными ощущениями, ухватил обоих за шиворот и утащил куда следовало. Собственно, тебя-то я сперва намеревался оставить дома, ты своё дело уже сделал и имел полное право провести полчаса, сидя на полу и недоуменно хлопая глазами, — прекрасный отдых, ты его честно заслужил. Но я не взял в расчёт нрав Лойсо, а ведь его реакция была более чем предсказуема. Впервые в жизни оказавшись на пороге Хумгата, он решил, что умирает, и попробовал прихватить с собой весь Мир — ты, думаю, уже сам понял, это у него навязчивая идея, единственная подлинная цель жизни, Лойсо не мог так просто от неё отказаться. У него была всего доля секунды и решительно никакой возможности использовать Очевидную магию, без которой он пока почти ничего не может, одна только ярость и несгибаемое намерение сделать по-своему, поэтому Мир, конечно, не рухнул, но все-таки небольшой конец света на ограниченной территории Лойсо устроил. По крайней мере, от твоих владений ничего не осталось. Я имею в виду, вообще ничего. Никаких руин, никакой выжженной земли, даже бездонной пропасти, которая стала бы поучительным напоминанием о происшествии, если бы за дело взялся чуть менее могущественный колдун, там нет. Теперь твой бывший сосед слева видит за своей оградой участок твоего бывшего соседа справа, и оба тщетно пытаются понять, куда же, собственно, подевался твой фамильный замок да и был ли он здесь хоть когда-нибудь.

— Все-таки это был не замок, — я не мог стерпеть столь вопиющую неточность. — Просто большой загородный дом эпохи вурдалаков Клакков. Это вам любой специалист по архитектуре подтвердит.

— Моё невежество воистину безгранично, — невозмутимо сказал Чиффа. — Я же, в сущности, простой провинциальный паренёк, бывший полицейский из графства Шимара. Чего ты от меня хочешь?

Крыть было нечем.

— Расскажите лучше, как теперь все будет, — попросил я. — Война

закончится? Мир не рухнет?

— Конец войны теперь действительно близок и, я бы сказал, неминуем, — кивнул Чиффа. — Что касается конца этого Мира, я очень рассчитываю, что теперь он не столь близок и чуть менее неминуем, чем казалось вчера. Лойсо представлял собой немалую угрозу, но далеко не единственную. Впрочем, мы с тобой молодцы, сделали все, что могли. Осталось ещё сделать все, чего мы не можем, и тогда успех гарантирован.

— Прекрасные перспективы. Просто прекрасные.

Я постарался произнести эти слова с максимально доступной мне язвительностью. Напрасный труд, Чиффа и бровью не повёл.

— Вот именно. Прекрасные перспективы, лучше и не скажешь. Нам обоим придётся прожить, совершенно безупречную жизнь — каждому свою.

— Что вы имеете в виду, когда говорите о безупречности? Кажется, я вас снова не понимаю.

— Конечно не понимаешь. Но очень скоро поймёшь. Безупречность, о которой я говорю, — это сознательный вызов собственному невозможному, потому что иных достойных противников у человека нет вовсе, мало ли кому что кажется... А у нас с тобой — и подавно. Особенно теперь, когда наш приятель Лойсо Пондохва сидит в добела раскалённой клетке и добросовестно пытается понять, что он в своей жизни делал не так, — на этом месте Чиффа ухмыльнулся, но, не обрета во мне поддержки, снова стал серьёзным. — Ты не раз говорил себе, что если не совершать время от времени невозможное, то и жить не стоит. Ты абсолютно прав, так оно и есть, только вот это твоё неопределённое «время от времени» я бы заменил для начала словосочетанием «каждый день». А начать предлагаю прямо сейчас, — и он выразительно посмотрел на кувшин с остатками горького зелья.

Я кивнул и допил лекарство. На этот раз мне показалось, что горечь проникла в самое сердце и переполнила его до краёв. Никогда прежде мне не доводилось испытывать столь всепоглощающую и, в сущности, беспричинную скорбь. На её фоне горький вкус во рту казался почти приятным и уж во всяком случае второстепенным ощущением.

— Вот! — обрадовался Чиффа. — Только что окончательно затянулась невидимая рана в твоём сердце — то самое отверстие, из которого хлестала сияющая пустота Хумгата. Дверь, которой ты был, снова надёжно заперта. Поэтому, собственно, тебе сейчас так плохо — все твоё существо страдает в разлуке с непостижимым, которое ещё недавно заполняло тебя целиком. Но такая тоска, поверь мне, целительна. Считай её чем-то вроде

посвящения. Именно с тоски по непостижимому начинается настоящая жизнь.

Помолчав, он добавил, на сей раз вполне будничным тоном:

— И что немаловажно, теперь ты совершенно здоров. Жизни твоей больше ничто не угрожает. Скажу больше, сердце, сперва разорванное, а после заштопанное самой вечностью, — куда более надёжная гарантия неуязвимости, чем, скажем, отравленная кровь. Как знахарь, я доволен и горд, а как человек, которому смертельно надоело справляться с работой в одиночку, практически счастлив.

— Какой же должна стать жизнь, которую помогла сохранить такая немыслимая горечь? — спросил я, когда немного пришёл в себя. И, поскольку Чиф-фа неопределённо хмыкнул, сам ответил: — Совершенно невыносимой.

— Ещё бы, — подтвердил Чиффа. — Но тебе понравится, вот увидишь.

Сердце моё по-прежнему было исполнено скорби, но несколько ритмичных вдохов и выдохов быстро исправили положение.

Рассказчик берет в руки кружку с Тришиным травяным чаем, неторопливо пьёт, аккуратно ставит её на стол и говорит:

— Теперь, оглядываясь назад, я должен заметить, что оба мы в тот день были взволнованы, а потому изрядно преувеличивали. Жизнь моя лишь изредка кажется мне по-настоящему невыносимой, да и совершать невозможное приходится далеко не каждый день. Однако, обещая, что мне все это понравится, Чиффа, вопреки обыкновению, говорил правду. Чем дольше я живу, тем больше удовольствия от этого получаю. И мне кажется, я только начинаю входить во вкус.

Правильно сделал, что так сказал. Это немного разрядило обстановку. А то сидели все, как на похоронах. Триша, правда, никогда не была на похоронах, а выражение подцепила от Франка, который говорит так, завидев человека, имеющего вид мрачный и серьёзный. Сам-то он, впрочем, вовсе не мрачен, скорее задумчив и явно чем-то удивлён.

— Это ж надо, — говорит наконец Франк. — Бывает же такое. Бедный мальчик. Я, конечно, не тебя имею в виду, а твоего приятеля по имени Лойсо. Далась ему эта мокрая ворона! Вечно так: приснишься человеку, чтобы подшутить над ним, растормошить, напомнить, что реальность непостижима, бессмысленна и одновременно прекрасна, а он с ума сходит, на стены лезет и спешно придумывает, как бы разрушить Вселенную, в которой все так неправильно устроено.

— Так это ты снился Лойсо?! — изумлённо спрашивает Макс. — Ну

ничего себе совпадение.

— Рано радуешься, я ему не снился. Но теоретически мог бы. И стишок этот мне знаком.

— И мне знаком, — говорит Макс. ~ С детства. Ничего особенного, просто в меру дурацкий стишок, таких много... Но если это не ты ему снился, то кто же?

— Да откуда же мне знать? Нас, безответственных любителей дурацких шуток, развлекающих прогулками по чужим сновидениям, куда больше, чем может показаться.

— А это необходимо? — строго спрашивает Лонли-Локли. ~ Я имею в виду, снится людям и сводить их сума?

— Как тебе сказать. Я, к примеру, развлечения ради то и дело совершаю поступки, которые вовсе не кажутся мне необходимыми. А потом, какое-то время спустя, вдруг выясняется, что эти глупости — наилучшее, что можно было сделать. И в этом смысле я — часть общего правила, вовсе не исключение. Всякий совершённый поступок — единственно верный, наилучший из возможных. Просто мало кто живёт достаточно долго, чтобы оценить истинные последствия своих дел, вот и довольствуются промежуточным результатом, корят себя потом за ошибки, которых, в сущности, не было. Мне-то, конечно, проще рассуждать. Мне вообще все — проще. Хорошо устроился, что и говорить. Но и ты, честно говоря, неплохо. И все здесь присутствующее.

Он решительным жестом переворачивает свои песочные часы, объявляет: «Ну вот, ещё одна вечность закончилась», спрашивает: «Кто хочет кофе?» — и идёт к плите; Триша, встряхнувшись и потянувшись, чтобы прогнать оцепенение, вприпрыжку бежит следом за ним. А гости глядят на них, улыбаются задумчиво, все трое. Молчат.

И правильно, потому что не о чем тут говорить. Вот прямо сейчас — точно не о чем. Потом, потом.

Примечания

Шурф Лонли-Локли действительно уже рассказывал о некоторых событиях, изложенных ниже. Очень скупое, в нескольких словах, опуская многие немаловажные факты. Эту версию его рассказа можно найти в повести «Путешествие в Кеттари».

Скархлы — исконные обитатели материка Хонхона. звери, птицы, рыбы и грибы, обладающие способностью время от времени принимать человеческий облик. Некоторые скархлы могут оставаться людьми подолгу, практически всю жизнь, лишь изредка принимая свой первоначальный облик; обычно им это очень нравится Их потомки от смешанных браков с рожденья выглядят как люди, но сохраняют некоторые качества своих предков и при желании быстро и легко обучаются превращениям.

Крёггелы — гномы, исконные обитатели материка Хонхона. Делятся на лесных и равнинных Равнинные гномы — одиночки, они язвительны, сварливы, неуживчивы и весьма умело прячутся от людей и от своих собственных сородичей, так что их мало кто видел А горные гномы имеют весьма общительный и уживчивый характер. Они основали княжество Кебла, где живут в дружбе с согласия не только друг с другом, но и с небольшой группой эхлов — великанов, которые остались на Хонхоне после того, как почти все их сородичи перебрались на материк Черухту, где по сей день живут в стране Умпон.

Хлеххелы — исконные обитатели материка Хонхона, обладающие способностью, а согласно некоторым источникам, даже потребностью проводить много времени под водой. Сейчас в Ехо проживает несколько семей хлеххелов, по специальному приказу Короля им выделили просторные участки на берегу Хурона, чтобы они могли построить дома по старинному обычаю, с большим подводным этажом.

Фэтан — обитатель иной реальности, лишённый тела. Обычно появляется не по своей воле, а повинуюсь призыву заинтересованного в его появлении колдуна. Со временем, адаптируясь к новым обстоятельствам, фэтаны становятся опасными для своих хозяев. Чем дольше фэтан проживёт, тем могущественнее он становится. Обычно дело заканчивается тем, что фэтан убивает своего бывшего господина и забирает его тело, которое питает потом жизненной силой людей, живущих по соседству. Поэтому когда в одном доме или квартале вдруг оказывается слишком много больных и несчастных людей, имеет смысл как следует поискать поблизости хорошо замаскировавшегося фэтана. Более-менее подробно о фэтанах рассказано в повести «Джуба Чебобарго и другие милые люди».

Кейифайн, в просторечии эльфы, — исконные обитатели материка Уандук. В древности наиболее активные и деятельные кейифайи, так называемые амфитимайи, под предводительством короля Ульвиара Безликого завоевали немалую часть Хонхоны, если, конечно, можно назвать «завоеванием» совершенно бескровное вторжение на материк, вызвавшее скорее радость, чем негодование приветливых аборигенов. Большая часть населения Соединённого Королевства, особенно Угуланда, — потомки смешанных браков между кейифайями, исконными обитателями здешних мест крэйями и людьми, чьи массовые переселения с Черухты поближе к Сердцу Мира были в то время обычным делом.

Арварох — четвёртый материк Мира, удалённый от соседствующих друг с другом Черухты, Хонхоны и Уандука на очень большое расстояние. Контакты Арвароха с остальными государствами сведены к минимуму, известно о нем немного, но и этого достаточно, чтобы полагать Арварох причудливым и чрезвычайно опасным местом, а его обитателей — эксцентричными варварами.

На древнем языке Хонхоны это слово означает «угрюмые люди». Однако далеко не все драххи отличаются угрюмым характером. Магия драххов базируется на их близости к природе, из них получаются отличные знахари, травники, а иногда — превосходные лесные колдуны, но Очевидной магии драххи не обучаются, даже если живут вблизи от Сердца Мира.